

2026

Том 5, № 2

Vol 5, No. 2

ISSN 2782-618X (Print)

ISSN 2782-4373 (Online)

НООНОМИКА И НОООБЩЕСТВО

АЛЬМАНАХ ТРУДОВ ИНИР им. С.Ю. ВИТТЕ

Noonomy and Noosociety.

Almanac of Scientific Works of the S.Y. Witte INID

НООНОМИКА И НОООБЩЕСТВО

АЛЬМАНАХ ТРУДОВ ИНИР им С.Ю. ВИТТЕ

Том 5, №2 2026 Vol 5, No.2

Noonomy and Noosociety.

Almanac of Scientific Works of the S.Y. Witte INID

Учредитель – Институт ноономики
и Нового индустриального развития (ИНИР)
им. С.Ю. Витте

Founder – S.Y. Witte Institute of Noonomy
and New Industrial Development (INID)

Зарегистрировано Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
(Свидетельство о регистрации средства
массовой информации
от 22.11.2021 г. ПИ № ФС77–82239)

Registered by the Federal Service
for Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Media
(Mass Media Registration Certificate PI
No. FS77–82239 of 22.11.2021)

Журнал является периодическим научным
изданием, выходящим 4 раза в год

The journal is a periodical scientific
publication published four times a year

Редакция журнала в обязательном
порядке осуществляет экспертную оценку
(рецензирование, научное и стилистическое
редактирование) всех материалов,
публикуемых в журнале

The editorial board without fail provides
expert assessment (peer review, scientific
and stylistic editing) to all content in the
journal

Официальный сайт Журнала:
noonomy-journal.ru

Official Journal website:
noonomy-journal.ru

Свободная цена

Free pricing

Полное или частичное воспроизведение
материалов, содержащихся в настоящем
издании, допускается с письменного
разрешения редакции. Ссылка на журнал
«Ноономика и ноообщество.
Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте»
обязательна

Materials included in this publication may be
reproduced in whole or in part with written
permission from the publishers, in which
case you are compelled to provide a citation
referencing the *Noonomy and Noosociety.
Almanac of Scientific Works of the S. Y. Witte
INID* journal

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

БАХТИЗИН А. Р., д-р экон. наук, профессор РАН, член-корреспондент РАН, директор Центрального экономико-математического института РАН (Россия);

БРИГОС ХЕСУС ПАСТОР ГАРСИЯ, ведущий научный сотрудник Института Философии (Куба);

ВАН ВЭНЬ, профессор, декан факультета глобального лидерства, декан Института финансовых исследований Чунъян Китайского народного университета (КНР)

ГЛАЗЬБЕВ С. Ю., д-р экон. наук, профессор, академик РАН, Государственный секретарь Союзного государства России и Беларуси (Россия);

ГОРШКОВ М. К., д-р филос. наук, профессор, академик РАН, директор Института социологии РАН (Россия);

ГРИНБЕРГ Р. С., д-р экон. наук, профессор, чл.-корр. РАН, научный руководитель Института экономики РАН (Россия);

ГЭЛБРЕЙТ Дж. К., профессор государственного управления, заведующий подразделением государственных и бизнес-отношений, профессор Школы по связям с общественностью Линдона Б. Джонсона Техасского университета в Остине (США);

ДЕСАИ Р., профессор, директор Исследовательской группы проблем геополитэкономики Университета Манитобы (Канада);

ДЫНКИН А. А., д-р экон. наук, профессор, академик РАН, член Президиума РАН, президент Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН (Россия);

КВИНТ В. Л., д-р экон. наук, профессор, иностранный член РАН, заведующий кафедрой экономической и финансовой стратегии Московской школы экономики МГУ имени М.В. Ломоносова (Россия – США);

КОЛГАНОВ А. И., д-р экон. наук, профессор, заведующий лабораторией сравнительного исследования социально-экономических систем экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, главный научный сотрудник Института экономики РАН (Россия);

ЛЭЙН Д., профессор колледжа Эммануэля Университета Кембриджа (Великобритания);

ЛЕМЕЩЕНКО П. С., д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой международной политической экономики Белорусского государственного университета (Беларусь);

МАКАРОВ В. Л., д-р физ.-мат. наук, академик РАН, научный руководитель Центрального экономико-математического института РАН (Россия);

МАКСИМЦЕВ И. А., д-р экон. наук, профессор, ректор Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Россия);

ОКРЕПИЛОВ В. В., д-р экон. наук, профессор, академик РАН, научный руководитель Института проблем региональной экономики РАН (Россия);

НООНОМИКА И НОООБЩЕСТВО

АЛЬМАНАХ ТРУДОВ ИНИР им С.Ю. ВИТТЕ

Том 5, №2 2026 Vol 5, No.2

Noonomy and Noosociety.

Almanac of Scientific Works of the S.Y. Witte INID

ОНИШИ ХИРОШИ, профессор Университета Кэйо, вице-президент Всемирной политэкономической ассоциации (IPPE) (Япония);

ПОРОХОВСКИЙ А. А., д-р экон. наук, профессор, научный руководитель кафедры политической экономики экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, главный научный сотрудник Института США и Канады РАН (Россия);

ПОРФИРЬЕВ Б. Н., д-р экон. наук, профессор, академик РАН, член Президиума РАН, Руководитель секции экономики Отделения общественных наук РАН, научный руководитель Института народнохозяйственного прогнозирования РАН (Россия);

СИЛИН Я. П., д-р экон. наук, профессор, ректор Уральского государственного экономического университета (Россия);

СМИРНОВ А.В., д-р филос. наук, профессор, академик РАН (Россия);

ТОЛКАЧЕВ С. А., д-р экон. наук, профессор, первый заместитель заведующего кафедрой макроэкономического прогнозирования и планирования Финансового университета при Правительстве РФ (Россия);

ТОЩЕНКО Ж. Т., д-р экон. наук, профессор, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Института социологии РАН (Россия);

ФРИМАН А., визит-профессор Университета Лондон-Метрополитен (Великобритания);

ЧЕН ЭНЬФУ, президент Всемирной политэкономической ассоциации (WAPPE), главный профессор Университета Китайской академии общественных наук, член Президиума Академического отделения Китайской академии общественных наук (КНР)

EDITORIAL COUNCIL

A.R. BAKHTIZIN, Doctor of Economics, Professor of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Central Institute of Economics and Mathematics of the RAS (Russia);

JESUS PASTOR GARCIA BRIGOS, lead researcher at the Institute of Philosophy (Cuba);

WANG WEN, Professor, Dean of the School of Global Leadership, Dean of the Chongyang Institute for Financial Studies at Renmin University of China (PRC)

S. Yu. GLAZIEV, Doctor of Economics, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, State Secretary of the Union State of Russia and Belarus (Russia);

M.K. GORSHKOV, Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (Russia);

R.S. GRINBERG, Doctor of Economics, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Scientific Director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (Russia);

J.K. GALBRAITH, Professor of Public Administration, Head of Government and Business Relations, Professor of Lyndon B. Johnson School of Public Affairs at the University of Texas, Austin (USA);

R. DESAI, Professor, Director of the Geopolitical Economy Research Group at the University of Manitoba (Canada);

A.A. DYNKIN, Doctor of Economics, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, member of the Presidium of the Russian Academy of Sciences, President of the E.M. Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (Russia);

V.L. KVINT, Doctor of Economics, Professor, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Economic and Financial Strategy at the Lomonosov Moscow State University School of Economics (Russia – USA);

A.I. KOLGANOV, Doctor of Economics, Professor, Head of the Laboratory for Comparative Studies of Socio-Economic Systems at the Faculty of Economics of Lomonosov Moscow State University, Chief Researcher at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (Russia);

D. LANE, Professor, Emmanuel College, University of Cambridge (UK);

P.S. LEMESHCHENKO, Doctor of Economics, Professor, Head of the International Political Economy Department, Belarusian State University (Belarus);

V.L. MAKAROV, Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences, Scientific Director of the Central Institute of Economics and Mathematics of Academician of the Russian Academy of Sciences (Russia);

I.A. MAKSIMTSEV, Doctor of Economics, Professor, Rector of St. Petersburg State University of Economics (Russia);

НООНОМИКА И НОООБЩЕСТВО

АЛЬМАНАХ ТРУДОВ ИНИР им С.Ю. ВИТТЕ

Том 5, №2 2026 Vol 5, No.2

Noonomy and Noosociety.

Almanac of Scientific Works of the S.Y. Witte INID

V.V. OKREPILOV, Doctor of Economics, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Scientific Director of the Institute of Regional Economy Problems of the Russian Academy of Sciences (Russia);

HIROSHI ONISHI, Professor at Keio University, Vice-President of the World Political Economy Association (IIPPE) (Japan);

A.A. POROKHOVSKY, Doctor of Economics, Professor, Head of the Political Economy Department of the Faculty of Economics at Lomonosov Moscow State University, Chief Researcher at the Institute of the United States and Canada of the Russian Academy of Sciences (Russia);

B.N. PORFIRIEV, Doctor of Economics, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Member of the Presidium of the Russian Academy of Sciences, Head of the Economics Section of the Social Sciences Department of the Russian Academy of Sciences, Scientific Director of the Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences (Russia);

Ya.P. SILIN, Doctor of Economics, Professor, Rector of the Ural State University of Economics (Russia);

A.V. SMIRNOV, Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences (Russia);

S.A. TOLKACHEV, Doctor of Economics, Professor, First Deputy Head of the Department of Macroeconomic Forecasting and Planning at the Financial University under the Government of the Russian Federation (Russia);

Zh.T. TOSHCHENKO, Doctor of Economics, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (Russia);

A. FREEMAN, Visiting Professor, University of London-Metropolitan (UK);

ENFU CHENG, President of the World Political Economy Association (WAPE), Principal Professor at the University of the Chinese Academy of Social Sciences, Member of the Presidium of the Academic Division of the Chinese Academy of Social Sciences (PRC)

编辑顾问委员会

巴赫季津 A. R.: 经济学博士, 俄罗斯科学院教授, 俄罗斯科学院通讯院士, 俄罗斯科学院中央经济与数学研究所所长。

布里戈斯·杰苏斯·帕斯托尔·加西亚: 哲学研究所主任研究员 (古巴)。

王文: 教授, 中国人民大学全球领导力学院院长、重阳金融研究院院长(中国)

格拉斯耶夫 S. Yu.: 经济学博士, 教授, 俄罗斯科学院院士, 欧亚经济委员会一体化和宏观经济委员会成员 (部长) (俄罗斯)。

戈尔什科夫 M. K.: 哲学博士, 教授, 俄罗斯科学院院士, 俄罗斯科学院社会学研究所主任 (俄罗斯)。

格林别尔克 R. S.: 经济学博士, 教授, 俄罗斯科学院通讯院士, 俄罗斯科学院经济研究所学生导师 (俄罗斯)。

伽尔布莱特 J. C.: 德克萨斯大学奥斯汀分校林登-约翰逊公共关系学院行政管理教授, 行政和商业事务部负责人 (美国)。

德赛 R.: 教授, 马尼托巴大学地缘政治经济研究部主任 (加拿大)。

德恩金 A. A.: 经济学博士, 教授, 俄罗斯科学院院士, 俄罗斯科学院主席团成员, 俄罗斯科学院世界经济和国际关系国家研究所所长 (俄罗斯)。

克文特 V. L.: 经济学博士, 教授, 俄罗斯科学院外籍院士, 莫斯科大学经济学院经济和金融战略教研室主任 (俄罗斯、美国)。

科尔卡诺夫 A. I.: 经济学博士, 教授, 莫斯科大学经济系社会经济系统比较研究实验室主任, 俄罗斯科学院经济研究所首席研究员。

莱茵 D.: 剑桥大学伊曼纽尔学院教授, (英国)。

列梅辛科 P. S.: 经济学博士, 教授, 白俄罗斯国立大学国际政治经济系主任 (白俄罗斯)。

马卡罗夫 V. L.: 物理数学博士, 俄罗斯科学院院士, 俄罗斯科学院中央经济和数学研究所学生导师 (俄罗斯)。

马克西姆采夫 I. A.: 经济学博士, 教授, 圣彼得堡国立经济大学校长 (俄罗斯)。

奥克利比洛夫 V. V.: 经济学博士, 教授, 俄罗斯科学院院士, 俄罗斯科学院区域经济问题研究所学生导师 (俄罗斯)。

大西広: 庆应大学教授, 世界政治经济学协会 (IIPPE) 副主席 (日本)。

波罗霍夫斯基 A. A.: 经济学博士、教授, 莫斯科大学经济系政治经济学教研室导师、俄罗斯科学院美国和加拿大研究所首席研究员 (俄罗斯)。

波尔菲里列夫 B. N.: 经济学博士, 教授, 俄罗斯科学院院士, 俄罗斯科学院主席团成员, 俄罗斯科学院社会科学部经济处处长, 俄罗斯科学院经济预测研究所学生导师 (俄罗斯)。

希林 Ya. P.: 经济学博士, 教授, 乌拉尔国立经济大学校长 (俄罗斯)。

斯米尔诺夫 A. V.: 哲学博士, 教授, 俄罗斯科学院院士。

托尔卡切夫 S. A.: 经济学博士, 教授, 俄罗斯联邦政府金融大学宏观经济预测和规划教研室第一副主任 (俄罗斯)。

托先科 Zh.T.: 经济科学博士, 教授, 俄罗斯科学院通讯院士, 俄罗斯科学院社会学研究所首席研究员 (俄罗斯)。

弗里曼 A.: 伦敦大学都市分校客座教授 (英国)。

程恩富: 世界政治经济学会(WAPE)会长, 中国社会科学院大学首席教授, 中国社会科学院学部主席团成员 (中国)。

НООНОМИКА И НОООБЩЕСТВО

АЛЬМАНАХ ТРУДОВ ИНИР им С.Ю. ВИТТЕ

Том 5, №2 2026 Vol 5, No.2

Noonomy and Noosociety.

Almanac of Scientific Works of the S.Y. Witte INID

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

БОДРУНОВ С.Д., главный редактор, д-р экон. наук, профессор, член-корреспондент РАН, исполнительный директор Института ноономики и Нового индустриального развития им. С.Ю. Витте, президент Вольного экономического общества России, Президент Международного Союза экономистов;

ВОЕЙКОВ М.И., д-р экон. наук, профессор, заведующий сектором политической экономии Института экономики РАН;

ГОРОДЕЦКИЙ А.Е., д-р экон. наук, профессор, руководитель научного направления «Институты современной экономики и инновационного развития» Института экономики РАН;

ДОРОФЕЕВА Л.В., канд. экон. наук, старший научный сотрудник Института проблем региональной экономики РАН;

ЗОЛОТАРЕВ А.А., канд. экон. наук, руководитель отдела по организационно-административной работе Института ноономики и Нового индустриального развития им. С.Ю. Витте;

НОВИКОВА И.В., д-р экон. наук, доцент, профессор кафедры экономической и финансовой стратегии Московской школы экономики МГУ имени М.В. Ломоносова;

ПЛОТНИКОВ В.А., заместитель главного редактора, д-р экон. наук, профессор кафедры общей экономической теории и истории экономической мысли Санкт-Петербургского государственного экономического университета;

ПЬЯНКОВА С.Г., д-р экон. наук, профессор кафедры региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета;

СМАГИНА В.В., д-р экон. наук, профессор, проректор – главный ученый секретарь Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина;

ТКАЧЕНКО Е.А., д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры экономики и управления предприятиями и производственными комплексами Санкт-Петербургского государственного экономического университета;

ЧЭНЬ ХУН, заместитель директора, научный руководитель, профессор Института марксизма Хайнаньского педагогического университета (КНР);

ЯКОВЛЕВА Н.Г., д-р экон. наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра экономической теории социального сектора Института экономики РАН.

EDITORIAL BOARD

S.D. BODRUNOV, Editor-in-Chief, Doctor of Economics, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Executive Director of the S.Y. Witte Institute of Noonomy and New Industrial Development, President of the Free Economic Society of Russia, President of the International Union of Economists;

M.I. VOEYKOV, Doctor of Economics, Professor, Head of the Political Economy Sector of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences;

A.E. GORODETSKY, Doctor of Economics, Professor, Head of the research area of “Institutes of modern economy and innovative development”, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences;

L.V. DOROFEEVA, Candidate of Economic Sciences, Senior research scientist Institute for Regional Economic Studies Russian Academy of Sciences;

A.A. ZOLOTAREV, Candidate of Economic Sciences, Head of Organizational and Administrative Department of the S.Y. Witte Institute of Noonomy and New Industrial Development;

I.V. NOVIKOVA, Doctor of Economics, Associate Professor, Professor of the Department of Economic and Financial Strategy at the Lomonosov Moscow State University School of Economics;

V.A. PLOTNIKOV, Deputy Editor-in-Chief, Doctor of Economics, Professor of the Department of General Economic Theory and History of Economic Thought, St. Petersburg State University of Economics;

S.G. PYANKOVA, Doctor of Economics, Professor of the Department of Regional, Municipal Economics and Management at the Ural State University of Economics;

V.V. SMAGINA, Doctor of Economics, Professor, Vice-Rector – Chief Scientific Secretary of Derzhavin Tambov State University;

E.A. TKACHENKO, Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Economics and Management of Enterprises and Production Complexes at St. Petersburg State University of Economics;

CHEN HONG, Deputy Director, Academic Director, Professor, Institute of Marxism, Hainan Normal University;

N.G. YAKOVLEVA, Doctor of Economics, Associate Professor, Leading Researcher at the Centre for Social Sector Economic Theory at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences.

НООНОМИКА И НОООБЩЕСТВО

АЛМАНАХ ТРУДОВ ИНИР им С.Ю. ВИТТЕ

Том 5, №2 2026 Vol 5, No.2

Noonomy and Noosociety.

Almanac of Scientific Works of the S.Y. Witte INID

学刊编辑委员会成员

博德鲁诺夫 S. D.: 主编, 经济学博士, 教授, 俄罗斯科学院通讯院士, 执行院长维捷智慧型经济和新兴工业发展研究院, 俄罗斯自由经济协会会长, 国际经济学家联盟主席。

沃耶伊科夫 M. I.: 经济学博士, 教授, 俄罗斯科学院经济研究所政治经济部主任。

戈罗杰茨基 A. E.: 经济学博士, 教授, 俄罗斯科学院经济研究所现代经济和创新制度学科主任。

达罗费耶娃 L. V.: 多罗费耶娃 L. V., 经济学副博士, 俄罗斯科学院区域经济研究所高级研究员。

佐洛塔列夫 A. A.: 经济学副博士, 组织行政部主任维捷智慧型经济和新兴工业发展研究院。

诺维科娃 I. V.: 经济学博士, 副教授职称, 莫斯科大学经济学院经济和金融战略教研室教授。

波洛特尼科夫 V. A.: 副主编, 经济学博士, 圣彼得堡国立经济大学一般经济理论和经济思想史教研室教授。

波杨科娃 S. G.: 经济学博士, 俄罗斯自然科学院院士, 乌拉尔国立经济大学区域、城市经济和管理教研室教授。

斯马金娜 V. V.: 经济学博士, 教授, 坦波夫国立大学副校长、首席科学秘书。

特卡钦科 E. A.: 经济学博士, 教授, 圣彼得堡国立经济大学企业和生产综合体经济与管理系教授。

陈红: 海南师范大学(中国)马克思主义学院副院长、学生导师、教授。

雅科弗列娃 N. G.: 经济学博士, 副教授, 俄罗斯科学院经济研究所社会部门经济理论中心主任研究员。

НООНОМИКА И НОООБЩЕСТВО

АЛЬМАНАХ ТРУДОВ ИНИР им С.Ю. ВИТТЕ

Том 5, №2 2026 Vol 5, No.2

Noonomy and Noosociety.

Almanac of Scientific Works of the S.Y. Witte INID

СОДЕРЖАНИЕ

НОВОЕ ИНДУСТРИАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО ВТОРОГО ПОКОЛЕНИЯ (НИО.2)

Бодрунов С.Д., Дмитриев Н.Д.

Трудовая миграция, знание и творчество в условиях НИО.2: воспроизводство человеческого потенциала в процессе нооперехода. 16

КИТАЙ И НООНОМИКА (КИТАЙСКИЕ ДИАЛОГИ)

Чен Эньфу, Дин Сяоцин

Шесть стратегических направлений китайско-российского экономического сотрудничества и пути их реализации 35

Ван Вэнь, Дунь Чжиган

Теоретическое ядро, логический анализ и практические инновации ноономики в оптике модернизации китайского типа. 50

С.Д. Бодрунов

Вышедший из-под контроля искусственный интеллект может стать совершенным оружием против человечества 73

Н.Д. Дмитриев

Искусственный интеллект и ноопереход: между цифровым капиталом и общественным знанием 76

Акфырат Аднан

Евразийская ось для многоцентричного мирового порядка: сотрудничество Турция-Россия-Китай и построение глобальной стабильности 98

НООНОМИКА

Е.В. Харитонова

Невозможность современного инновационного развития экономики без социальных изменений в обществе: аргументы из теории ноономики 112

РАБОЧИЕ ВСТРЕЧИ

Ноономика расширяет международное присутствие: встречи с представителями КНР. 128

Рабочая встреча с генеральным директором Офиса Национальной академии Лаосской Народно-Демократической Республики профессором Кейсоном Чансина 130

НООНОМИКА И НОООБЩЕСТВО

АЛЬМАНАХ ТРУДОВ ИНИР им С.Ю. ВИТТЕ

Том 5, №2 2026 Vol 5, No.2

Noonomy and Noosociety.

Almanac of Scientific Works of the S.Y. Witte INID

НООНОМИКА: КОНФЕРЕНЦИИ

Российско-Китайский круглый стол	131
X Международный политэкономический конгресс имени А.В. Бузгалина.	134
<u>Анонс</u>	
19-й Форум Всемирной ассоциации политической экономики (WAPE)	139
Библиотека ноономики	141

НООНОМИКА И НОООБЩЕСТВО

АЛЬМАНАХ ТРУДОВ ИНИР им С.Ю. ВИТТЕ

Том 5, №2 2026 Vol 5, No.2

Noonomy and Noosociety.

Almanac of Scientific Works of the S.Y. Witte INID

CONTENTS

NEW INDUSTRIAL SOCIETY OF THE SECOND GENERATION (NIS.2)

S.D. Bodrunov, N.D. Dmitriev

Labor Migration, Knowledge, and Creativity under NIS.2: Reproduction of Human Potential in the Process of the Nootransition. 16

CHINA AND NOONOMY (CHINESE DIALOGUES)

E. Cheng, X. Ding

Six Strategic Directions of Economic Cooperation Between China and Russia and the Mechanisms for Their Implementation. 35

W. Wang, Z. Dun

The Theoretical Core, Logical Explication, and Practical Innovation of Noonomy from the Perspective of Chinese Modernization 50

S.D. Bodrunov

Out-of-Control Artificial Intelligence Could Become the Perfect Weapon Against Humanity 73

N.D. Dmitriev

Artificial Intelligence and the Nootransition: Between Digital Capital and Public Knowledge. 76

A. Akfırat

A Eurasian Axis for a Multilateral Order: Türkiye-Russia-China Cooperation and the Construction of Global Stability. 98

NOONOMY

E.V. Kharitonova

The Impossibility of Modern Innovative Economic Development Without Social Transformations: Arguments from the Theory of Noonomy. 112

WORKING MEETINGS

Noonomy Expands Its International Presence: Meetings with Representatives of the PRC 128

Working Meeting Between S.D. Bodrunov and Professor Kaysone Chansina, Director General of the Office of the National Academy of the Lao People's Democratic Republic 130

НООНОМИКА И НОООБЩЕСТВО

АЛЬМАНАХ ТРУДОВ ИНИР им С.Ю. ВИТТЕ

Том 5, №2 2026 Vol 5, No.2

Noonomy and Noosociety.

Almanac of Scientific Works of the S.Y. Witte INID

NOONOMY: CONFERENCES

China-Russia Roundtable Discussion	131
10 TH International Political Economy Congress Named after A.V. Buzgalin.	134
<u>Announcement</u>	
19 TH Annual Forum of the World Association for Political Economy	139
Library of Noonomy	141

目录

第二代新型工业社会(NIS.2)

博德鲁诺夫S. D.、德米特里耶夫N. D.

第二代新型工业化(NIS.2)条件下的劳动力迁移、知识与创造力:智慧型转型过程中的人力资本再生产 16

中国与智慧经济(中国对话)

程恩富、丁晓钦

中俄经济合作的六个战略方向及其实施机制 35

王文、敦志刚

从中国式现代化的视角看智慧型经济的理论核心、逻辑分析和创新实践 50

博德鲁诺夫S. D.

失控的人工智能可能成为针对人类的终极武器 73

德米特里耶夫N. D.

人工智能与智慧型转型:在数字资本与社会知识之间 76

阿德南·阿克菲拉特

多极世界秩序的欧亚轴心——土耳其-俄罗斯-中国合作与全球稳定 98

智慧经济

哈里托诺娃 E. V.

没有社会变革就不可能有当代经济创新发展——其智慧经济理论论据 112

工作会谈

智能型经济的国际影响在扩大:与中国代表的会晤 128

与老挝人民民主共和国国家科学院办公室主任凯松·

詹西纳教授举行工作会谈 130

НООНОМИКА И НОООБЩЕСТВО

АЛЬМАНАХ ТРУДОВ ИНИР им С.Ю. ВИТТЕ

Том 5, №2 2026 Vol 5, No.2

Noonomy and Noosociety.

Almanac of Scientific Works of the S.Y. Witte INID

智慧经济:会议

俄中圆桌会议	131
第十届布兹加林国际政治经济学大会	134
预告:	
世界政治经济学学会 (WAPE) 第19届论坛.....	139
智慧经济图书馆.	141

DOI: 10.37930/2782-618X-2026-5-2-16-34

С.Д. Бодрунов

Институт ноономики и Нового индустриального развития им. С.Ю. Витте (Санкт-Петербург, Россия)

Н.Д. Дмитриев

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Санкт-Петербург, Россия)

ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ, ЗНАНИЕ И ТВОРЧЕСТВО В УСЛОВИЯХ НИО.2: ВОСПРОИЗВОДСТВО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА В ПРОЦЕССЕ НООПЕРЕХОДА

Аннотация: В статье развивается исследование трудовой миграции как индикатора преобразования политэкономической категории «труд» в теории ноономики. В предшествующих работах были обоснованы пространственная и функциональная модальности трудовой миграции, а цифровая занятость рассмотрена как форма смещения трудовой функции. Настоящее исследование переносит центр анализа к миграции знания, понимаемой как движение открытого и освоенного знания, имплементированного в деятельность. Знание трактуется как первичная субстанция ароморфоза труда; труд – как способ его предметной реализации; творчество – как высшая форма знаниеинтенсивной деятельности, в которой познание получает предметное воплощение в замысле, ментальном объекте и общественно полезной новации. Смысл этого перехода состоит в том, что труд постепенно выходит из режима внешней необходимости и раскрывается как форма человеческой меры, ответственности и сотворения нового общественного результата. Обосновано, что территория развивается постольку, поскольку воспроизводит знаниеемкие функции в собственном образовательном, научно-производственном и культурном пространстве, удерживает творческую функцию и превращает мобильность работников в циркуляцию человеческого потенциала. Сделан вывод, что в условиях НИО.2 политика трудовой мобильности должна рассматриваться как составная часть воспроизводства человеческого потенциала, а ее содержание определяется укоренением знания в труде, расширением творческого участия человека и институциональным закреплением знаниеемких функций новой индустриализации.

Ключевые слова: ноономика, ноопереход, НИО.2, знание, знаниеинтенсивный труд, знаниеемкость, творческий труд, творчество, ментальный объект, трудовая миграция, миграция знания, функциональная миграция, пространственная миграция, укоренение знания, человеческий потенциал, новая индустриализация.

Для цитирования: Бодрунов С.Д., Дмитриев Н.Д. (2026). Трудовая миграция, знание и творчество в условиях НИО.2: воспроизводство человеческого потенциала в процессе нооперехода // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С. Ю. Витте. Т. 5, № 2. С. 16–34. DOI: 10.37930/2782-618X-2026-5-2-16-34

Sergey D. Bodrunov

S.Y. Witte Institute of Noonomy and New Industrial Development (Saint Petersburg, Russia)

Nikolay D. Dmitriev

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (Saint Petersburg, Russia)

LABOR MIGRATION, KNOWLEDGE, AND CREATIVITY UNDER NIS.2: REPRODUCTION OF HUMAN POTENTIAL IN THE PROCESS OF THE NOOTRANSITION

Abstract: This article furthers the study of labor migration as an indicator of the transformation of the political-economic category of “labor” within the theory of noonomy. Prior works have substantiated the spatial and functional modalities of labor migration and examined digital employment as a form of labor function displacement. The present study shifts the core analysis toward the migration of knowledge, understood as the movement of open and mastered knowledge implemented into activity. Knowledge is treated as the primary substance of the aromorphosis of labor; labor, as the method of its objective realization; and creativity, as the highest form of knowledge-intensive activity, in which what is known receives objective embodiment in a design, a mental object, and a socially useful innovation. The essence of this transition is that labor gradually emerges from the regime of external necessity and unfolds as a form of human measure, responsibility, and the creation of a new social result. It is substantiated that a territory develops to the extent that it reproduces knowledge-intensive functions within its own educational, research-and-production, and cultural space, retains the creative function, and transforms worker mobility into the circulation of human potential. The article concludes that under the conditions of NIS.2, labor mobility policy must be viewed as an integral part of the reproduction of human potential, and its substance must be determined by the embedding of knowledge in labor, the expansion of human creative participation, and the institutional consolidation of the knowledge-intensive functions of the new industrialization.

Keywords: noonomy, nootransition, NIS.2, knowledge, knowledge-intensive labor, knowledge intensity, creative labor, creativity, mental object, labor migration, knowledge migration, functional migration, spatial migration, embedding of knowledge, human potential, new industrialization.

For citation: Bodrunov S. D., Dmitriev N. D. (2026). Labor Migration, Knowledge, and Creativity under NIS.2: Reproduction of Human Potential in the Process of the Nootransition. *Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works of the S. Y. Witte INID*, Vol. 5, No. 2, pp. 16–34. DOI: 10.37930/2782-618X-2026-5-2-16-34

博德鲁诺夫S. D.

维捷新兴工业发展研究所(俄罗斯, 圣彼得堡)

德米特里耶夫N. D.

圣彼得堡彼得大帝理工大学(俄罗斯, 圣彼得堡)

第二代新型工业化(NIS.2)条件下的劳动力迁移、知识与创造力: 智慧型转型过程中的人力资本再生产

摘要: 本文继续探讨了劳动力迁移作为智慧经济理论中“劳动”这一政治经济范畴的重构指标的问题。在先前的研究中, 已论证了劳动力迁移的空间与功能模态, 并将数字化就业视为劳动功能转变的一种形式。本研究将分析重点转向知识迁移, 将其理解为已被运用到实践中的开放的知识的运动。知识被视为劳动形态演化的初级实体; 劳动被视为知识的客观上的实现方式; 创造力则被视为知识密集型活动的最高形式, 在此活动中, 被认知的内容通过构想、心理对象及对社会有益的创新获得客观体现。这一转变的意义在于, 劳动正在逐渐摆脱来自外部的必须性的束缚, 展现为一种体现人类的手段、责任以及创造新社会成果的形式。研究论证了: 一个地区的发展程度取决于其在自身教育、科研生产及文化空间中知识密集型功能的再生产能力, 取决于其保持创造性功能的能力, 以及将劳动者流动性转化为人力资本流通的能力。研究得出结论: 在NIS.2条件下, 劳动力流动政策应被视为人力资本再生产的组成部分, 其内涵应由知识在劳动中的扎根、人类创造性参与的扩大以及新工业化中知识密集型功能的制度化固定来决定。

关键词: 智慧经济、智慧型转型、NIS.2、知识、知识密集型劳动、知识密集度、创造性劳动、创造力、心理对象、劳动力迁移、知识迁移、功能迁移、空间迁移、知识扎根、人力资本、新工业化。

引用注释: 博德鲁诺夫S. D.、德米特里耶夫N. D. (2026). 第二代新型工业化 (NIS.2) 条件下的劳动力迁移、知识与创造力: 智慧型转型过程中的人力资本再生产//智慧经济与智慧社会. 维捷新兴工业发展研究所论文选, Vol. 5, No. 2, pp. 16–34. DOI: 10.37930/2782-618X-2026-5-2-16-34

Введение

Предшествующие публикации серии работ о труде, творчестве, НТП, изданных в Институте нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте в 2016–2026 гг., образуют исходную ступень настоящего исследования. Введенное С.Д. Бодруновым понятие «ароморфоз труда» (см. материалы Санкт-Петербургского международного экономического Конгресса (СПЭК-2025)), получило в последнее время существенное развитие. В работе С.Д. Бодрунова и Н.Д. Дмитриева трудовая миграция раскрыта как индикатор ароморфоза политэкономической категории «труд»: пространственные перемещения и функциональные переходы работников фиксируют изменения занятости и одновременно обнаруживают более глубокую перестройку связи человека с производством [Бодрунов, Дмитриев, 2025]. Трудовая миграция выступает «сигналом» ароморфоза труда, в ходе которого репродуктивные операции постепенно отходят к техносфере, а человеческое участие смещается к целеполаганию, проектированию, контролю и творческому созданию результата.

В статье С.Д. Бодрунова [Бодрунов, 2026] цифровая занятость рассмотрена как форма двойной трудовой миграции, при которой раньше физического перемещения работника начинает двигаться трудовая функция. Человек может оставаться на прежней территории, тогда как его деятельность уже включается в сетевой хозяйственный цикл, подчиненный

иной плотности знания, кооперации и присвоения результата. Вместе с этой функцией в движение вовлекаются компетенции человека и результаты его труда.

Настоящая статья переносит анализ к более глубокому «сдвигу трудовой функции» – **миграции знания**. Знание здесь выступает деятельной способностью человека создавать замысел, входить в кооперацию и переводить творческую функцию в общественно полезную новацию. Оно получает предметную форму в деятельности человека, затем возвращается в общественное воспроизводство в форме технологии, проекта, культурного продукта, инженерного решения или новой формы кооперации. Поэтому предмет нашего анализа связан с тем, как знание «укореняется в труде» (имплементируется и становится его органической частью), где оно выносится за пределы территории, а где – превращается в источник расширенного воспроизводства человеческого потенциала.

Знание как первичное условие изменения труда

Мы исходим из того, что знание становится первичной субстанцией преобразования производства, а на этапе НИО.2 [Бодрунов, 2016] – его базовым фактором. Открытое и освоенное знание овеществляется в технологии, организации и продукте, придавая производству знаниеинтенсивный характер и меняя само место человека в составе производительных сил. Работник постепенно выходит из замкнутости повторяемой операции и все больше выступает носителем замысла, способным направлять техническое действие к общественно значимому результату.

В классическом индустриальном производстве знание преимущественно отчуждалось от работника и закреплялось в технике, в регламентах труда; работник поддерживал заданный порядок операций. В НИО.2 труд выходит за пределы операциональной повинности и приобретает черты осознанного сотворения.

В этом отношении сохраняет методологическую силу марксовская мысль о выходе человека из положения непосредственного придатка машины к позиции контролера и регулировщика производственного процесса [Marx, 1973]. Однако технологический сдвиг сам по себе еще не означает освобождения труда: капитал способен присвоить знание и обратить его в новую форму подчинения (что мы и наблюдаем сегодня!). НИО.2 открывает историческую возможность иного порядка – перевод знания из ресурса стоимостного присвоения в общественно направляемую силу ароморфоза труда, раскрытого в трудах С.Д. Бодрунова [Бодрунов, 2025a].

Дж.К. Гэлбрейт в своих исследованиях показал, что развитая корпорация уже не сводится к абстрактному рынку: ее деятельность определяется техноструктурой, планированием и организованным применением знания [Galbraith, 1967]. Д. Белл развил эту линию в анализе постиндустриального общества, где теоретическое знание становится «осевым принципом» социальной организации, определяя инновации, профессиональную структуру и характер будущих услуг [Bell, 1973]. Теория ноономики переносит центр тяжести с профессионального слоя и техноструктуры на Знание как первичную субстанцию знаниеинтенсивного труда и будущего общественного устройства.

П. Друкер, вводя фигуру «работника знания», зафиксировал сдвиг позднеиндустриального общества: производительность все больше зависит от способности человека обращаться со знанием [Drucker, 1969]. Для теории ноономики эта фигура остается переходной! Знание не «производится» и не создается из ничего – человек открывает его, осваивает и имплементирует в деятельность. Поэтому «работник знания», ограниченный рыночной

оценкой навыка, еще не выражает полноту нооперехода. Следующий шаг связан с человеком как носителем человеческого потенциала – субъектом, способным превращать открытое знание в творческое действие и общественно значимый результат.

В этой связи категория человеческого потенциала получает приоритет перед рыночной категорией человеческого капитала. Человеческий капитал выражает преимущественно стоимостную проекцию навыков, тогда как человеческий потенциал раскрывает способность человека осваивать знание, превращать его в творческое действие и участвовать в созидании общественно значимого результата. Он не исчерпывается квалификацией и профессиональной пригодностью, поскольку включает культурное саморазвитие, солидарное участие и ответственность за смысл создаваемого.

К. Фриман раскрывает инновацию как общественно организованное движение знания: новшество закрепляется через сопряжение науки, образования, производственной кооперации и технологической политики [Freeman, 1987; Freeman, Louçã, 2001]. Инновация тем самым выступает формой коллективного обращения знания в производительных силах. Для настоящего исследования это имеет прямое значение: миграция знания означает перемещение не информации как таковой, а способности общества превращать знание в труд, труд – в творчество, творчество – в общественно полезную новацию.

Рис. 1. Круг воспроизводства знания в творческом труде

Примечание: результат творческого труда возвращается в общественное воспроизводство как вновь открытое знание, усиливая способность человека и территории к последующим актам созидания. Источник: составлено авторами по [Бодрунов, 2018; Бодрунов, 2021] с учетом подхода к ментальному объекту [Фриман, 2021].

В НИО.2 знание становится первичным содержанием труда. Через замысел и ментальный объект оно входит в действие, получает предметное выражение в общественно полез-

ной новации и возвращается в воспроизводство как новое знание. Разрыв этой цепи означает вынос творческой функции во внешний центр; ее удержание формирует укоренение знания в труде и способность территории воспроизводить человеческий потенциал.

Круг воспроизводства знания в творческом труде представлен на рис. 1. Он показывает, как субъект творческого труда переводит открытое знание в знаниеинтенсивное действие, формирует образ будущего решения и возвращает результат в общественное воспроизводство.

Творчество как высшая форма знаниеинтенсивного труда

Творчество невозможно удержать в пределах искусства, медиа, дизайна и культурных индустрий, оно значительно шире, несмотря на то что именно эти сферы дают измеримые проявления творческого труда, зачастую – рыночные. Его политэкономическое содержание раскрывается там, где знание перестает быть внешним ресурсом операции и становится силой замысла, например в инженерном решении, научном поиске, технологическом проектировании, программном коде, образовательной методике, культурной форме, новом способе кооперации. Общим для этих проявлений является превращение знания в замысел и далее – в созидательное действие, оставляющее след в общественном воспроизводстве, т.е. происходит преобразование этого действия – в общественно полезную новацию.

Старославянское «творити» отсылает к действию созидания, к сотворению формы, которой еще не было в конкретном человеческом и общественном опыте. В русском слове «творчество» сохраняется эта глубина: в нем заключено выведение смысла из возможности в бытие, рождение формы, меры и человеческой направленности результата. Поэтому творчество выражает не внешнюю оригинальность, а предметную судьбу знания, его ценностную плотность и человеческую осмысленность.

Креативность фиксирует наблюдаемую сторону творческого труда – способность создать различимый продукт, пригодный для оценки как рынком и заказчиком, так и иной аудиторией, в том числе – культурной средой. Творчество глубже – оно связано с сотворением смысла, цели и способа действия. При этом креативные индустрии не исчерпывают творчество; они выявляют ту его часть, которая получила товарную, сервисную или культурно-институциональную форму. В этом отношении значимы работы А. Фримана, раскрывающие ментальный объект как промежуточное бытие результата между замыслом и его предметным воплощением [Фриман, 2021; Фриман, 2023].

Английское «creativity» чаще обозначает способность создавать оригинальное и реализуемое, тогда как русское «творчество», восходящее к «творити», удерживает более глубокий смысл сотворения формы, ценности и человеческой меры результата. Это различие обобщено в табл. 1.

Понятие ментального объекта позволяет увидеть, что творческий труд начинается раньше внешнего продукта. Сначала возникает *эйдос* будущего решения – смысловой образ, еще не материализованный, но уже направляющий деятельность. Затем вырабатывается способ реализации; после этого знание получает материальное, цифровое, культурное или институциональное воплощение. Внешний продукт оказывается не началом творчества, а его предметным итогом [Фриман, 2021].

Такое понимание снимает элитарность творчества. Творческий труд становится возможностью инженера, педагога, врача, технолога, разработчика, исследователя, рабочего

высокотехнологического участка, программиста, организатора производства – каждого, чья деятельность насыщается знанием и выходит за пределы простого исполнения. Здесь возникает «малая мастерская будущего»: человек создает новый результат там, где получает право на замысел и принимает ответственность за него.

Таблица 1
Творчество и креативность в анализе знаниеинтенсивного труда

Параметр	Творчество	Креативность	Результат сопоставления
Смысл	Сотворение смысловой формы действия	Создание отличимого и реализуемого продукта	Креативность фиксирует наблюдаемое проявление части творческого труда
Связь со знанием	Знание становится материалом замысла и средой человеческого самораскрытия	Знание используется для результата, пригодного к фиксации и распространению	Знание первично для обоих явлений
Результат	Новация, проект, технология, культурная форма, новый способ кооперации	Продукт, услуга, контент, дизайн, рыночный или культурный результат	Креативный сектор не исчерпывает творчество
Оценка	Мера человеческого развития, общественной полезности и расширения свободы	Отличимость, спрос, доход, культурная видимость	Требуется ноокритериальная, а не только рыночная оценка
Граница	Может не иметь немедленного рыночного выражения	Чаще получает измеримую форму в индустриях, платформах и заказах	Экономическая видимость не равна полноте творческого содержания

Примечание: креативность выступает наблюдаемым экономическим проявлением творческого труда, тогда как творчество охватывает более глубокий акт созидания смысла, формы и способа действия. Источник: составлено авторами.

Миграция знания и территориальное укоренение творческой функции в условиях НИО.2

Понятие двойной трудовой миграции, введенное в предшествующих статьях [Бодрунов, Дмитриев, 2025; Бодрунов, 2026], в настоящем исследовании получает дальнейшее углубление. Пространственная миграция фиксирует движение работника, функциональная – смещение трудовой функции. За этим видимым движением проступает более глубокий процесс.

Миграция знания выражает внутреннее содержание пространственной и функциональной миграции. Когда специалист входит в научно-производственный узел, туда переносится способность к знаниеинтенсивному труду. Когда цифровая функция закрепляется во внешнем производственном узле, туда перетекают проектная способность и ментальный образ будущего результата. Так возникает «тихая миграция» – малозаметное, почти невидимое для статистики смещение творческого ядра территории.

Привычная формулировка «утечки мозгов» схватывает лишь внешний симптом. Само содержание процесса связано с выносом знания из местного воспроизводства. Территория способна сохранять население и занятость, но отдавать внешнему узлу самые сложные стадии труда, включая его творческую функцию. Мы наблюдаем, что занятость тогда остается

внешней оболочкой, а способность сотворять собственное будущее постепенно уходит за пределы территории.

Внутренняя динамика миграции знания позволяет различить три режима этого движения:

1. Вынос знания возникает там, где сформированные компетенции обслуживают внешний узел и дают слабый обратный импульс местной среде.

2. Циркуляция знания появляется при возврате проектов, практик и новых требований к качеству образования и производства.

3. Укоренение знания складывается там, где территория превращает знание в труд, творчество и новый результат в собственном хозяйственном и культурном пространстве.

Это выводит анализ за пределы выбора между закрытостью и пассивным оттоком.

Ноопереход [Бодрунов, 2025b; Бодрунов, Архипова, 2024; Бодрунов, Глазьев, 2023] требует изменения самого содержания движения. Мобильность должна становиться циркуляцией и укоренением знания. Трудовая миграция в этом случае выступает вопросом исторической способности территории войти в НИО.2 как субъект созидания, а не как «донор человеческого материала» для внешних цепей присвоения.

Территория в НИО.2 выступает воспроизводственной средой знаниеемких функций. Ее значение определяется способностью соединять человека и знание в целостной среде созидания. В терминах В.И. Вернадского научная мысль имеет планетарную природу [Вернадский, 1991], но ее движение, включая миграцию знания, приобретает разное качество: оно либо насыщает территорию новым смыслом, либо опустошает ее творческое ядро. Знание, превращаясь в общественную силу, меняет не отдельную профессию, а горизонт человеческого существования. Там, где оно становится общественным достоянием, труд получает шанс выйти из режима внешней необходимости к форме сознательного созидания.

Сотворение начинается раньше вещи – в замысле, где знание собирается в образ будущего и ищет форму общественного воплощения.

Отсюда открывается более высокий уровень анализа: миграция знания становится признаком исторической смены качества производительных сил. В работах С.Ю. Глазьева анализ технологических укладов и становления интегрального мирохозяйственного уклада раскрывает именно эту глубину перехода [Глазьев, 2022]. Переход к VI-му (по Глазьеву) техукладу придает этому движению особую историческую напряженность, поскольку решающей становится способность территории превращать знаниеемкое содержание новых технологий в собственный трудовой потенциал и, что немаловажно, – в творческий потенциал. С точки зрения НИО.2 это означает восхождение Знания к роли внутреннего закона производства: через него труд обретает смысл, территория – способность к саморазвитию, мобильность – возможность стать циркуляцией человеческого потенциала.

В контексте новой индустриализации этот поворот приобретает системный смысл. Технологическое обновление становится подлинно новым индустриальным развитием лишь тогда, когда производство наполняется знанием до той степени, при которой человек выходит из роли исполнителя и становится носителем замысла [Бодрунов, 2021]. Категория «экономики знаний» здесь оказывается ограниченной – она фиксирует знание преимущественно как ресурс эффективности [Bell, 1973; Drucker, 1969], тогда как ноономика связывает его с движением от экономического принуждения к творчеству как высшей форме человеческой деятельности [Бодрунов, 2023; Бодрунов, 2025c]. НИО.2 раскрывает Знание как первичную силу очеловечивания производства.

Суждение Р.С. Гринберга о том, что «умные фабрики» требуют «умных людей» и «умной экономики», выводит новую индустриализацию за пределы технократического понимания [Гринберг, 2016]. Машина становится «умной» лишь тогда, когда ее интеллектуальная мощность сопрягается с разумностью человека, ответственностью труда и общественной направленностью результата. Экономика такого типа рождается там, где знание получает действенную форму в труде и защищается от растворения в потоке данных. Цифровая избыточность делает решающей ноо-селекцию знания – способность отделять смысл от информационного шума и превращать машинный вывод в человечески осмысленное решение [Дмитриев, 2025; Дмитриев, 2026]. Ноо-селекция становится скрытой мерой территориального развития (или даже – смыслового суверенитета), поскольку территория, способная удерживать отбор смысла, задает направление будущего труда.

На этом уровне различие между территорией подготовки и территорией укоренения приобретает смысл пространственной **энтелехии знания** (по Аристотелю; это – переход от *dynamis* – возможности – к *entelecheia* – осуществленности, когда скрытая способность получает действующую форму и становится силой развития).

Территория подготовки формирует человека как носителя такой возможности, но осуществление замысла нередко уходит за пределы породившей среды. Пространство укоренения доводит эту возможность до действия и превращает ее в собственную форму развития. В первом случае человеческий потенциал становится материалом внешнего узла. Во втором знание возвращается в породившее пространство как способность к самостоятельному созиданию.

Переход от человеческого капитала неолиберальной парадигмы к человеческому потенциалу НИО.2 получает пространственное выражение. Рыночная категория «капитал» измеряет навык через отдачу; категория «потенциал» раскрывает способность среды доводить человеческий замысел до созидательного результата [Яковлева, 2024; Бодрунов и др., 2025]. У А.В. Бузгалина и А.И. Колганова показано, как поздний капитализм втягивает творческие способности в прекарные формы занятости, превращая креативность в подвижный ресурс т.н. «внешнего присвоения» [Бузгалин, Колганов, 2019]. Отсюда укоренение творческой функции становится способом сохранить для территории субъекта, способного продолжать ее развитие.

Укоренение творческой функции означает больше, чем сохранение численности занятых. Оно создает *топос* осуществления знания, т.е. среду, где замысел получает предметную форму, труд раскрывает творческое содержание, а мобильность возвращает территории приращение человеческого потенциала. В античной традиции *topos* означает место, а аристотелевская *entelecheia* раскрывает переход возможности к осуществленности [Аристотель, 1976; Аристотель, 1981]; для анализа миграции знания это означает движение от подготовленной способности к созидательному результату.

В НИО.2 субъект укорененной творческой функции выступает носителем замысла, меры и ответственности, выходя за пределы простой квалификации. Аристотелевская энтелехия помогает раскрыть форму этого перехода [Аристотель, 1976]; понимание научной мысли как планетарного явления у Вернадского задает масштаб движения знания [Вернадский, 1991]; ноономический подход Бодрунова раскрывает Знание как силу преобразования труда, потребностей и общественного бытия [Бодрунов, 2018].

Типология, представленная в табл. 2, показывает степени осуществленности человеческого потенциала в пространстве нооперехода. Одни территории – готовят человека для

внешнего узла, другие – удерживают творческую функцию в собственном развитии, третьи – превращают мобильность в обратимое движение знания. Поэтому миграция знания связывается с ключевым вопросом: где человеческий потенциал становится источником собственного развития, а где превращается в материал внешнего присвоения?

Таблица 2

Типология территорий по способности воспроизводить творческую функцию

Тип территории	Состояние знания	Содержание труда	Миграционный итог
Репродуктивная территория	Знание остается невоспроизводимой возможностью	Труд закрепляется в исполнительской заданности	Отток людей и трудовых функций
Территория подготовки	Образование создает потенциал, но замысел ищет осуществление вне породившей среды	Труд формируется как способность к будущему действию	Вынос знания
Платформенно-зависимая территория	Знание подключается к внешнему цифровому узлу	Удаленная функция обслуживает чужой цикл результата	Скрытая миграция знания
Территория укоренения	Знание получает топос осуществления	Труд раскрывается как созидательное действие	Укоренение творческой функции
Территория кристаллизации НИО.2	Знание становится самовоспроизводящейся силой развития	Труд приобретает форму сотворчества и смыслового отбора (ноо-селекции) результата	Циркуляция знания и рост человеческого потенциала

Примечание: типология показывает степени осуществленности человеческого потенциала в пространстве нооперевода. Территория кристаллизации НИО.2 рассматривается как предельный тип, при котором знание возвращается в развитие самой среды и закрепляет ее смысловой суверенитет. Источник: составлено авторами по [Бодрунов, Дмитриев, 2025; Бодрунов, 2026] с учетом работ С.Д. Бодрунова по нооэкономике [Бодрунов, 2018; Бодрунов, 2021].

Миграция знания и институты укоренения творческого труда

Форма занятости дает лишь внешнюю оболочку труда. Цифровая работа может ускорять репродуктивное исполнение; креативный сектор – обслуживать хрематистику симулятивных потребностей; перемещение специалиста – становиться выносом знания из породившей среды. Поэтому анализ должен обращаться к самому содержанию труда, где проявляется главное различие: труд либо раскрывает в человеке субъектную силу созидания, либо превращает ее в отчуждаемую функцию внешнего воспроизводства.

В НИО.2 «уровень творческой» (насыщенность трудовой деятельности творческим началом) труда определяется степенью включенности человека в рождение замысла. Его ядро образует способность удерживать будущий результат до внешнего оформления и придавать задаче форму ответственного действия. У А. Фримана ментальный объект выступает допредметным (предпредметным) состоянием результата, соединяющим замысел с последующим воплощением; он позволяет увидеть творчество до появления продукта – в становлении образа будущего [Фриман, 2021; Фриман, 2023]. У С.Д. Бодрунова Знание раскрывается как первичная сила ароморфоза труда, а творческая деятельность – как выход человека из режима репродуктивного исполнения к созидательному участию [Бодрунов, 2025а; Бодрунов, 2026].

Критерий уровня креативизации труда состоит в степени осуществленности замысла. Труд входит в творческое состояние тогда, когда человек удерживает внутренний образ результата, соотносит его с общественной пользой и принимает созданное как собственную долю ответственности. Здесь – и именно здесь – деятельность становится энтелехией знания: скрытая способность получает форму действия; затраченная энергия возвращается человеку новым запасом разума и готовностью к следующему акту созидания.

К. Маркс показал, что товарная форма придает общественным отношениям вещную видимость [Маркс, 1960]. В условиях цифровой занятости эта инверсия получает новую оболочку – творческая функция человека может быть представлена как «цифровой след», набор показателей и отчуждаемый фрагмент платформенного заказа. К. Поланьи раскрыл предел рыночного превращения труда в «фиктивный товар» [Polanyi, 2001], а Г. Браверман – каким образом управленческая рационализация обедняет содержание квалифицированного труда [Braverman, 1974]. В платформенной организации занятости эти предупреждения звучат по-новому, так как алгоритмы могут присваивать не только результат и его норму, но и саму меру, границу допустимого действия.

Отсюда возникает необходимость ноокритериальной оценки труда.

Цифровая форма, скорость исполнения и внешняя креативность еще не свидетельствуют о творческом содержании. Творческим является тот труд, где знание переходит в осмысленное действие, результат получает общественную значимость, а человек сохраняет способность к дальнейшему развитию. Репродуктивное исполнение, напротив, может быть технологически ускоренным, но оставаться трудом без внутреннего замысла.

Из этого вытекает институциональный поворот миграционной политики в НИО.2. Если Знание первично, а творчество выступает высшей формой знаниеинтенсивного труда, управление мобильностью выходит за пределы административного удержания. Его предметом становится укоренение творческой функции: создание условий, при которых движение человека усиливает воспроизводство знания и сохраняет породившую среду как источник нового результата [Бодрунов, Дмитриев, 2025; Бодрунов, 2026].

Образование здесь перестает быть подготовкой под запрос работодателя. Оно становится введением человека в сложное действие, где знание отделяется от информационного шума, а будущий специалист учится отвечать за создаваемое. Такой подход соотносится со стратегическим видением, поскольку именно в стратегировании трансформации общества знание и технологии рассматриваются как взаимосвязанные основания будущего развития на пути к ноономике [Квинт, Бодрунов, 2021]; поэтому образование начинает служить ноообществу тогда, когда выводит знание из учебной замкнутости к научно-производственному сотворчеству и формирует субъекта будущего действия.

Культура выступает внутренним условием укоренения знания. Она удерживает человеческую направленность потребностей и способность общественного признания нового результата. Без культурного измерения техническая эффективность легко соскальзывает в хрематистику, обслуживающую симулятивный спрос. Среда укоренения должна соединять производственную задачу с нооценностями, чтобы созданное становилось не только применимым, но и общественно оправданным [Гречко, Плешивцева, 2025; Стасев, Гречко, Тюлина, 2025]. В этом проявляется и система ценностей нооперехода – культура возвращает миграции знания человеческое назначение и превращает движение творческой функции в воспроизводство смысла внутри породившей среды.

Миграционная политика в условиях НИО.2 должна создавать условия, при которых движение человека усиливает воспроизводство труда и творчества. Административное удержание специалиста дает краткий эффект; устойчивое развитие возникает там, где территория становится местом (*топосом*) возвращения замысла, а подготовленная способность получает возможность перейти в созидательный результат. Именно в таких средах и происходит кристаллизация НИО.2.

Практическое содержание этой политики раскрывается через институциональную связность образования, исследовательской базы и производства. Специалист, особенно начинающий, должен видеть перед собой не только карьерную траекторию, а горизонт творческого соучастия, где сложная задача требует самостоятельного замысла и защищенного результата. Социальная защита новых форм труда входит в эту систему как условие сохранения субъекта творческой функции, а не как внешняя компенсация нестабильности.

Во внутреннем пространстве страны данный процесс проявляется как асимметрия между средой формирования знания и узлом присвоения результата. Регион, который готовит специалиста и затем теряет его творческую функцию, становится *донором знания*. Регион, способный возвращать подготовленный замысел в собственное развитие, превращается в *территорию укоренения*. Так миграционная политика встраивается в логику нооперехода как политика воспроизводства человеческого потенциала.

Дж.М. Кейнс, размышляя о будущих экономических возможностях, указал на перспективу высвобождения человека от принудительной занятости и перехода к иной организации жизни [Keynes, 1931]. В теории ноономики эта кейнсианская перспектива раскрывается уже не как прогноз досуга, а как вопрос освобождения человеческой энергии для творческой деятельности: высвобождаемое время становится «световым резервом» общества, способным перейти из режима потребления в Знание, а далее – в культуру и в созидательный труд [Бодрунов, 2025а; Бодрунов, 2025с]. Миграционная политика в условиях НИО.2 должна создавать условия, при которых этот резерв получает общественную форму и становится источником воспроизводства человеческого потенциала.

Синергетическая традиция И. Пригожина, И. Стенгерс и Г. Хакена позволяет рассматривать ноопереход как нелинейную смену порядка, где накопленные флуктуации способны породить новое качество целого [Prigogine, Stengers, 1984; Haken, 1977]. Автоматизм такого перехода исключен. Для миграции знания это означает наличие бифуркационного узла: технологии, платформы и алгоритмы могут раскрывать творческую функцию или закреплять ускоренную репродуктивность в новой оболочке. Параметром порядка становится качество творческого участия. Поэтому политика НИО.2 нуждается в ноокритериях, позволяющих оценивать движение людей и функций по тому, ведет ли оно к становлению ноочеловека как человека-творца, преодолевающего узость экономического расчета [Бодрунов, 2024].

Отдельного внимания требует режим присвоения результата творческого труда. Когда ментальный объект, проектный замысел или технологическое решение полностью переходят во внешний узел, миграция знания завершается «экстракцией способности», т.е. породившая среда сохраняет память о подготовке человека, но теряет плод его творческого действия. Иная ситуация возникает при ассоциативном пользовании и признании вклада, поскольку результат остается включенным в среду своего возникновения и продолжает питать ее развитие.

Здесь раскрывается диффузия собственности в теории ноономики. У С.Д. Бодрунова диффузия собственности, социализация общества и солидаризм образуют одну из опор «квадриги ноономики» [Бодрунов, 2021]. Поэтому результат творческого труда должен рассматриваться как «узел продолжения», а не как закрытый актив. Он сохраняет связь с автором, коллективным применением и той средой, где возникла исходная способность.

Творческий результат редко принадлежит только одному исполнителю; в нем сходятся технологическая среда, культурный код и формы коллективной кооперации. Поздний капитализм, как показывают А.В. Бузгалин и А.И. Колганов, способен превращать творческие способности в подвижный ресурс внешнего присвоения [Бузгалин, Колганов, 2019]. НИО.2 предполагает такой режим закрепления результата, при котором открытость применения сочетается с возвращением породившей среде способности к новому созиданию.

У миграции знания есть своя скрытая «арифметика». Один и тот же человеческий замысел может стать потерей, обращением или приростом. Потерей (*выносом*) он становится при внешнем присвоении результата. Обращением (*циркуляцией*) – когда созданное входит в общий оборот знания. Приростом (*укоренением*) – когда породившая среда получает продолжение способности, из которой возник результат.

Для России, как и для любой суверенной страны, это означает необходимость собирать промышленную, образовательную, цифровую и культурную политику вокруг воспроизводства человеческого потенциала. Промышленный заказ должен давать знанию предмет действия; образование – выращивать субъекта замысла; цифровая среда – защищать созданное от растворения во внешнем контуре присвоения; культура – удерживать нооценностное назначение результата. В такой сцепке творческий труд получает институциональное укоренение, а миграция знания перестает быть потерей способности и становится способом расширения созидательных сил общества.

Заключение

1. Третья статья трилогического цикла (см. «Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте» №4 за 2025 г., №1 за 2026 г.) завершает переход от *описания внешних проявлений трудовой миграции* к *раскрытию ее внутреннего политэкономического содержания*. Если в первой статье трудовая миграция была рассмотрена как **индикатор ароморфоза категории «труд»**, а во второй **цифровая занятость раскрыта как форма двойной миграции**, при которой трудовая функция способна **смещаться** раньше физического перемещения работника [Бодрунов, Дмитриев, 2025; Бодрунов, 2026], то настоящее исследование показывает следующий слой этого движения. За пространственными перемещениями и функциональными сдвигами обнаруживается миграция знания, воплощенного в способности человека к знаниеинтенсивному и творческому труду.

2. Знание, выступая первичной субстанцией преобразования труда (в условиях НИО.2 это становится все более ненужным), входит в деятельность через замысел и *ментальный объект*, получает *предметную форму* в действии и возвращается в *общественно полезном результате*. Творчество раскрывается как высшая форма знаниеинтенсивного труда, при которой человек выходит за пределы репродуктивного исполнения и становится носителем созидательной способности. Поэтому *критерием труда* становится осуществленность замысла, когда скрытое знание обретает форму действия, меняет среду человеческого участия и возвращается к человеку новым запасом разумения.

3. **Миграция Знания** меняет смысл *территориального развития*. Территория может сохранять население и занятость, но терять способность к развитию собственного будущего, если сложные стадии труда и результат замысла закрепляются *во внешнем центре присвоения*. Иной исход возникает там, где Знание получает *топос* осуществления, подготовленная способность доводится до действия, а *знаниеинтенсивность производства соединяется с воспроизводством человеческого потенциала*.

4. В статье выделены три режима миграции Знания: *вынос, циркуляция и укоренение*. Вынос означает потерю творческой функции при внешнем присвоении результата. Циркуляция возникает тогда, когда движение специалиста возвращает породившей среде новые связи, опыт и способы действия. Укоренение складывается там, где Знание закрепляется в труде, получает институциональную защиту и становится воспроизводимой силой развития человека и территории. Поэтому у миграции знания есть своя скрытая арифметика: *один и тот же замысел может обернуться потерей, обращением или приростом*.

5. Миграционная политика в НИО.2 должна исходить из **воспроизводства человеческого потенциала**. Ее задача состоит не в административном удержании специалиста, а в создании среды, где движение человека усиливает «*воспроизводство*» Знания, труда и творчества. Образование, производство, цифровая инфраструктура, культура и защита результата должны быть сопряжены и объединены вокруг укоренения творческой функции. При такой институциональной связности мобильность перестает быть вымыванием способности и становится *возвратным движением человеческой силы*, а далее – и формой расширенного воспроизводства человеческого потенциала.

6. Для России данные выводы выходят за пределы теоретического обобщения и переходят в плоскость долгосрочного развития. Новая индустриализация (*реиндустриализация* на основе новейшего технологического уклада) получает ноо-содержание там, где знаниеинтенсивность производства соединяется с «выращиванием» человека как *субъекта творческого труда*. **Промышленная политика**, оторванная от воспроизводства субъекта творческого труда, создает технологическую оболочку без носителя замысла; образование без поля применения готовит человека к «уходу»; цифровизация без защиты результата ускоряет вынос функции; культура без связи с трудом рискует остаться символическим потреблением. В их сопряжении рождается территория укоренения знания, где НИО.2 раскрывается как движение производительных сил к человеку.

7. **Трудовая миграция** в условиях *нооперехода* выходит за пределы перемещения работника вслед за заработком. Она показывает, где Знание получает действенную форму в труде, где труд восходит к творчеству, а где сформированные обществом способности уходят во внешнее присвоение.

Ответ НИО.2 состоит в *преобразовании самой природы мобильности*, чтобы движение человека становилось возвращением Знания к породившей среде, укоренением человеческого потенциала и переходом от труда по принуждению к труду как сознательному участию в общем будущем – где творческая деятельность человека станет основой его жизнедеятельности.

Список источников

- Аристотель (1976). Сочинения: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль. 550 с.
Аристотель (1981). Сочинения: в 4 т. Т. 3. М.: Мысль. 613 с.

- Бодрунов С.Д. (2016). Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте. 328 с.
- Бодрунов С.Д. (2018). Ноономика. М.: Культурная революция. 432 с.
- Бодрунов С.Д. (2021). Генезис ноономики: НТП, диффузия собственности, социализация общества, солидаризм // Экономическое возрождение России. № 1 (67). С. 5–14. DOI: 10.37930/1990-9780-2021-1-67-5-14.
- Бодрунов С.Д. (2023). Творческая деятельность как открытая проблема: подход ноономики как метатеории // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте. Т. 2, № 1. С. 25–34. DOI: 10.37930/2782-618X-2023-2-1-25-34.
- Бодрунов С.Д. (2024). Путь к ноономике: магистральное направление глобального развития // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте. Т. 3, № 1. С. 13–20. DOI: 10.37930/2782-618X-2024-3-1-13-20.
- Бодрунов С.Д. (2025а). Ароморфоз категории «труд» в рамках глобальной трансформации общества: знание, творчество, ноономика // Экономическое возрождение России. № 2 (84). С. 5–20. DOI: 10.37930/1990-9780-2025-2-84-5-20.
- Бодрунов С.Д. (2025б). К вопросу о совершенствовании институтов национальной системы государственного управления для достижения практических задач нооперехода // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте. Т. 4, № 1. С. 13–20. DOI: 10.37930/2782-618X-2025-4-1-13-20.
- Бодрунов С.Д. (2025с). Теория ноономики и некоторые аспекты философских и политэкономических категорий «труд», «свобода», «творчество» // Вопросы политической экономики. № 4 (44). С. 26–35. DOI: 10.5281/zenodo.18278342.
- Бодрунов С.Д. (2026). Цифровая занятость и двойная трудовая миграция в процессе нооперехода: от репродуктивного содержания к творческой природе категории «труд» // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте. Т. 5, № 1. С. 13–29. DOI: 10.37930/2782-618X-2026-5-1-13-29.
- Бодрунов С.Д., Архипова В.В. (2024). Построение нооинтеграции на примере БРИКС: теория и практическая реализация // Экономическое возрождение России. № 4 (82). С. 5–18. DOI: 10.37930/1990-9780-2024-4-82-5-18.
- Бодрунов С.Д., Глазьев С.Ю. (2023). Закономерности формирования основ ноономики как грядущего общественного устройства: знать и действовать. СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте; М.: Центркаталог. 340 с.
- Бодрунов С.Д., Дмитриев Н.Д. (2025). Трудовая миграция как индикатор тенденции развития политэкономической категории «труд» в теории ноономики // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте. Т. 4, № 4. С. 67–89. DOI: 10.37930/2782-618X-2025-4-4-67-89.
- Бодрунов С.Д., Шабунова А.А., Бабич Л.В., Леонидова Г.В. (2025). Творческий потенциал населения – ключевой фактор перехода к ноономике // Экономическое возрождение России. № 3 (85). С. 5–25. DOI: 10.37930/1990-9780-2025-3-85-5-25.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И. (2019). Трансформации социальной структуры позднего капитализма: от пролетариата и буржуазии к прекариату и креативному классу? // Социологические исследования. № 1. С. 18–28. DOI: 10.31857/S013216250003744-1.
- Вернадский В.И. (1991). Научная мысль как планетное явление / отв. ред. А.Л. Яншин. М.: Наука. 271 с.

- Глазьев С.Ю. (2022). Ноономика как стержень формирования нового технологического и мирохозяйственного укладов // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте. Т. 1, № 1. С. 43–64. DOI: 10.37930/2782-618X-2022-1-1-43-64.
- Гречко М.В., Плешивцева А.А. (2025). Роль культурного фактора при ноопереходе к ноономике // Гуманитарий Юга России. Т. 14, № 5. С. 61–76. DOI: 10.18522/2227-8656.2025.5.4.
- Гринберг Р.С. (2016). Умным фабрикам нужны умные люди и умная экономика // Экономическое возрождение России. № 4 (50). С. 154–157.
- Дмитриев Н.Д. (2025). Искусственный интеллект как инфраструктура ноо-селекции знаний в условиях цифровой избыточности // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте. Т. 4, № 4. С. 22–43. DOI: 10.37930/2782-618X-2025-4-4-22-43.
- Дмитриев Н.Д. (2026). Когнитивный симбиоз на распутье: искусственный интеллект между ноопереходом и симулякрами потребления // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте. Т. 5, № 1. С. 69–97. DOI: 10.37930/2782-618X-2026-5-1-69-97.
- Квинт В.Л., Бодрунов С.Д. (2021). Стратегирование трансформации общества: знание, технологии, ноономика. СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте. 351 с.
- Маркс К. (1960). Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. М.: Госполитиздат.
- Стасев М.А., Гречко М.В., Тюлина З.Н. (2025). Влияние культурного фактора на динамику трансформации потребностей при переходе к (пост)капитализму и ноономике // Journal of Economic Regulation. Т. 16, № 3. С. 65–76. DOI: 10.17835/2078-5429.2025.16.3.065-076.
- Фриман А. (2021). Ментальные объекты как производительная сила: к критике ноономики // А(О)нтология ноономики: четвертая технологическая революция и ее экономические, социальные и гуманитарные последствия / под ред. С.Д. Бодрунова. СПб.: ИНИР. С. 207–265.
- Фриман А. (2023). Творчество и труд в системе координат ментальной экономики // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте. Т. 2, № 1. С. 13–24. DOI: 10.37930/2782-618X-2023-2-1-13-24.
- Яковлева Н.Г. (2024). От «человеческого капитала» к человеческому потенциалу: на пути к ноономике // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте. Т. 3, № 4. С. 32–42. DOI: 10.37930/2782-618X-2024-3-4-32-42.
- Bell D. (1973). The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting. New York: Basic Books.
- Braverman H. (1974). Labor and Monopoly Capital: The Degradation of Work in the Twentieth Century. New York: Monthly Review Press.
- Drucker P.F. (1969). The Age of Discontinuity: Guidelines to Our Changing Society. New York: Harper & Row.
- Freeman C. (1987). Technology Policy and Economic Performance: Lessons from Japan. London: Pinter Publishers.
- Freeman C., Louçã F. (2001). As Time Goes By: From the Industrial Revolutions to the Information Revolution. Oxford: Oxford University Press.
- Galbraith J.K. (1967). The New Industrial State. Boston: Houghton Mifflin.
- Haken H. (1977). Synergetics: An Introduction. Berlin: Springer.
- Keynes J.M. (1931). Economic Possibilities for Our Grandchildren // Essays in Persuasion. London: Macmillan.
- Marx K. (1973). Grundrisse: Foundations of the Critique of Political Economy / transl. by M. Nicolaus. London: Penguin Books; New Left Review.

- Polanyi K. (2001). *The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time*. Boston: Beacon Press.
- Prigogine I., Stengers I. (1984). *Order Out of Chaos: Man's New Dialogue with Nature*. New York: Bantam Books.

References

- Aristotle (1976). *The Writings: In 4 Volumes*. Vol. 1. Moscow: Mysl'. 550 p. (In Russ.).
- Aristotle (1981). *The Writings: In 4 Volumes*. Vol. 3. Moscow: Mysl'. 613 p. (In Russ.).
- Bodrunov S. D. (2025). Aromorphosis of the "Labor" Category as Part of the Global Societal Transformation: Knowledge, Creativity, Noonomy. *Economic Revival of Russia*. Vol. 84. No. 2. Pp. 5–20. DOI: 10.37930/1990-9780-2025-2-84-5-20. (In Russ.).
- Bodrunov S. D. (2021). The Genesis of Noonomy: Scientific and Technological Progress, Diffusion of Property, Socialization of Society, Solidarism. *Economic Revival of Russia*. Vol. 67. No. 1. Pp. 5–14. DOI: 10.37930/1990-9780-2021-1-67-5-14 (In Russ.).
- Bodrunov S. D. (2018). *Noonomy*. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya Publ. 432 p. (In Russ.).
- Bodrunov S. D. (2024). A Path to Noonomy: The Main Direction for Global Development. *Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works of the S. Y. Witte INID*. Vol. 3. No. 1. Pp. 13–20. DOI: 10.37930/2782-618X-2024-3-1-13-20. (In Russ.).
- Bodrunov S. D. (2023). Creative Activity as an Open Problem: Noonomy Approach as a Metatheory. *Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works of the S. Y. Witte INID*. Vol. 2. No. 1. Pp. 25–34. DOI: 10.37930/2782-618X-2023-2-1-25-34. (In Russ.).
- Bodrunov S. D. (2025). Noonomy and Some Aspects of the Philosophical and Political Economy Categories "Labor", "Freedom" and "Creativity". *Problems in Political Economy*. Vol. 4. No. 4. Pp. 26–35. DOI: 10.5281/zenodo.18278342. (In Russ.).
- Bodrunov S. D. (2026). Digital Employment and Dual Labor Migration in the Nootransition Process: From Reproductive Content to the Creative Nature of the Category of "Labor". *Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works of the S. Y. Witte INID*. Vol. 5. No. 1. Pp. 13–29. DOI: 10.37930/2782-618X-2026-5-1-13-29. (In Russ.).
- Bodrunov S. D., Dmitriev N. D. (2025). Labor Migration as an Indicator of the Development Trend of the Political Economy Category of "Labor" in the Theory of Noonomy. *Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works of the S. Y. Witte INID*. Vol. 4. No. 4. Pp. 67–89. DOI: 10.37930/2782-618X-2025-4-4-67-89. (In Russ.).
- Bodrunov S. D., Shabunova A. A., Babich L. V., Leonidova G. V. (2025). Creative Potential of the Population Is the Key Factor in the Transition to Noonomy. *Economic Revival of Russia*. Vol. 85. No. 3. Pp. 5–25. DOI: 10.37930/1990-9780-2025-3-85-5-25. (In Russ.).
- Buzgalin A. V., Kolganov A. I. (2019). Social Structure Transformation of Late Capitalism: from Proletariat and Bourgeoisie Towards Precariat and Creative Class? *Sociological Studies*. No. 1. Pp. 18–28. DOI: 10.31857/S01321 6250003744-1. (In Russ.).
- Vernadsky V. I. (1991). *Scientific Thought as a Planetary Phenomenon*; A. L. Yanshin (Ed.). Moscow: Nauka Publ. 271 p. (In Russ.).
- Glazyev S. Y. (2022). Noonomy as the Core of the Formation of a New Technological and World Economic Order. *Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works of the S. Y. Witte INID*. Vol. 1. No. 1. Pp. 43–64. DOI: 10.37930/2782-618X-2022-1-1-43-64. (In Russ.).

- Grechko M. V., Pleshivtseva A. A. (2025). The Role of Culture Factor in the Transition to Noonomy. *Humanities of the South of Russia*. Vol. 14. No. 5 (75). Pp. 61–76. DOI: 10.18522/2227-8656.2025.5.4. (In Russ.).
- Grinberg R. S. (2016). Smart Factories Need Smart People and a Smart Economy. *Economic Revival of Russia*. Vol. 50. No. 4. Pp. 154–157. (In Russ.).
- Dmitriev N. D. (2025). Artificial Intelligence as an Infrastructure of Noo-Selection of Knowledge under Conditions of Digital Redundancy. *Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works of the S. Y. Witte INID*. Vol. 4. No. 4. Pp. 22–43. DOI: 10.37930/2782-618X-2025-4-4-22-43. (In Russ.).
- Dmitriev N. D. (2026). Cognitive Symbiosis at a Crossroads: Artificial Intelligence between the Nootransition and the Simulacra of Consumption. *Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works of the S. Y. Witte INID*. Vol. 5. Pp. 1. Pp. 69–97. DOI: 10.37930/2782-618X-2026-5-1-69-97. (In Russ.).
- Kvint V. L., Bodrunov S. D. (2021). *Strategizing Societal Transformation: Knowledge, Technologies, and Noonomy*. St. Petersburg: S. Y. Witte INID. 351 p. (In Russ.).
- Marx K. (1960). Capital. A Critique of Political Economy. Vol. 1. Book 1. The Process of Production of Capital. In: Marx K., Engels F. *The Writings*. 2nd edition. Vol. 23. Moscow: Gospolitizdat. VI. 907 p. (In Russ.).
- Stasev M. A., Grechko M. V., Tyulina Z. N. (2025). The Influence of the Cultural Factor on the Dynamics of Needs Transformation in the Transition to (Post)Capitalism and Noonomy. *Journal of Economic Regulation*. Vol. 16. No. 3. Pp. 65–76. DOI: 10.17835/2078-5429.2025.16.3.065-076. (In Russ.).
- Freeman A. (2021). Mental Objects as a Productive Force: Toward a Critique of Noonomy. In: *Anthology of Noonomy: The Fourth Technological Revolution and Its Economic, Social, and Humanitarian Consequences*; S. D. Bodrunov (Ed.). St. Petersburg: S. Y. Witte INID. Pp. 207–265. (In Russ.).
- Freeman A. (2023). Creativity and Labor within the Coordinate System of the Mental Economy. *Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works of the S. Y. Witte INID*. Vol. 1. No. 2. Pp. 13–24. DOI: 10.37930/2782-618X-2023-2-1-13-24. (In Russ.).
- Yakovleva N. G. (2024). From “Human Capital” to Human Potential: On the Path toward Noonomy. *Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works of the S. Y. Witte INID*. Vol. 3. No. 4. Pp. 32–42. DOI: 10.37930/2782-618X-2024-3-4-32-42. (In Russ.).
- Bell D. (1973). *The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting*. New York: Basic Books.
- Braverman H. (1974). *Labor and Monopoly Capital: The Degradation of Work in the Twentieth Century*. New York: Monthly Review Press.
- Drucker P. F. (1969). *The Age of Discontinuity: Guidelines to Our Changing Society*. New York: Harper & Row.
- Freeman C. (1987). *Technology Policy and Economic Performance: Lessons from Japan*. London: Pinter Publishers.
- Freeman C., Louçã F. (2001). *As Time Goes By: From the Industrial Revolutions to the Information Revolution*. Oxford: Oxford University Press.
- Galbraith J. K. (1967). *The New Industrial State*. Boston: Houghton Mifflin.
- Haken H. (1977). *Synergetics: An Introduction*. Berlin: Springer.
- Keynes J. M. (1931). Economic Possibilities for Our Grandchildren. In: *Essays in Persuasion*. London: Macmillan.

- Marx K. (1973). *Grundrisse: Foundations of the Critique of Political Economy*. Translation by M. Nicolaus. London: Penguin Books; New Left Review.
- Polanyi K. (2001). *The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time*. Boston: Beacon Press.
- Prigogine I., Stengers I. (1984). *Order Out of Chaos: Man's New Dialogue with Nature*. New York: Bantam Books.

Информация об авторах

Бодрунов Сергей Дмитриевич

доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН, исполнительный директор Института ноономики и Нового индустриального развития им. С.Ю. Витте (197101, РФ, Санкт-Петербург, Большая Монетная ул., 16), президент Вольного экономического общества (ВЭО) России

E-mail: inir@inir.ru

Дмитриев Николай Дмитриевич

кандидат экономических наук, заместитель директора по научно-методической работе, Институт ноономики и Нового индустриального развития им. С.Ю. Витте (197101, РФ, Санкт-Петербург, Большая Монетная ул., 16), доцент Высшей инженерно-экономической школы, Заведующий лабораторией «Моделирование и цифровизация социально-экономических систем», Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (195251, РФ, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29),

E-mail: dmitriev_nd@spbstu.ru; dnd@inir.ru

Information about the author

Sergey D. Bodrunov

Dr. Sc. (Econ.), Professor, Corresponding Member of RAS, Executive Director of the S.Y. Witte Institute of Noonomy and New Industrial Development (Bol'shaya Monetnaya Str. 16, St. Petersburg, 197101, Russia), President of the Free Economic Society of Russia

E-mail: inir@inir.ru

Nikolay D. Dmitriev

PhD in Economics, Deputy Director for Scientific and Methodological Work, S.Y. Witte Institute of Noonomy and New Industrial Development (Bol'shaya Monetnaya Str. 16, St. Petersburg, 197101, Russia), Associate Professor, Graduate School of Industrial Economics, Head of the Laboratory "Modeling and Digitalization of Socio-Economic Systems", Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (Polytechnicheskaya Str. 29, St. Petersburg, 195251, Russia)

E-mail: dmitriev_nd@spbstu.ru; dnd@inir.ru

DOI: 10.37930/2782-618X-2026-5-2-35-49

Чен Эньфу

Шанхайский университет финансов и экономики (Шанхай, КНР)

Академия общественных наук КНР (Шанхай, КНР)

Дин Сяоцин

Шанхайский университет финансов и экономики (Шанхай, КНР)

ШЕСТЬ СТРАТЕГИЧЕСКИХ НАПРАВЛЕНИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ КИТАЕМ И РОССИЕЙ И МЕХАНИЗМЫ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ

Аннотация: на основе марксистской политической экономии в статье дан системный анализ стратегических направлений, механизмов реализации и системы управления рисками в китайско-российском экономическом сотрудничестве. Сотрудничество между Китаем и Россией должно исходить из объективных потребностей развития производительных сил обеих стран и строиться на шести стратегических направлениях: энергетика – как основа обеспечения устойчивости промышленного базиса, транспортная связанность – как фактор ускорения экономического оборота, финансовые механизмы – как инструмент поддержания стабильности денежного обращения и кредитной безопасности, научно-техническая кооперация – как драйвер роста производительности труда, сельскохозяйственное взаимодействие – как условие укрепления продовольственной безопасности, цифровая экономика – как среда для формирования новых форм производства и обмена. На этой основе предлагается продвижение шести стратегических ключевых проектов. Такая стратегия соответствует объективным закономерностям международного разделения труда и является естественным следствием того, что производственные отношения двух стран должны соответствовать уровню развития их производительных сил. В статье также предлагается трехуровневый механизм реализации сотрудничества: стратегическое руководство на уровне глав государств, межведомственная координация на уровне министров и практическая реализация на уровне предприятий. Кроме того, обосновывается необходимость системы прогнозирования рисков и механизма согласования на высшем уровне. Подчеркивается, что углубленное экономическое взаимодействие Китая и России является не только практическим ответом на нестабильность глобальной капиталистической системы, но и важным шагом в формировании более справедливого и равноправного международного экономического порядка.

Ключевые слова: Китайско-Российское экономическое сотрудничество; марксистская политическая экономия; международное разделение труда; промышленные и снабженческие цепочки; экономическая безопасность; региональный экономический цикл

Для цитирования: Чен Э., Дин С. (2026). Шесть стратегических направлений экономического сотрудничества между Китаем и Россией и механизмы их реализации // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте. Т. 5, № 2. С. 35–49. DOI: 10.37930/2782-618X-2026-5-2-35-49

Cheng Enfu

Shanghai University of Finance and Economics (Beijing, PRC)

Chinese Academy of Social Sciences (Beijing, PRC)

Ding Xiaoqin

Shanghai University of Finance and Economics (Beijing, PRC)

**SIX STRATEGIC DIRECTIONS OF ECONOMIC
COOPERATION BETWEEN CHINA AND RUSSIA
AND THE MECHANISMS FOR THEIR IMPLEMENTATION**

Abstract: Based on Marxist political economy, the paper provides a systematic analysis of the strategic directions, implementation mechanisms, and risk management system in China-Russia economic cooperation. Cooperation between China and Russia should stem from the objective needs of developing the productive forces of both nations and should be built upon six strategic directions: energy as the foundation for ensuring the sustainability of the industrial base; transport connectivity as a factor in accelerating economic turnover; financial mechanisms as a tool for maintaining monetary stability and credit security; scientific and technological cooperation as a driver of labor productivity growth; agricultural interaction as a prerequisite for strengthening food security; and the digital economy as an environment for shaping new forms of production and exchange. On this basis, the promotion of six strategic key projects is proposed. Such a strategy conforms to the objective laws of the international division of labor and naturally follows from the principle that the relations of production in both countries must correspond to the level of development of their productive forces. The paper also proposes a three-tier cooperation implementation mechanism: strategic leadership at the heads-of-state level, interdepartmental coordination at the ministerial level, and practical execution at the enterprise level. Furthermore, the necessity of a risk forecasting system and a top-level coordination mechanism is substantiated. It is emphasized that deep economic interaction between China and Russia is not only a practical response to the instability of the global capitalist system but also an important step toward shaping a more just and equitable international economic order.

Keywords: China-Russia economic cooperation; Marxist political economy; international division of labor; industrial and supply chains; economic security; regional economic cycle.

For citation: Cheng E., Ding X. (2026). Six Strategic Directions of Economic Cooperation Between China and Russia and the Mechanisms for Their Implementation. *Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works of the S. Y. Witte INID*, Vol. 5, No. 2, pp. 35–49. DOI: 10.37930/2782-618X-2026-5-2-35-49

程恩富

上海财经大学 (中国, 北京)

中国社会科学院 (中国, 上海)

丁晓钦

上海财经大学 (中国, 北京)

中俄经济合作的六个战略方向及其实施机制

摘要: 本文基于马克思主义政治经济学, 对中国俄罗斯经济合作中的战略方向、实施机制及风险管控体系进行了系统分析。中俄合作应立足于两国生产力发展的客观需求, 并围绕六个战略方向展开: 能源——作为保障工业基础可持续性的根基; 交通互联互通——作为加速经济周转的推动力; 金融机制——作为维护货币流通稳定和信贷安全的工具; 科技合作——作为提高劳动生产率的驱动力; 农业合作——作为加强粮食安全的条件; 数字经济——作为形成新型生产和交换方式的载体。在此基础上, 建议推进六项战略性重点项目。这一战略符合国际劳动分工的客观规律, 也是两国生产关系必须与生产力发展水平相适应这一原则的自然结果。文章还提出了三层级合作实施机制: 国家元首层面的战略指导、部长层面的跨部门协调以及企业层面的具体落实。此外, 文章还论证了建立风险预测体系和高层协调机制的必要性。文章强调, 中俄深化经济合作不仅是对全球资本主义体系不稳定性的务实回应, 也是构建更加公正、平等的国际经济秩序的重要环节。

关键词: 中俄经济合作、马克思主义政治经济学、国际劳动分工、产业链和供应链、经济安全、区域经济周期。

引用注释: 程恩富、丁晓钦 (2026). 中俄经济合作的六个战略方向及其实施机制//智慧经济与智慧社会. 维捷新兴工业发展研究所论文选, Vol. 5, No. 2, pp. 35–49. DOI: 10.37930/2782-618X-2026-5-2-35-49

I. Введение

С точки зрения марксистской политической экономии, развитие общественных производительных сил неизбежно выходит за пределы государственных и территориальных границ, способствуя углублению международного разделения труда и расширению мирового рынка. Экономическое взаимодействие между странами является объективной закономерностью, вытекающей из обобществления производства и его интернационализации. В настоящее время, на фоне роста унилатерализма и протекционизма, все более отчетливо проявляется уязвимость глобальной финансовой, энергетической и продовольственной систем, а недостатки традиционных правил международного экономического регулирования становятся все более очевидными. Складывающаяся международная политическая конфигурация, характеризующаяся как «подъем Востока и закат Запада», проявляется, прежде всего, в том, что на фоне укрепления сотрудничества стран Глобального Юга, включая Китай, Россию и Иран, в противодействии гегемонизму, Соединенные Штаты и западные страны постепенно утрачивают свои позиции [Cheng, 2024]. Будучи крупнейшими развивающимися державами мира и постоянными членами Совета Безопасности ООН, Китай и Россия на основе общности интересов в сфере развития и стратегических целей неуклонно укрепляют экономический фундамент своих отношений всеобъемлющего стратегического взаимодействия и партнерства в новую эпоху. Сегодня все более отчетливо проявляются

тенденции к унилатерализму, протекционизму и гегемонии, а процесс экономической глобализации наталкивается на противодействие. Председатель Си Цзиньпин подчеркнул, что Китаю и России необходимо совместно продвигать формирование равноправной и упорядоченной многополярности в мире и инклюзивной экономической глобализации, в полной мере задействовать взаимодополняемость ресурсных преимуществ и производственных систем двух стран, расширять высококачественное взаимовыгодное сотрудничество по всем направлениям, противостоять внешнему давлению и обеспечивать, чтобы опора сотрудничества становилась крепче, а движущие силы роста – энергичнее¹. Это важное заявление задает стратегический курс на углубление всеобъемлющего стратегического взаимодействия и развитие практического экономического сотрудничества Китая и России в новую эпоху.

Благодаря взаимодополняемости ресурсной базы, промышленных структур и рыночного пространства двух стран, экономическое сотрудничество Китая и России трансформируется из простых торговых обменов в системное взаимодействие, охватывающее все звенья производственных цепочек, широкий спектр отраслей и глубокие уровни кооперации. В ходе встречи в Москве, главы двух государств обнародовали «Совместное заявление о плане развития ключевых направлений китайско-российского экономического сотрудничества до 2030 года» (далее – «План сотрудничества до 2030 года»). В документе закреплён курс на «твёрдое следование принципам взаимного уважения и взаимной выгоды на равноправной основе, обеспечение долгосрочного самостоятельного развития двух стран, а также продвижение высококачественного развития китайско-российского экономического и торгового сотрудничества»². В 2026 году главы Китая и России вновь подчеркнули, что двустороннее торгово-экономическое сотрудничество на протяжении многих лет демонстрирует устойчивый рост и неуклонно повышает уровень жизни народов двух стран. В предстоящий период планируется углубить координацию политик, закрепить преимущества в традиционных областях сотрудничества, выявить перспективные ниши в новых секторах и обеспечить повышение качества и эффективности как товарной, так и сервисной торговли³.

Предложенная Генеральным секретарем Си Цзиньпином новая модель развития, основанная на доминирующей роли внутреннего цикла и взаимном стимулировании внутреннего и международного циклов, глубоко раскрывает диалектическую взаимосвязь между самостоятельным развитием и открытостью внешнему миру, а также между внутренним и международным циклами⁴. Глубокое экономическое взаимодействие Китая и России является важным практическим шагом в повышении качества международного экономического оборота, интеграции внутреннего и внешнего рынков и эффективном использовании ресурсов двух категорий. Одновременно оно выступает в качестве ключевой внешней со-

¹ Си Цзиньпин. Выступление на встрече глав государств Китая и России [EB/OL].(2025-05-08). <http://www.news.cn/20250508/fba4bc596c7b442fa68ef87c6c0ad394/c.html>.

² Председатель Китайской Народной Республики и Президент Российской Федерации. Совместное заявление Председателя КНР и Президента РФ о плане развития ключевых направлений китайско-российского экономического сотрудничества до 2030 года [EB/OL].(2023-03-22). https://www.mfa.gov.cn/web/wjlb_673085/zjzg_673183/xws_674681/xgwx_674683/202303/t20230322_11046176.shtml

³ Китайская Народная Республика и Российская Федерация. Совместное заявление Китайской Народной Республики и Российской Федерации о дальнейшем укреплении всеобъемлющего стратегического взаимодействия и углублении отношений добрососедства и дружественного сотрудничества [EB/OL].(2026-05-21).

⁴ Си Цзиньпин. Ускорение формирования новой модели развития и обеспечение стратегической инициативы в будущем развитии [J/OL]. 2021(8) http://www.qstheory.cn/dukan/qs/2021-04/15/c_1127322214124424.htm.

ставляющей реализации стратегии «двойной циркуляции». В данной статье в качестве теоретической основы, используются марксистская теория международного разделения труда и теория воспроизводства. На этой базе предлагается система экономического сотрудничества, включающая шесть стратегических направлений: энергетика – как основа обеспечения устойчивости промышленного базиса; транспортная связанность – как фактор ускорения экономического оборота; финансовые механизмы – как инструмент поддержания стабильности денежного обращения и кредитной безопасности, научно-техническая кооперация – как драйвер роста производительности труда, сельскохозяйственное взаимодействие – как условие укрепления продовольственной безопасности, цифровая экономика – как среда для формирования новых производственных и обменных отношений. В рамках данной системы в статье конкретизируются ключевые проекты сотрудничества, механизмы их практической реализации и система предотвращения рисков.

II. Шесть стратегических ключевых направлений китайско-российского экономического сотрудничества

С точки зрения марксистской теории общественного воспроизводства, совокупное общественное производство включает два основных подразделения: производство средств производства и производство предметов потребления. Энергетика, транспорт и финансы относятся к базовым условиям обращения и производства, обеспечивающим функционирование воспроизводственного процесса. Наука и технологии являются ключевой движущей силой трансформации производительных сил. Сельское хозяйство связано с обеспечением населения предметами потребления и базовыми средствами существования. Цифровая экономика представляет собой концентрированное выражение новой формы производительных сил. С учетом различий в обеспеченности ресурсами и сравнительных преимуществ двух стран, в настоящее время приоритетом должно стать продвижение шести стратегических ключевых проектов, которые заложат основу для многоплановой, многоуровневой и комплексной модели сотрудничества.

Во-первых, глубокое взаимодействие по всей производственной цепочке в энергетической сфере служит «фундаментом стабильности», обеспечивающим устойчивость регионального экономического оборота. В современном общественном воспроизводстве энергия выступает важнейшим средством производства, а энергетическая безопасность является первостепенной предпосылкой национальной экономической безопасности. Генеральный секретарь Си Цзиньпин не раз отмечал, что энергетическая безопасность – это ключевой элемент национальной безопасности, а потому необходимо гарантировать стабильное энергоснабжение за счет диверсификации поставок и долгосрочной устойчивости. Китайско-российское сотрудничество по всей цепочке создания стоимости в энергетическом секторе является ключевой мерой по совместному укреплению энергетической безопасности двух стран и достижению взаимовыгодных результатов¹. Китай и Россия обладают естественной взаимодополняемостью в сфере энергетики. Россия располагает богатыми запасами нефти и газа, а также значительным потенциалом в области атомной и возобновляемой энергетики, тогда как Китай обладает емким внутренним рынком, развитым производственно-перерабатывающим потенциалом и преимуществами в сфере ка-

¹ Си Цзиньпин. Выступление на встрече глав государств Китая и России [EB/OL].(2025-05-08). <http://www.news.cn/20250508/fba4bc596c7b442fa68ef87c6c0ad394/c.html>.

питала. В этой связи сторонам следует развивать интегрированную модель сотрудничества по всей цепочке создания стоимости в энергетическом секторе и формировать стабильную и устойчивую систему энергоснабжения. «Необходимо уделять особое внимание созданию контролируемых, безопасных и надежных производственных цепочек и цепочек поставок, а также стремиться иметь как минимум по одному альтернативному источнику поставок и альтернативному каналу поставок основной продукции в качестве резервных вариантов» [Cheng, Zhang, 2021]. В «Плане сотрудничества до 2030 года» прямо указывается на необходимость «углубления всестороннего сотрудничества в энергетической сфере, обеспечения энергетической безопасности, последовательного развития сотрудничества в области традиционной энергетики, включая нефтегазовый сектор, электроэнергетику и атомную энергетику, расширения взаимодействия в сфере экологически чистых источников энергии, включая водородную энергетику, возобновляемые источники энергии и углеродный рынок, а также формирования интегрированной цепочки создания стоимости в энергетическом секторе»¹. Сторонам следует в приоритетном порядке продвигать строительство газопровода «Сила Сибири-2», реализуя предусмотренную планом цель по достижению годового объема поставок природного газа на уровне около 50 млрд куб. м, а также параллельно развивать сотрудничество в области разведки нефти и газа, их переработки, хранения и транспортировки, формируя замкнутую производственную цепочку, охватывающую все этапы от добычи до поставок. Параллельно следует расширять сотрудничество в области атомной энергетики, трансграничных электропередач, водородной энергетики и систем хранения энергии, чтобы традиционная энергобезопасность и «зеленый» переход дополняли друг друга. Это позволит выйти за рамки простой торговли ресурсами и перейти к созданию отраслевого альянса, охватывающего все звенья цепочки – производство, распределение и конечное потребление.

Во-вторых, трансграничная взаимосвязанная логистическая система представляет собой «магистраль» транснационального перемещения факторов производства. Обращение является важным звеном общественного воспроизводства, а эффективные трансграничные логистические каналы служат физической основой для перемещения факторов производства, товаров и капитала между странами. Развитие трансграничной логистической инфраструктуры между Китаем и Россией позволит сократить транспортные издержки, повысить эффективность международного разделения труда и снять пространственные ограничения для региональных экономических потоков двух стран. В «Плане сотрудничества до 2030 года» создание взаимосвязанной логистической инфраструктуры выделено в качестве ключевого направления. Документ предусматривает «обеспечение бесперебойного перемещения грузов и пассажиров между двумя странами с использованием мультимодальных перевозок (железнодорожных, автомобильных, воздушных, речных и морских), модернизацию инфраструктуры пограничных переходов и повышение уровня упрощения процедур пересечения границы»². Конкретные шаги включают: первое – интеллектуальную модернизацию ключевых приграничных пунктов пропуска на российско-китайской границе, оптимизацию пограничных и таможенных процедур, усиление ко-

¹ Председатель Китайской Народной Республики и Президент Российской Федерации. Совместное заявление Председателя КНР и Президента РФ о плане развития ключевых направлений китайско-российского экономического сотрудничества до 2030 года [ЕВ/ОЛ].(2023-03-22). https://www.mfa.gov.cn/web/wjfb_673085/zjzg_673183/xws_674681/xgxw_674683/202303/t20230322_11046176.shtml.

² Там же.

ординации между железнодорожными маршрутами Китай–Европа и мультимодальными перевозками «суша-море» для развития логистического коридора между Северо-Востоком Китая и Дальним Востоком России; второе – совместное развитие Северного морского пути, сотрудничество в сферах судоходства, ледокольных технологий и полярной логистики, что позволит задействовать потенциал северной морской транспортной артерии. Регулярное судоходство по Северному морскому пути трансформирует логистическую карту морских перевозок между Азией и Европой и существенно уменьшит зависимость от традиционного маршрута через Суэцкий канал. Формирование трансграничной логистической инфраструктуры между Китаем и Россией служит важной платформой для сопряжения инициативы «Один пояс, один путь» с Евразийским экономическим союзом, что полностью соответствует стратегическому консенсусу сторон о совместном развитии взаимосвязанных транспортных артерий и оптимизации регионального товародвижения.

В-третьих, использование национальных валют для взаимных расчетов и интеграция финансовых рынков служат «стабилизатором» для международной экономической деятельности. Деньги и финансы служат средством товарного обмена и движения капитала, а также выступают центральным звеном современных международных экономических связей. Удерживая контроль над международными финансами, высокими технологиями, ресурсами и энергоносителями, а также внешними рынками, развитые страны одновременно выводят за рубеж производства среднего и низкого уровня и экспортируют интеллектуальную собственность. В результате между ними и развивающимися странами складывается особая «двойственная структура экономики» [Cheng, Xie, 2016]. На фоне внешних финансовых ограничений и дисбаланса в мировой валютной системе, переход на расчеты в национальных валютах и интеграция финансовых рынков являются для Китая и России важнейшим инструментом для снижения зависимости от одной валюты, защиты финансового суверенитета и обеспечения безопасного движения капитала. На фоне дисбаланса в мировой валютной системе и роста внешних финансовых ограничений, наращивание расчетов в национальных валютах становится для обеих стран реальным инструментом сохранения финансовой независимости и предотвращения системных рисков, а также служит практическим воплощением курса на самостоятельное развитие. «План сотрудничества до 2030 года» ставит задачу «расширить применение национальных валют в двусторонней торговле, инвестиционной и кредитной сферах, углубить взаимодействие финансовых институтов двух стран, улучшить механизмы сотрудничества в области борьбы с отмыванием денег и повысить качество трансграничных финансовых услуг»¹. Исходя из этого, обеим странам целесообразно существенно нарастить объемы прямых расчетов в юанях и рублях в торговых операциях, прямых инвестициях и кредитовании, а также создать систему, облегчающую трансграничные платежи, что поможет минимизировать уязвимость перед внешними финансовыми санкциями. Параллельно необходимо развивать сотрудничество между участниками фондового и страхового рынков, а также рейтинговыми агентствами, обновить двустороннее инвестиционное соглашение и обеспечить упорядоченное движение капитала в реальные сектора экономики: энергетику, инфраструктуру

¹ Председатель Китайской Народной Республики и Президент Российской Федерации. Совместное заявление Председателя КНР и Президента РФ о плане развития ключевых направлений китайско-российского экономического сотрудничества до 2030 года [ЕВ/ОЛ].(2023-03-22)[2026-06-14].https://www.mfa.gov.cn/web/wjw_673085/zzjg_673183/xws_674681/xgxw_674683/202303/t20230322_11046176.shtml.

и высокотехнологичные отрасли. Рост объемов расчетов в национальных валютах и более глубокая интеграция финансовых рынков позволят экономическим системам двух стран постепенно выйти из пассивной зависимости от долларовой системы и укрепить финансовый суверенитет.

В-четвертых, сотрудничество в сфере научно-технических инноваций и промышленных цепочек является «полюсом роста» для итеративного обновления производительных сил. Генеральный секретарь Си Цзиньпин подчеркнул, что самостоятельность и самодостаточность в области науки и техники являются стратегической опорой национального развития. Совместная работа Китая и России над прорывными технологиями позволит обеим странам преодолеть технологические ограничения и сообща выйти на уровень технологической независимости и самодостаточности. Согласно марксистской политической экономии, ключевым фактором, определяющим уровень производительности труда, является технологический прогресс. Опираясь на собственные технологические преимущества и промышленный потенциал, Китаю и России следует осуществлять совместные научно-технические разработки и промышленную кооперацию, что является ключевым инструментом формирования самостоятельной и контролируемой региональной производственной цепочки. Следовательно, «необходимо повышать научно-техническую самостоятельность, овладевать ключевыми технологиями и добиваться прорывов в передовых и критически важных технологических направлениях» [Cheng, Zhang,, 2021]. «План сотрудничества до 2030 года» ставит задачу «углубить взаимодействие в научно-технической и промышленной сферах, сосредоточившись на совместных исследованиях в области аэрокосмических технологий, новых материалов и фундаментальных наук, наладить взаимовыгодное сопряжение производственных мощностей и сформировать устойчивые региональные производственные и снабженческие цепочки»¹. Конкретные меры включают: во-первых, создание совместных лабораторий для проведения исследований в таких передовых областях, как искусственный интеллект, биомедицина и новые материалы, обеспечение двустороннего обмена научными кадрами и преодоление технологических барьеров; во-вторых, углубление взаимодополняемости производственных мощностей в таких отраслях, как автомобилестроение, машиностроение, электроника и телекоммуникации, органичное соединение производственного потенциала Китая с ресурсами и рынками России для формирования безопасных и стабильных региональных производственных цепочек и цепочек поставок.

В-пятых, сотрудничество в сфере сельского хозяйства и продовольственной безопасности является «фундаментом» обеспечения населения жизненно необходимыми ресурсами. Генеральный секретарь неоднократно подчеркивал: «Пока в закромах есть зерно – на душе спокойно». Продовольственная безопасность является важнейшим делом в управлении государством и обеспечении стабильности страны. Углубление сельскохозяйственного сотрудничества между Китаем и Россией и создание взаимной системы продовольственной безопасности позволят эффективно снизить риски, связанные с волатильностью мирового продовольственного рынка, и совместно обеспечить базовые жиз-

¹ Председатель Китайской Народной Республики и Президент Российской Федерации. Совместное заявление Председателя КНР и Президента РФ о плане развития ключевых направлений китайско-российского экономического сотрудничества до 2030 года [EB/OL].(2023-03-22). https://www.mfa.gov.cn/web/wjlb_673085/zjjg_673183/xws_674681/xgxw_674683/202303/t20230322_11046176.shtml.

ненные потребности населения обеих стран¹. Сельское хозяйство напрямую обеспечивает население жизненно необходимыми ресурсами. Продовольственная безопасность лежит в основе этого процесса и напрямую влияет на благосостояние людей и стабильность в обществе [Дин, 2025]. Мировой рынок продовольствия контролируется несколькими крупными международными зерновыми компаниями, что приводит к высокой волатильности цен и представляет собой непрерывную угрозу для продовольственной безопасности развивающихся стран. Развитие аграрного сотрудничества Китая и России и создание двусторонней системы продовольственной взаимопомощи позволят уменьшить зависимость от цепочек поставок мировых зерновых олигополий и снизить риски, связанные с волатильностью цен на жизненно важные ресурсы в процессе общественного воспроизводства. В соответствии с положениями «Плана сотрудничества до 2030 года» об «углублении сельскохозяйственного сотрудничества, расширении двусторонней торговли сельскохозяйственной продукцией, оптимизации процедур фитосанитарного и ветеринарного контроля, а также продвижении сотрудничества в области аграрных инвестиций, растениеводства и глубокой переработки сельскохозяйственной продукции», сторонам следует расширять масштабы экспорта российской зерновой продукции, мяса и морепродуктов в Китай, одновременно содействуя выходу на российский рынок китайских фруктов и овощей, сельскохозяйственных ресурсов и агротехнологий. В инвестиционной сфере необходимо стимулировать реализацию масштабных проектов по растениеводству, животноводству и глубокой переработке в Дальневосточном регионе России, а также формировать трансграничные агропромышленные кластеры. Продовольственная безопасность Китая и России постепенно переходит от самостоятельных усилий к взаимной поддержке, что создает буферную зону в условиях колебаний мирового продовольственного рынка.

В-шестых, сотрудничество в сфере цифровой экономики и новых направлений формирует «новый импульс» будущего развития. Цифровая экономика является основной формой производительных сил нового поколения. Такие новые сферы, как цифровая торговля, «зеленая» экономика и «умные» города представляют собой новые направления развития глобальных производительных сил. Формирование новых точек роста сотрудничества в цифровой сфере является для Китая и России неизбежным выбором для завоевания лидирующих позиций в будущем международном разделении труда и формирования новых конкурентных преимуществ.

«План сотрудничества до 2030 года» ставит задачу «расширить объемы торговли, развивать электронную коммерцию и другие инновационные формы сотрудничества, углубить взаимодействие в цифровой экономике и сфере «зеленого» устойчивого развития, а также формировать благоприятный деловой климат². Опираясь на политические ориентиры, обе страны постоянно исследуют новые форматы и модели сотрудничества, придавая устойчивый импульс двусторонним экономическим отношениям. Конкретные меры включают: во-первых, совершенствование механизмов трансграничного складского хозяйства, логистики и упрощения таможенных процедур, создание совместных демонстрационных зон

¹ Си Цзиньпин. Выступление на встрече глав государств Китая и России [EB/OL].(2025-05-08). <http://www.news.cn/20250508/fba4bc596c7b442fa68ef87c6c0ad394/c.html>.

² Председатель Китайской Народной Республики и Президент Российской Федерации. Совместное заявление Председателя КНР и Президента РФ о плане развития ключевых направлений китайско-российского экономического сотрудничества до 2030 года [EB/OL].(2023-03-22). https://www.mfa.gov.cn/web/wjlb_673085/zjzg_673183/xws_674681/xgxw_674683/202303/t20230322_11046176.shtml.

трансграничной электронной коммерции между Китаем и Россией, содействие двустороннему движению товаров с уникальными характеристиками и активизацию малых и средних рыночных субъектов; во-вторых, углубление координации цифровых стандартов и сотрудничества в сфере цифровой торговли услугами, а также расширение взаимодействия в таких новых областях, как «зеленая» инфраструктура, экология и охрана окружающей среды, «умные» города. Взаимное признание стандартов и совместная разработка правил позволят обеим странам усилить свои институциональные позиции в глобальной цифровой торговле и сохранить пространство для самостоятельного развития будущих производительных сил. Развитие цифровой экономики, «зеленой» экономики и других новых форм хозяйственной деятельности является совместным выбором двух стран в целях содействия высококачественному развитию торгово-экономического сотрудничества и формирования новых точек роста, а также полностью отвечает требованиям эпохи высококачественного развития.

Механизмы практической реализации и ключевые направления обеспечения китайско-российского сотрудничества

Генеральный секретарь Си Цзиньпин отметил, что в китайско-российском сотрудничестве необходимо придерживаться адресного подхода к реализации мер, с позиции стратегического видения повышать уровень практического сотрудничества, совершенствовать институциональное обеспечение и создавать стабильную, справедливую и предсказуемую среду для реализации крупных проектов¹. Исходя из этого требования, обе страны формируют трехуровневый механизм взаимодействия, в рамках которого главы государств осуществляют стратегическое руководство, министры обеспечивают координацию, а предприятия – практическое исполнение, дополняя его механизмами взаимодействия на высоком уровне и управления специальными перечнями проектов, что способствует преобразованию достигнутых договоренностей о сотрудничестве в реальные результаты.

(1) Трехуровневый механизм взаимодействия и реализации

Практическая реализация экономического сотрудничества и достижение его результатов невозможны без комплексной координации многоуровневой системы управления и эффективного исполнения со стороны субъектов рынка. Опираясь на сложившиеся механизмы двустороннего взаимодействия и управленческие структуры Китая и России, предлагается выстроить трехуровневый механизм взаимодействия и реализации, в котором главы государств осуществляют стратегическое руководство, министры обеспечивают координацию, а предприятия – практическое исполнение. Это позволит органично объединить стратегическое планирование, межведомственную координацию и исполнение на местах, обеспечив планомерное продвижение шести ключевых проектов.

В совместном коммюнике по итогам 30-й регулярной встречи глав правительств Китая и России подчеркивается, что все практические формы сотрудничества сторон осуществляются на основе консенсуса, достигнутого главами государств двух стран. Стороны намерены в полной мере раскрывать потенциал китайско-российских отношений, опираясь на Комиссию по подготовке регулярных встреч глав правительств и рабочие группы по раз-

¹ Си Цзиньпин. Выступление на встрече глав государств Китая и России [ЕВ/ОЛ].(2025-05-08). <http://www.news.cn/20250508/fba4bc596c7b442fa68ef87c6c0ad394/c.html>.

личным направлениям, формируя постоянно действующую систему координации, а также поддерживать углубление взаимодействия между ведущими предприятиями двух стран и создавать различные благоприятные условия для реализации совместных проектов¹. На этом основании в данной статье предлагается трехуровневый механизм реализации.

Первый уровень – это уровень стратегического руководства, задаваемого консенсусом глав государств. На этом уровне определяются ключевые стратегические направления сотрудничества. Все шесть стратегических проектов сотрудничества должны быть включены в перечень приоритетных проектов, подлежащих контролю со стороны Комиссии по подготовке регулярных встреч глав правительств России и Китая. Основой является политический консенсус, достигнутый лидерами двух стран. В установленные сроки должны быть подписаны такие специальные документы, как «Пятилетняя дорожная карта сотрудничества в области энергетической цепочки полного цикла» и «План действий по развитию трансграничной инфраструктурной связанности». Официальные двусторонние соглашения будут служить основой для углубления рамок сотрудничества, обеспечивая политическое руководство и институциональную основу для реализации проектов.

Второй уровень – межведомственная координация на уровне министров, создание специализированных платформ для комплексного управления. По отраслевому принципу формируются двусторонние рабочие группы, обеспечивающие специализированную координацию: в энергетической сфере – под руководством профильных министерств энергетики двух стран совместно с национальными нефтяными корпорациями; в финансовой сфере – под общей координацией центральных банков двух стран совместно с экспортно-кредитными агентствами. Введение регулярной практики ежеквартальных видеоконференций и полугодовых выездных проверок на местах позволит оперативно решать вопросы, связанные с координацией политик, согласованием нормативных требований и разрешением разногласий, возникающих в ходе реализации проектов.

Третий уровень – исполнение на уровне предприятий, стимулирование активности рыночных субъектов. Формируется альянс ключевых предприятий Китая и России. В его первоначальный состав входят 30 ведущих компаний, включая «PetroChina», «Газпром», Экспортно-импортный банк Китая, ВТБ и другие. Для крупных совместных проектов вводится «зеленый коридор» с приоритетным режимом по трем направлениям: таможенное оформление, визовые процедуры и кредитование. Это позволит снизить институциональные транзакционные издержки, повысить эффективность реализации проектов и в полной мере задействовать рыночные механизмы распределения ресурсов.

(2) Вопросы координации на высоком уровне и сопутствующие меры обеспечения

В целях совершенствования институционального обеспечения, в настоящее время необходимо задействовать каналы двустороннего общения на высшем уровне, чтобы способствовать практическому решению ключевых и сложных вопросов. В соответствии с «Планом сотрудничества до 2030 года» и договоренностями на уровне глав правительств, определены три ключевые координационные задачи. Во-первых, предполагается содействовать ускорению прохождения российской стороной экологической экспертизы проекта газопровода «Сила Сибири-2», при этом с китайской стороны в качестве единственного координационно-

¹ Совместное коммюнике по итогам 30-й регулярной встречи глав правительств Китая и России [EB/OL]. (2025-11-04). https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/1179_674909/202511/t20251104_11746926.shtml.

го субъекта взаимодействия назначается «Государственная трубопроводная компания», что обеспечивает профессионализацию и унификацию проектного взаимодействия. Во-вторых, предусматривается обеспечение утверждения Министерством сельского хозяйства России до конца 2026 года экспортных разрешений для 5 китайских предприятий по производству мяса птицы. В-третьих, предполагается заключение Соглашения между Китаем и Россией об обеспечении безопасности арктического судоходства, которое создаст правовую основу для коммерческого использования Северного морского пути.

Помимо этого, следует подготовить сопутствующие документы для укрепления информационной и политической базы сотрудничества: разработать «Расчетную таблицу окупаемости инвестиций в ключевые проекты российско-китайского энергетического сотрудничества» для количественной оценки экономической эффективности проектов; подготовить сборник «Последние льготные политики особых экономических зон Дальнего Востока России» в качестве ориентира для китайских инвесторов; подготовить «Перечень технических препятствий для трансграничных расчетов в национальных валютах» для последовательного устранения технических барьеров в финансовом сотрудничестве. Согласно договоренностям на уровне глав правительств, Министерству коммерции Китая поручается возглавить разработку «Перечня приоритетных проектов китайско-российского сотрудничества» и завершить его двустороннее согласование к следующей встрече глав правительств, что позволит перевести проекты в формат четких перечней и распределить ответственность за их реализацию.

III. Система прогнозирования и предотвращения рисков сотрудничества

Экономическая безопасность служит одной из ключевых основ национальной безопасности. Генеральный секретарь Си Цзиньпин подчеркнул, что в условиях растущей сложности международной обстановки и нарастания взаимосвязанных рисков и вызовов необходимо одновременно решать две стратегические задачи – развитие и безопасность. Китайско-российское трансграничное сотрудничество в экономической сфере связано с рисками различного характера – геополитическими, рыночными, технологическими и другими. В этой связи формирование комплексной системы управления рисками становится обязательным условием для сбалансированного развития и безопасности, а также для обеспечения стабильности и устойчивости сотрудничества в долгосрочной перспективе¹.

Во-первых, изменения в международной геополитической конфигурации могут создавать внешние помехи для трансграничных совместных проектов. В совместном заявлении лидеров Китая и России, принятом в 2026 году, зафиксировано, что обе стороны будут решительно отстаивать свои законные права и интересы, противодействовать любым попыткам подорвать двустороннее сотрудничество, совместно противостоять внешним рискам и вызовам, а также обеспечивать безопасность и устойчивость производственных и снабженческих цепочек². В этих целях сторонам целесообразно разработать ме-

¹ Си Цзиньпин. Выступление на встрече глав государств Китая и России [EB/OL].(2025-05-08)[EB/OL].(2025-05-08). <http://www.news.cn/20250508/fba4bc596c7b442fa68ef87c6c0ad394/c.html>.

² Китайская Народная Республика и Российская Федерация. Совместное заявление Китайской Народной Республики и Российской Федерации о дальнейшем укреплении всеобъемлющего стратегического взаимодействия и углублении отношений добрососедства и дружественного сотрудничества [EB/OL].(2026-05-21). https://www.mfa.gov.cn/gjhdq_676201/gj_676203/oz_678770/1206_679110/1207_679122/202605/t20260521_11914932.shtml.

ханизмы предварительной проверки участников сотрудничества и технологий, включая формирование перечня субъектов сотрудничества. В ключевых проектах – в энергетике, инфраструктуре и инновациях – следует отдавать приоритет проверенным сторонним технологиям и моделям сотрудничества, что позволит снизить риски геополитического вмешательства.

Во-вторых, циклические колебания цен на сырьевые товары являются обычным явлением на международных рынках и напрямую влияют на доходность и стабильность совместных проектов в энергетике и сельском хозяйстве. Для минимизации этих рисков предлагается использовать комбинацию долгосрочных контрактов и фьючерсного хеджирования для фиксации доходности, а также изучить возможность создания совместного китайско-российского стабилизационного фонда для сглаживания последствий резких колебаний сырьевых цен.

В-третьих, различия в технических стандартах и системах сертификации в отдельных отраслях двух стран могут приводить к увеличению институциональных издержек в промышленном сотрудничестве. В «Совместном коммюнике по итогам 30-й регулярной встречи глав правительств Китая и России» указывается на необходимость укрепления сотрудничества в сфере передовых технологий и стандартизации, а также содействия сопряжению и взаимному признанию отраслевых стандартов двух стран¹. Совместными усилиями планируется создать базу данных взаимного признания отраслевых стандартов Китая и России, обеспечив в первую очередь сопряжение и взаимное признание стандартов в таких ключевых сферах, как нефтегазовая, электроэнергетика и трансграничные железные дороги, что позволит устранить технические и нормативные барьеры.

IV. Заключение

Глубокое практическое сотрудничество Китая и России в экономической сфере является объективной закономерностью интернационализации производительных сил, углубления международного разделения труда и расширения мирового рынка. Опираясь на преимущества взаимодополняемости факторов производства, стороны формируют структуру скоординированного развития в шести ключевых сферах: энергетике, логистике, финансах, научно-технических инновациях, сельском хозяйстве и цифровой экономике. Совместное заявление о плане развития ключевых направлений китайско-российского экономического сотрудничества до 2030 года формирует рамочную основу долгосрочного взаимодействия, а совместные коммюнике по итогам регулярных встреч глав правительств позволяют последовательно преобразовывать достигнутые договоренности в конкретные проекты и институциональные механизмы. Трехуровневый механизм взаимодействия, в рамках которого главы государств осуществляют стратегическое руководство, министры обеспечивают координацию, а предприятия – практическое исполнение, в сочетании со специализированной системой управления рисками и мерами обеспечения на высшем уровне создает прочную институциональную основу для устойчивого и долгосрочного развития сотрудничества.

Комплексное обеспечение развития и безопасности является важным принципом внешнеэкономического сотрудничества в новую эпоху. Наряду с углублением практического

¹ Совместное коммюнике по итогам 30-й регулярной встречи глав правительств Китая и России [ЕВ/ОЛ]. (2025-11-04). https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/1179_674909/202511/t20251104_11746926.shtml.

сотрудничества, Китай и Россия выстраивают полномасштабные механизмы противодействия геополитическим, рыночным, технологическим и другим рискам, обеспечивая экономическую безопасность на всех этапах взаимодействия. Это служит конкретным воплощением принципа «экономическая безопасность как основа национальной безопасности». В настоящее время односторонность и протекционизм оказывают воздействие на мировой экономический порядок. Генеральный секретарь Си Цзиньпин предложил важные концепции продвижения инклюзивной и всеобщей экономической глобализации и формирования сообщества единой судьбы человечества, которые служат ориентиром для сотрудничества крупных держав и глобального управления. Экономическое сотрудничество в рамках отношений всеобъемлющего стратегического взаимодействия и партнерства между Китаем и Россией в новую эпоху не только помогает обеим странам укреплять основы развития и добиваться взаимной выгоды, но и служит практическим примером для совершенствования глобального экономического управления и поддержки скоординированного развития стран с активно развивающейся экономикой. В дальнейшем обе стороны будут оставаться верными изначальным принципам равенства, взаимной выгоды и совместного успеха, расширять горизонты и углублять содержание сотрудничества, последовательно повышая уровень двустороннего экономического взаимодействия и внося совместный вклад в стабильность и процветание мировой экономики.

Список источников/References

- Ding X. (2025). Economic Security Builds a Solid Foundation for National Security. *Wenhui Daily*. [丁晓钦 (2025). 以经济安全筑牢国家安全基石. 文汇报.]
- Cheng E., Zhang F. (2021). Political and Economic Analysis of the New “Dual Circulation” Development Model. *Seeking*. No. 1. Pp. 108–115.]. [程恩富, 张峰 (2021). “双循环”新发展格局的政治经济学分析. 求索. No. 1. Pp. 108–115.]
- Cheng E., Xie C. (2016). The Essence, Characteristics, Consequences of Financialization of Contemporary Monopoly Capitalism and China’s Responses: On the 100th Anniversary of V. I. Lenin’s Work “Imperialism, the Highest Stage of Capitalism”. *Social Science Journal*. No. 6. Pp. 54–63. [程恩富, 谢长安 (2016). 当代垄断资本主义经济金融化的本质、特征、影响及中国对策——纪念列宁《帝国主义是资本主义的最高阶段》100周年. 社会科学辑刊. No. 6. Pp. 54–63.]
- Cheng E. (2024). “The Rise of the East and the Decline of the West”: New International Pattern and Global Economic Governance. *World Socialism Studies*. Vol. 11. No. 9. Pp. 11–13. [程恩富 (2024). “东升西降”国际新格局与全球经济治理. 世界社会主义研究. Vol. 11. No. 9. Pp. 11–13].
- Xi J. (2021). Accelerating the Formation of a New Development Model and Ensuring the Strategic Initiative in Future Development. *Qiushi*. No. 8. [习近平 (2021). 加快构建新发展格局把握未来发展主动权. 求是. No. 8.]
- n. a. (2024). Joint Communiqué of the 29th Regular Meeting of Chinese and Russian Prime Ministers. [佚名 (2024). 中俄总理第二十九次定期会晤联合公报.]
- Xi J. (2025). Speech at the Meeting of Chinese and Russian Heads of State. [习近平 (2025). 在中俄元首会谈时的讲话.]

Информация об авторах:**Чен Эньфу**

Директор Института марксистских исследований Шанхайского университета финансов и экономики, председатель Всемирной ассоциации политической экономики, член Академии общественных наук КНР.

E-mail: winniewow@163.com

Дин Сяоцин

Исполнительный директор Института марксистских исследований Шанхайского университета финансов и экономики, генеральный секретарь Всемирной ассоциации политической экономики

E-mail: hpjjx@vip.163.com

Information about the authors:**Cheng Enfu**

Dean of the Academy of Marxism at Shanghai University of Finance and Economics, Chairman of the World Association for Political Economy (WAPE), Academician of the Chinese Academy of Social Sciences (CASS).

E-mail: winniewow@163.com

Ding Xiaoqin

Executive Dean of the Academy of Marxism at Shanghai University of Finance and Economics, Secretary-General of the World Association for Political Economy (WAPE).

E-mail: hpjjx@vip.163.com

DOI: 10.37930/2782-618X-2026-5-2-50-72

Ван Вэнь

Институт финансовых исследований «Чунъян» Китайского народного университета (Пекин, КНР)

Дунь Чжиган

Институт финансовых исследований «Чунъян» Китайского народного университета (Пекин, КНР)

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ЯДРО, ЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ИННОВАЦИИ НООНОМИКИ В ОПТИКЕ МОДЕРНИЗАЦИИ КИТАЙСКОГО ТИПА

Аннотация: В Докладе о работе правительства КНР в 2026 году впервые в перспективной постановке выдвинута задача «формировать новую форму интеллектуальной экономики». Данный крупный стратегический тезис обнаруживает глубокое логическое созвучие с теорией ноономики. Теория предполагает переход от «экономической рациональности» к «культурной рациональности», освобождение человека от материального производства и тем самым задает перспективную схему осмысления общественных форм постиндустриальной эпохи. В статье с макроуровневой позиции системно анализируется внутренняя логическая изоморфность ноономики и траектории модернизации китайского типа. Исследование показывает, что китайская стратегия всеохватывающего инновационного развития, теория производительных сил нового качества, курс на высокий уровень научно-технологической самостоятельности и установка на развитие, ориентированное на человека, глубоко резонируют с ключевыми положениями ноономики, включая знаниевую производительную силу, автономизацию техносферы и культурный сдвиг в структуре потребностей. Масштабные и институционализированные практики Китая в сферах интеллектуального производства, глобальной цифровой инфраструктуры, распределения национальных стратегических научно-технологических сил и культурно-креативной экономики не только образуют незаменимое пространство проверки ноономики, но и, опираясь на институциональные преимущества новой общегосударственной системы мобилизации ресурсов, существенно обогащают и превосходят ее исходные теоретические предпосылки в практическом измерении. На этой основе в статье предлагаются направления действия: создание базовой институциональной системы, совместимой с ноономикой, усиление прорывных технологических исследований, перестройка структуры человеческого капитала интеллектуального общества, продвижение интеллектуализации и культуризации социального управления, а также углубление китайско-российского теоретического и практического сотрудничества. Исследование нацелено на создание прочной научной и стратегической базы, способной помочь Китаю в период Пятнадцатой пятилетки и в более далекой перспективе вести мир к новому укладу интеллектуальной цивилизации.

Ключевые слова: новая форма интеллектуальной экономики; ноономика; модернизация китайского типа; производительные силы нового качества

Для цитирования: Ван В., Дунь Ч. (2026). Теоретическое ядро, логический анализ и практические инновации ноономики в оптике модернизации китайского типа // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте. Т. 5, № 2. С. 50–72. DOI: 10.37930/2782-618X-2026-5-2-50-72

Wang Wen

Chongyang Institute for Financial Studies, Renmin University of China (Beijing, PRC)

Dun Zhigang

Chongyang Institute for Financial Studies, Renmin University of China (Beijing, PRC)

THE THEORETICAL CORE, LOGICAL EXPLICATION, AND PRACTICAL INNOVATION OF NOONOMY FROM THE PERSPECTIVE OF CHINESE MODERNIZATION

Abstract: The 2026 Government Work Report forward-lookingly proposes to “build a new form of intelligent economy” for the first time, a major strategic proposition that demonstrates profound logical alignment with the theory of noonomy. This theory advocates a paradigm shift from “economic rationality” to “cultural rationality”, aiming to liberate humanity from traditional material production and providing a visionary framework for deconstructing social formations in the post-industrial era. Taking a macro perspective, this paper systematically analyzes the internal logical isomorphism between noonomy and the path of Chinese modernization. The study reveals that China’s holistic innovation-driven strategy, the theory of new quality productive forces, the system of high-level scientific and technological self-reliance, and the people-centered development philosophy resonate deeply with the core tenets of noonomy, including knowledge-led productive forces, the automation of the technosphere, and the cultural shift in needs. China’s scaled and institutionalized practices in areas such as intelligent manufacturing, super digital infrastructure, the allocation of national strategic scientific and technological forces, and the cultural creative economy not only provide an irreplaceable, grand testing ground for noonomy but also, relying on the institutional advantages of the “new whole-nation system,” greatly enrich and transcend its original theoretical presuppositions in the practical dimension. Based on this, the paper systematically proposes practical pathways: constructing an underlying institutional system adaptable to noonomy, strengthening breakthroughs in disruptive technologies, reshaping the human capital landscape of an intelligent society, promoting the intelligent and cultural transformation of social governance, and deepening Sino-Russian theoretical and practical cooperation. This research aims to provide solid academic backing and strategic support for China to lead the new paradigm of global intelligent civilization during the 15th Five-Year Plan period and into the longer-term future.

Keywords: new form of intelligent economy; noonomy; Chinese modernization; new quality productive forces.

For citation: Wang W., Dun Z. (2026). The Theoretical Core, Logical Explication, and Practical Innovation of Noonomy from the Perspective of Chinese Modernization. *Noonomy and Noosociety*.

Almanac of Scientific Works of the S. Y. Witte INID, Vol. 5, No. 2, pp. 50–72. DOI: 10.37930/2782-618X-2026-5-2-50-72

王文

中国人民大学重阳金融研究院 (中国, 北京)

敦志刚

中国人民大学重阳金融研究院 (中国, 北京)

从中国式现代化的视角看智慧型经济的理论核心、逻辑分析和创新实践

摘要: 在中国2026年政府工作报告中, 首次前瞻性地提出了打造智能经济新形态的任务。这一重大战略提议与智慧型经济理论具有深刻的逻辑共鸣。智慧型经济理论主张从“经济理性”向“文化理性”转变, 使人类从物质生产中脱离出来, 这为理解后工业时代的社会形态提供了远景框架。本文从宏观层面系统分析了智慧型经济理论与中国式现代化轨迹之间的内在逻辑同构性。研究表明, 中国的全面创新发展战略、新质生产力理论、实现高水平科技自主的方针以及以人为本的发展理念, 与智慧型经济理论的核心观点, 包括知识生产力、技术圈自主化以及需求结构的文化转变, 深度共鸣。中国在知识生产、全球数字基础设施、国家战略科技力量布局以及文化创意经济等领域的大规模制度化实践, 不仅构成了检验智慧型经济理论不可或缺的实践空间, 而且依托于新的全国性资源动员体系所具备的制度优势, 在实践层面显著丰富并超越了该理论的最初前提。在此基础上, 本文提出了以下行动方向: 建立与智慧型经济相兼容的基础制度体系, 加强突破性技术研究, 重构知识型社会的人力资本结构, 推进社会治理的智能化并提高其文化水准, 以及深化中俄在理论与实践层面的合作。本研究旨在构建坚实的科学和战略基础, 以助力中国在“十五五”期间及更长远未来的发展, 引领世界迈向智慧文明的新格局。

关键词: 智能经济新形态、智慧型经济、中国式现代化、新质生产力。

引用注释: 王文、敦志刚 (2026). 从中国式现代化的视角看智慧型经济的理论核心、逻辑分析和创新实践//智慧经济与智慧社会. 维捷新兴工业发展研究所论文选, Vol. 5, No. 2, pp. 50–72. DOI: 10.37930/2782-618X-2026-5-2-50-72

I. Введение

В Докладе о работе правительства КНР в 2026 году впервые в дальновидной постановке была выдвинута задача «формировать новую форму интеллектуальной экономики», что знаменует решающий шаг интеллектуальных технологий в перестройке глубинной логики и макроструктуры китайской экономики. Как экономический уклад нового поколения, новая форма интеллектуальной экономики опирается на искусственный интеллект как на главный двигатель, на данные как на ключевой фактор и на тотальную интеллектуализацию как на базовый признак; по существу она выражает неизбежный переход инициативы «AI+» от локального технологического наделения функциями к системной перестройке экосистем. Ее содержание охватывает три измерения: индустриализацию интеллектуальных технологий, интеллектуализацию реальной экономики и системное оформление интеллектуальной экосистемы. В своей сути речь идет о всеобъемлющей реконструкции про-

цессов производства, распределения, обмена и потребления средствами искусственного интеллекта. Данная стратегическая установка созвучна системному планированию, закрепленному в «Предложениях по разработке пятнадцатого пятилетнего плана национального экономического и социального развития», принятых четвертым пленумом ЦК Коммунистической партии Китая 20-го созыва, где акцент сделан на развитии производительных сил нового качества и научно-технологической самостоятельности высокого уровня. Макрополитическая траектория ясно показывает, что модель развития Китая переживает глубокий переход от опоры на факторы производства и инвестиции к всеохватывающему инновационному росту. Такая логика развития, ведомая инновациями и высокими технологиями, на глубинном теоретическом уровне в высокой степени совпадает с ноономикой, которую передовая экономическая мысль описывает через знаниевое доминирование и интеллектуальный драйвер.

Осмысление дальних горизонтов новой формы интеллектуальной экономики требует глубокого анализа теоретического ядра ноономики [Bodrunov S., 2023]. Теория ноономики, предложенная российским экономистом Сергеем Бодруновым, дает проницательную аналитическую схему для понимания того, как современная научно-технологическая революция меняет общественные формы. Сегодня шестой технологический уклад, основанный на конвергенции NBIC-технологий (нано-, био-, информационных и когнитивных), побуждает человечество к историческому переходу от традиционной индустриальной цивилизации к новой интеллектуальной цивилизации. Ноономика творчески наследует и развивает марксову идею перехода от «царства необходимости» к «царству свободы», убедительно показывая, что в условиях высокой интеллектуализации и автоматизации производительных сил глубинная логика хозяйственной жизни радикально меняется: традиционная «экономическая рациональность» уступает место «культурной рациональности», где «разум» (*noos*) направляет и переоформляет «закон» (*nomos*). В таком укладе накопление материального богатства перестает быть конечной целью, а человек постепенно освобождается от тяжелого материального труда и переходит к деятельности, в центре которой стоят создание знания, культурная ценность и духовные потребности. Поэтому ноономика выступает не только как проекция экономической формы, возникающей на базе высокоразвитых интеллектуальных технологий, но и как предельный ценностный ориентир, задающий движение новой формы интеллектуальной экономики от зависимости от вещей к всестороннему освобождению человека.

При всей эпохальности данного цивилизационного сдвига академическая литература уже накопила значительный массив работ по таким предметным направлениям, как производительные силы нового качества и инновационное развитие, однако глубокая качественная связь между перспективной теорией ноономики и формированием новой формы интеллектуальной экономики в условиях модернизации китайского типа по-прежнему не получила системного теоретического раскрытия и логического анализа. В существующих исследованиях пока не прояснено, в каких пределах теория ноономики способна точно объяснять китайскую траекторию развития, и не показано, каким образом передовая китайская практика создания новой формы интеллектуальной экономики проверяет, обогащает и даже превосходит исходные предпосылки данной теории на микро- и макроуровнях. По этой причине углубленное изучение ноономики обладает незаменимой научной и практической ценностью для корректной оценки и продвижения качественного развития

новой формы интеллектуальной экономики. Настоящая работа, исходя из широкого горизонта модернизации китайского типа, системно раскрывает теоретическое ядро и логику функционирования ноономики, а также выявляет ее внутренние точки сопряжения с китайской инновационной стратегией. Тем самым восполняется теоретический пробел и формируется научная опора для выработки китайской стратегии развития новой формы интеллектуальной экономики, ориентированной на будущее.

II. Теоретическое содержание, философские основания, структурная логика и механизм функционирования ноономики

Ноономика как теоретическая схема, описывающая форму постиндустриальной цивилизации, не сводится к коррекции существующей экономической модели. Речь идет о глубокой смене парадигмы. Данная концепция укоренена в диалектическом наследовании классического марксизма и во внимательном осмыслении тенденций современной научно-технологической эволюции; на этой основе выстраивается новая логика общественного устройства, в которой центральное место занимает не капитал, а знание.

2.1. Понятийное определение ноономики и ее методологическая база

Термин «ноономика» образован соединением греческих слов *noos* («разум») и *nomos* («правило», «закон») и обозначает новую общественную форму, в которой определяющую роль играет человеческий разум. Бодрунов соединяет данные корни, подчеркивая, что речь идет о способе общественной организации, основанном на «законах разума» и противопоставленном традиционной «экономике», подчиненной «законам экологии», то есть дефициту ресурсов и конкуренции. Следовательно, сущность ноономики состоит в «неэкономическом способе удовлетворения разумных потребностей». Ее логика уже не ориентирована на максимизацию материального богатства, а строится по стандартам рациональности, задаваемым прогрессом знания и культурным развитием. В ноономике знание и творчество выступают главным ресурсом, создание стоимости перестает зависеть прежде всего от материального расхода и капитальных вложений и все в большей степени опирается на производство и применение нового знания, а также на раскрытие человеческого творческого потенциала. В центре находится неэкономический уклад производства и жизни, направленный на знание, творчество и культурные потребности. Теоретическая предпосылка состоит в следующем: когда техническая система сможет автономно выполнять материальное производство, человек выйдет из сферы материального труда и сосредоточит силы на творческой и интеллектуальной активности, в результате чего возникнет новый социальный уклад, организованный вокруг предложения знания и культурного спроса. Методологическая база теории строится на исследовании тенденций современной науки и техники и вызванных ими социальных перемен. Через анализ взаимосвязей между технологией, обществом и человеком она задает модель и причинную цепь перехода к новой общественной структуре.

2.2. Теоретический вклад Бодрунова в ноономику

Главный вклад Бодрунова в теорию ноономики, как ее автора, можно свести к трем положениям. Во-первых, он предложил нормативную схему перехода к «постэкономической» цивилизации. Бодрунов трактует ноономику как институциональный порядок, в котором

общественное развитие направляется «разумом» и «культурной рациональностью»; экономическая система перестает считать максимизацию прибыли высшей целью и переходит к гуманистическому общественному порядку, сосредоточенному на развитии человека, творческой самореализации и общественном благосостоянии. Во-вторых, через переходный механизм «ННО.2 → ноономика» он объясняет скачок общественной формы под воздействием технологической революции. Бодрунов описывает структурный маршрут от Нового индустриального общества второго поколения (ННО.2) [Bodrunov S., 2025] к ноономике и показывает, как конвергенция NBIC(S)-технологий через автоматизацию, интеллектуализацию и рост знаниеемкости перестраивает производственную систему: материальное производство отходит на задний план, а человеческий труд смещается от непосредственного изготовления к постановке целей, творческой деятельности и общественному взаимодействию. Данный механизм соотносится с логикой технологического воздействия через замещение и порождение задач: «эффект замещения» вследствие автоматизации и «эффект перераспределения» через появление новых задач совместно определяют историческую точку перелома в форме труда. В-третьих, Бодрунов связывает технологические циклы и институциональный выбор с программой практической трансформации. В теории ноономики технологическая революция понимается как длительное структурное изменение, при котором институциональное предложение, государственные инвестиции и социальные механизмы должны переводить технологические дивиденды в траекторию всеобщего развития. Здесь заметно созвучие с подходами, связывающими технологические революции, финансовые структуры и «золотые эпохи» через согласованное управление.

2.3. Философские и цивилизационные основания ноономики

Теория ноономики наследует марксово размышление о конечной цели общественного развития. В «Капитале» и других трудах Маркс предвосхищал момент, когда при высоком уровне развития производительных сил человечество превзойдет «царство необходимости» и войдет в «царство свободы», где «царство свободы в действительности начинается лишь тогда, когда прекращается труд, задаваемый нуждой и внешней целесообразностью». В таком состоянии сама деятельность человека становится целью, а не средством выживания. Ноономика выступает современной трактовкой данного «царства свободы» и пытается ответить на вопрос, каким образом следует перестроить общественную структуру после того, как цифровые и интеллектуальные технологии полностью преобразуют способ производства и сделают реальным освобождение человека. Когда интеллектуальные технологии обеспечивают колоссальное изобилие материальных продуктов и производство с почти нулевыми предельными издержками, социальные отношения перестают строиться вокруг материального присвоения и ориентируются на развитие человека. Кроме того, теория усваивает идеи ноосферы у Тейяра де Шардена и Владимира Вернадского. Уже в первой половине XX века Вернадский и его современники полагали, что человеческий разум превращается в решающую силу, меняющую облик Земли, и что общество вступает в эпоху ноосферы, где природа организуется мыслью. Ноономика развивает данную линию и утверждает, что человеческий разум должен преобразовывать не только природу, но и направлять и удерживать под контролем созданную техникой техносферу, подчиняя ее культурным и духовным целям человека, а не слепой экспансии материального роста. Следовательно, ноономика есть проект цивилизационной формы, внутренним ядром которой

служат культурные и интеллектуальные ценности человечества, а экономическое развитие подчиняется обогащению и возвышению духовного мира человека, а не бесконечной гонке потребления.

2.4. Технологически обусловленный переход общественной формы: от Нового индустриального общества (ННО.2) к ноономике

Теория ноономики рассматривает современное общество как промежуточное звено перехода от Нового индустриального общества второго поколения» (ННО.2) к цивилизации разума. ННО.2 обозначает новую индустриальную стадию, отличающуюся знаниеемким производством: производственный процесс здесь в высокой степени опирается на научное знание и информационные технологии, а объем знания, заключенный в единице продукции, резко возрастает. На стадии ННО.2 знание уже вытесняет традиционные факторы и становится главным источником роста, а роль человека меняется: он перестает быть придатком машины и выступает наблюдателем и управляющим процесса. Цель данной стадии состоит в диалектическом снятии позднеиндустриальной системы и постиндустриальных тенденций.

Однако ноономика идет дальше ННО.2. Ее идеальное состояние предполагает «двойную систему»: с одной стороны, высокоавтономная техническая система, опирающаяся на NBICS-технологии (нано-, био-, информационные, когнитивные и социальные технологии), берет на себя основную часть функций материального производства; шестой технологический уклад, построенный на интеграции NBICS, уже создал достаточные условия для перехода к разумно организованному производству. С другой стороны, «социальная система», образованная людьми, задает ценностные цели и формулирует творческие идеи, направляющие работу технической системы. По мере углубления конвергенции NBICS автономность технической системы в рамках шестого технологического уклада возрастает, а зависимость производства от непосредственного человеческого труда заметно снижается. Ноономика предвидит точку перелома, при которой знаниеемкое автоматизированное производство полностью созревает, и общественная форма окончательно переходит от индустриальной логики к логике разума: развитие больше не строится вокруг материального выпуска и переносит центр тяжести на порождение и предложение знания, что означает радикальный переход от индустриальной цивилизации к цивилизации разума. Ключевым признаком такого перехода служит окончательное отделение техносферы от человеческого общества, когда производственный процесс достигает степени автоматизации, почти не нуждающейся в участии человека. Тогда главным занятием общества станет не организация производства, а овладение абсолютным, то есть всеобщим, знанием, что и ознаменует полноценное вступление в эпоху ноономики.

2.5. Основные характеристики ноономики и логика ее функционирования

Ноономика, как форма будущей цивилизации, обладает чертами и логикой, резко отличающимися от традиционной экономической парадигмы.

Во-первых, происходит дематериализация производства. Масштаб материального производства и его удельный вес в общественно-экономической жизни относительно снижаются, тогда как доминирующее положение занимают знания, информация, креатив и другие «нематериальные продукты». Научно-технический прогресс делает возможным автоматизированное «безлюдное производство», человек перестает непосредственно уча-

ствовать в изготовлении большей части материальных благ, а предложение продукции обеспечивается технической системой автоматически при существенно меньших затратах и ресурсном расходе. В результате материальное богатство перестает быть дефицитным, а экономический рост более не измеряется объемом материального выпуска.

Во-вторых, труд утрачивает экономическую форму. После выхода человека из сферы непосредственного материального производства классический «оплачиваемый труд» перестает быть основой общественного устройства. Трудовая активность все в большей степени принимает форму творческой, исследовательской и заботливой деятельности, а не средства заработка. Граница между трудом и жизнью постепенно размывается, «работа» уже не воспринимается как обязанность, навязанная экономической необходимостью, а становится свободным выбором самореализации. Вслед за этим ослабевают традиционные производственные отношения, основанные на найме и вознаграждении, а связи между людьми все чаще строятся через кооперативные сообщества и инновационные сети.

В-третьих, происходит декапитализация отношений. По мере ослабления материальной нехватки собственность утрачивает центральное место в общественных связях. Широко распространяются модели распределения ресурсов по принципу «пользоваться без обладания», бурно развиваются совместное потребление и арендная экономика, а право собственности отделяется от права пользования. Владение богатством перестает быть главным источником социального статуса, а механизмы перераспределения все сильнее ориентируются на совместное пользование и всеобщий доступ. Экономические отношения членов общества становятся менее жесткими и менее определенными. Одновременно падает острота рыночной конкуренции, а кооперация и совместное использование выдвигаются на место новой ценностной ориентации.

В-четвертых, потребности приобретают культурный характер. В ноономике структура потребностей смещается от материального к культурному. Когда базовые материальные нужды удовлетворены в достаточной мере, главным противоречием становятся стремление к качеству жизни и духовному развитию. Сферы образования, искусства, развлечений и философского поиска, отвечающие на запросы интеллектуальной цивилизации, выходят в центр хозяйственной активности. Потребление более не считается конечной целью роста, а становится средством самораскрытия и движения к хорошей жизни. Система общественной оценки также переходит от узко экономических показателей к индикаторам, учитывающим культурный уровень и творческий вклад. В качестве основных критериев общественного прогресса предлагается использовать индекс человеческого развития, национальные индексы инноваций и культурного развития вместо темпов роста ВВП.

В итоге ноономика разрушает экономическую парадигму индустриальной эпохи и заново выстраивает производственные отношения и систему социальных ценностей на основе знания и мудрости. Логика ее функционирования выражается в двойном приводе: автоматизированное производство в технической системе плюс культурное целеполагание в социальной системе. С одной стороны, высокоинтеллектуальная техническая система эффективно действует в фоновом режиме и непрерывно производит товары и услуги, удовлетворяющие человеческие потребности. С другой стороны, человеческое общество через демократическое участие и культурное лидерство определяет направление и цели применения технологий, добиваясь того, чтобы научно-технический прогресс работал на всестороннее развитие человека, а не превращался в силу, обращенную против него.

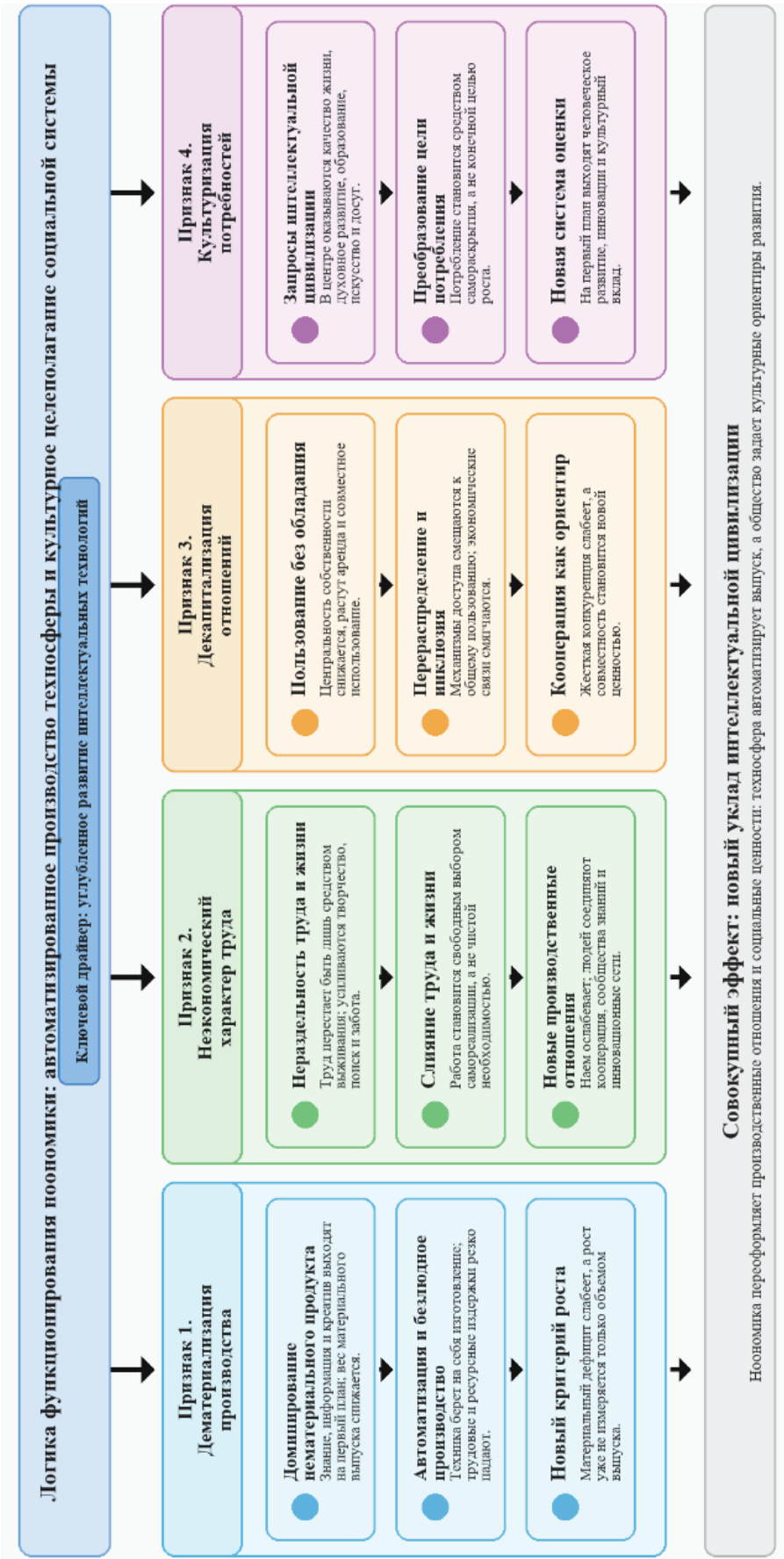

Рис. 1. Основные характеристики и логика функционирования ноономики

III. Международное влияние теории ноономики и ее точки сопряжения со стратегией развития Китая

3.1. Влияние теории ноономики

Теория ноономики, предложенная Бодруновым, является не только теоретическим замыслом будущей общественной формы, но и постепенно превращается в аналитическую схему, соединяющую технологический скачок, институциональный выбор и переопределение целей развития. В силу этого она заметно влияет и на международную повестку развития, и на стратегический нарратив модернизации китайского типа.

3.1.1. На международном уровне теория продвигает исследовательскую повестку «технологическая революция – цивилизационная трансформация», переводя дискуссию из внутренних споров экономической науки в плоскость междисциплинарной перестройки парадигмы. Бодрунов определяет ноономику как «неэкономический порядок производства и распределения». Ключевой эффект состоит в том, что цифровизация, когнитивизация и переписывание общественных ценностных целей увязываются в единую схему. В такой перспективе технический прогресс перестает трактоваться только как проблема производительности и включается в объяснение перехода общественной формы, побуждая политическую экономию, исследования науки и техники и изучение проблем развития к диалогу вокруг цепочки «относительная автономизация технической системы – постановка человеческих целей – возвращение культурной рациональности». Одновременно стадийная схема «НИО.2 → ноономика» задает ясную логику перехода от интеллектуализации и роста знаниеемкости индустриальной системы к институциональной реконструкции общества, предлагая международному академическому сообществу проверяемый мезоуровневый нарратив и усиливая практическую применимость ноономики как интегральной теории «технология – институты – ценности».

3.1.2. На теоретическом уровне ноономика дает нормативный ориентир для «направляющего управления инновациями» и переоформляет легитимационную логику промышленной политики и технологического управления. Важнейшее воздействие на международные политические дискуссии состоит в том, что выбор направления инноваций перестает рассматриваться как простой инструмент отраслевой конкуренции и поднимается до уровня выбора цивилизационных целей. Исходя из общественного благосостояния, всестороннего развития человека и общественной воспроизводимости, переопределяется роль государства в технологической диффузии, предоставлении общественных благ и институциональных нововведениях. Такой подход созвучен логике инновационной политики, ориентированной на миссии, где управление строится вокруг постановки направления и совместного создания рынков. Когда технологическая революция вступает в фазу высокой неопределенности, сильных внешних эффектов и глубокой зависимости от траектории, политика не может ограничиваться «ремонтom рынка»; ей требуется через задачи, согласованные инвестиции и институциональное предложение формировать технологически-промышленную траекторию. Кроме того, ноономика подчеркивает, что автоматизация и интеллектуализация радикально переписывают структуру труда, а значит, напрямую перекликается с классической схемой «эффект замещения – эффект перераспределения через новые задачи» и дает механизм для обоснования того, как технологический дивиденд превращать в социальный.

3.1.3. В китайском измерении ноономика дает теоретическое зеркало для стратегической связки «инновационный драйвер – производительные силы нового качества – на-

учно-технологическая самостоятельность» и в условиях усиления внешних ограничений укрепляет интеграцию дискурса. Ее воздействие в китайском контексте, прежде всего, проявляется как концептуальная изоморфность: положения о знаниевом доминировании, интеллектуальном драйвере и ценностном повороте тесно совпадают с китайским политическим акцентом нового этапа, где усиливается внимание к научно-технологической самостоятельности, передовому производству и стратегическим новым отраслям. На фоне ужесточения внешних технологических ограничений заметно вырос удельный вес тематики «технологической самостоятельности» в политических и общественных дискуссиях Китая, что создало реальную почву для восприятия таких ноономических положений, как автономность технологической системы, институциональные гарантии и переопределение общественных целей. Еще важнее то, что институциональная мобилизационная способность Китая и его глобальный рынок образуют наблюдаемое «пространство институционального эксперимента» для ноономики: строительство национальных стратегических научно-технологических сил, координированные атаки на узкие места производственных цепочек и общественный характер цифровой инфраструктуры придают обсуждению перехода от нормативного видения к реализуемой траектории прочную эмпирическую основу и одновременно создают для международного распространения ноономики китайские «механические доказательства».

3.2. Точки сопряжения ноономики со стратегией развития Китая

В последние годы китайское академическое и экспертное сообщество приступило к системному введению понятия «ноономика», включая его через переводы, публикации и дискуссии в исследовательскую повестку модернизации китайского типа и производительных сил нового качества. Институт финансовых исследований «Чунъян» Китайского народного университета, опираясь на свои возможности по организации повестки и международной академической коммуникации, продвигал в Китае китайские переводы работ российского экономиста Сергея Бодрунова «Ноономика» [Bodrunov, 2023] и «Стратегирование трансформации общества: знание, технологии, ноономика» [Bodrunov, Kvint, 2025]. Благодаря этому ноономика вышла за пределы простого знакомства с понятием и стала обсуждаемой теоретической схемой и языком политики. Такое продвижение не только повысило видимость термина внутри страны, но и создало важную теоретическую основу для его сопряжения с темами инновационного развития, производительных сил нового качества, научно-технологической самостоятельности и модернизации китайского типа.

3.3. Стратегия инновационного развития и ноономическая идея «знаниево-доминирующего производства»

В центре теории ноономики находится утверждение абсолютного доминирования знания в системе производительных сил. Этому полностью соответствует сформулированный Си Цзиньпином тезис о том, что «инновации являются первой движущей силой развития», который обозначил принципиальный поворот китайской модели от факторного роста к росту, основанному на знании и новаторстве. Данная стратегическая идея на глубинном уровне совпадает с ноономическими положениями о том, что знание определяет потребительские характеристики и технические параметры продукта и что в дви-

жении к новому этапу научно-технического прогресса именно знание выступает самым значимым фактором. Существенно и то, что Китай не ограничился признанием инноваций в идейной сфере, а создал для знаниево-доминирующей производительной силы мощный практический носитель через институциональные решения вроде «совершенствования новой общегосударственной системы мобилизации ресурсов» и укрепления национальных стратегических научно-технологических сил. Государственные ключевые лаборатории, крупные научно-технические инфраструктуры, исследовательские университеты высокого уровня и технологические лидеры промышленности совместно образуют китайскую систему национальных стратегических научно-технологических сил, задача которой состоит в организованном и системном создании знания и прорывах под национальный стратегический запрос. Такая стратегия, проводимая государственной волей и сосредоточенная на первоисточниках инноваций, и есть фундаментальная работа, без которой ноономика не может перейти из теории в реальность. С точки зрения ноономики, в будущем знание станет главным фактором производства, а рост будет опираться на инновацию и распространение знания. Китайская практика движется именно в данную сторону: доля расходов на НИОКР в ВВП уже приблизилась к 2,7 процента, превысив средний уровень ЕС и приблизившись к среднему уровню стран ОЭСР; накопленные действующие патенты на изобретения и выпуск научных статей занимают передовые позиции в мире. Все это показывает, что Китай формирует новый двигатель развития, в котором ведущее место принадлежит знаниевой инновации, и тем самым совпадает с ноономическим тезисом о решающей роли знаниевой производительной силы. Дополнительно Китай сознательно выращивает инновационную культуру и совершенствует инновационную экосистему, поощряя массовое предпринимательство и массовое новаторство, а также выстраивая синергию между кадрами, исследованиями и промышленностью, что также соответствует требованию ноономики сделать знание главным двигателем экономической активности.

3.4. Формирование производительных сил нового качества и соответствие ноономическому «переходу технологической системы»

Возникновение ноономики опирается на поддержку новых технологических систем и понимается как ключевой переход от экономики материальных ресурсов к экономике знания. В 2023 году Си Цзиньпин предложил оригинальное понятие «производительные силы нового качества», раскрыв тем самым качественный перелом в развитии современных производительных сил. Производительные силы нового качества рождаются из революционных технологических прорывов, инновационной конфигурации факторов производства и глубокой модернизации промышленности. Их отличает инновационность, их ключевое свойство состоит в высоком качестве, а их сущность равна передовой производительной силе. Такое понимание тесно соответствует ноономическому описанию перехода от традиционного индустриального общества к Новому индустриальному обществу второго поколения (ННО.2). В центре ННО.2 находится знаниеемкое материальное производство, где растет информационная составляющая, сокращается доля материальной компоненты, а производственный процесс приобретает гибкость и интеллектуальность. Одновременно предложения к Пятнадцатой пятилетке призывают «вести развитие производительных сил нового качества» и «непрерывно порождать производительные силы

нового качества», тем самым выдвигая их на еще более заметное стратегическое место. По существу, речь идет о новом поколении технологических систем, в центре которых стоят цифровые и зеленые технологии. Сегодня Китай активно продвигает развитие передовых направлений, включая искусственный интеллект, квантовую информацию, интернет вещей и биотехнологии, осуществляет программу «новой инфраструктуры» и в крупном масштабе строит сети 5G, промышленный интернет, центры обработки данных и платформы искусственного интеллекта. Все это прямо совпадает с ноономическим положением о том, что конвергенция NBICS-технологий служит движущей силой преобразования общественной формы. Ноономика особо подчеркивает, что именно NBIC(S)-конвергенция запускает смену производственной парадигмы. Китайская практика технологического скачка по многим параметрам находится в авангарде мира: к концу 2025 года в стране было построено свыше 1,15 млн базовых станций 5G, что превышает 70 процентов мирового объема и образует самую крупную и технически наиболее развитую сеть независимого развертывания 5G; спутниковая навигационная система «Бэйдоу» полностью введена в эксплуатацию и создала автономную систему пространственно-информационных технологий; такие проекты, как «Восточные данные – западные вычисления», запущены для оптимизации общенационального распределения вычислительных и информационных ресурсов. Данные меры создают основу для перехода технологической системы и позволяют Китаю раньше других войти в стадию нового индустриального общества НИО.2, где доминируют знаниеемкость и интеллектуальный драйвер. В этом смысле производительные силы нового качества выступают точным китайским определением формы производительных сил на стадии НИО.2 и служат ориентиром для практики. Активное развитие стратегических новых отраслей и индустрий будущего преследует цель построить инфраструктуру техносферы, поддерживающую общественную форму следующего поколения и создающую прочную материально-техническую основу для более высокого перехода к ноономике.

3.5. Создание системы самостоятельных инноваций и ее согласование с ноономическим акцентом на «технологической независимости»

Теория ноономики предполагает, что по мере развития технологий возникнет сравнительно самостоятельная техносфера, способная работать в режиме самофункционирования, тогда как человеческое общество выйдет из сферы непосредственного производства и возьмет на себя роль наблюдателя и управляющего. Относительная автономия такой техносферы требует, чтобы ее базовые технологии и ключевые системы были независимыми и контролируруемыми. Данный тезис полностью созвучен проводимой Китаем стратегии высокого уровня научно-технологической самостоятельности. В этом отношении китайское строительство системы самостоятельных инноваций полностью совпадает с ноономической идеей. Столкнувшись с международными технологическими блоками и вызовами безопасности цепочек поставок, Китай последовательно идет по пути самостоятельных инноваций, осуществляя проекты прорыва по ключевым технологиям в таких сферах, как передовые чипы, промышленное программное обеспечение, авиационные двигатели и новые материалы. Си Цзиньпин не раз подчеркивал, что критически важные технологии являются тяжелым государственным оружием и должны твердо находиться в собственных руках страны: «ключевые базовые технологии нельзя выпросить, нельзя купить и нельзя

получить в подарок»; «в инновациях не следует спрашивать о происхождении, главным остается вклад в страну». Ноономика требует, чтобы судьбоносные технологии находились под самостоятельным национальным контролем и служили благополучию народа, не ставя страну в зависимое положение. Сегодня Китай уже полностью овладел технологиями 5G, высокоскоростных железных дорог, ядерной энергетики и космоса; непрерывно появляются знаковые результаты вроде марсианской миссии «Тяньвэнь» и прототипа квантового компьютера «Цзючжан». Работы по дополнению, укреплению и удлинению цепочек в ключевых сферах – от передовых чипов и операционных систем до промышленного программного обеспечения и биоселекции – объективно создают базу для формирования независимой, полной и устойчивой «китайской техносферы». Все это отражает решимость и реальные результаты Китая в построении автономной и контролируемой инновационной системы и в высокой степени совпадает с ноономическим требованием «технологической независимости». По мере дальнейших прорывов в узких местах китайская система самостоятельных инноваций будет давать ноономике мощную и независимую технологическую опору.

3.6. Строительство «Цифрового Китая» и его соответствие ноономическому «когнитивизированному производству»

Производственный способ в ноономике описывается как «когнитивизированное производство», при котором автоматизированное изготовление и интеллектуальное принятие решений обеспечиваются системами на базе искусственного интеллекта и больших данных. Продвигаемые в Китае проекты «Цифрового Китая» и интеллектуального общества как раз и выступают важной практикой движения к такому типу производства. С одной стороны, в стране уже создана крупнейшая в мире цифровая инфраструктура, технологически находящаяся в передовом положении: сети 5G, центры обработки данных и вычислительные сети служат физическим носителем для генерации, движения и обработки огромных массивов данных. В период Четырнадцатой пятилетки масштаб и качество отраслей киберпространства продолжали расти, а добавленная стоимость базовых отраслей цифровой экономики в ВВП поднялась с 7,8 до 10,4 процента. В 2024 году общий объем производства данных в Китае увеличился на 25 процентов по сравнению с предыдущим годом, а число базовых станций 5G достигло 4,251 млн. Государство активно использует большие данные и облачные вычисления для укрепления управленческой способности; по всей стране развиваются «цифровое правительство» и «умные города», постепенно внедряются такие сценарии, как городские мозговые центры, беспилотное вождение и интеллектуальная медицина. Данные факты показывают, что Китай уже добился заметного прогресса в когнитивизации производства и управления и движется в направлении, которое в высокой степени совпадает с видением ноономики. С другой стороны, Китай активно исследует реформу рыночного распределения факторов данных, утвердив данные как новый фактор производства наряду с землей, трудом, капиталом и технологиями и выстраивая институты прав собственности на данные, их оборота, торговли и безопасности. Данные практики полностью соответствуют ноономическому пониманию центральной роли информационных и когнитивных технологий в будущем производстве и представляют собой крупный социальный эксперимент по превращению «управления знанием» в реальную производительную силу.

3.7. Ценностная ориентация модернизации китайского типа и ее созвучие с ноономической «культурной рациональностью»

Ноономика стремится к культурной рациональности, превосходящей материалистическую установку, сосредоточивается на всестороннем развитии человека и общем благе и подчеркивает необходимость «отказаться от социальных различий, связанных с богатством, и направить соперничество в сферу духовного развития и самосовершенствования», чтобы в итоге обеспечить всестороннее развитие человека. Данная ценностная линия напрямую совпадает с ориентацией модернизации китайского типа. Китайская модернизация определяется как модернизация общего процветания для всего народа, как модернизация согласованного развития материальной и духовной цивилизации, как модернизация гармоничного сосуществования человека и природы. Во всех этих формулировках преодевается утилитаризм, ориентированный только на ВВП, и отчетливо проявляется культурная рациональность. В самой своей основе такой подход выходит за пределы западной модели модернизации, сосредоточенной на капитале, и устанавливает в качестве базовой позиции развитие, ориентированное на человека. И политика общего процветания, направленная на сокращение различий между городом и деревней, регионами и доходными группами, и развитие передовой социалистической культуры ради удовлетворения растущих духовно-культурных запросов народа, и включение экологической цивилизации во весь процесс социально-экономического развития свидетельствуют о преодолении узкой ориентации на экономический рост. Ноономика, в свою очередь, призывает делать целью удовлетворение «потребностей высокого уровня», включая индивидуальное развитие, культурное творчество и социальную заботу. Такое ценностное устремление, где в центре находятся человеческое благополучие, социальная справедливость и долговечность цивилизации, внутренне созвучно ноономическим «неэкономическим» целям и «культурной рациональности» и совместно указывает на более человекоориентированную и более гармоничную форму общества будущего.

IV. Как китайские практические инновации обогащают и превосходят теорию ноономики

Китай является не только «верификатором» ноономики, но и соучастником ее дальнейшей теоретической эволюции.

4.1. «Китайский путь» интеллектуального производства: масштабная практика, выходящая за пределы Industry 4.0

Теория ноономики показывает, что на стадии НИО.2 способ производства будет смещаться в сторону знаниеемкости, а человек превратится из придатка машины в контролера процесса. Китайская практика интеллектуального производства, благодаря своим поразительным масштабам и темпу, превратила данное теоретическое предположение в крупную реальность. К 2024 году уровень распространения цифровых инструментов НИОКР и проектирования среди промышленных предприятий выше установленного масштаба достиг 84,1 процента, а коэффициент числового управления ключевыми производственными операциями составил 66,4 процента. Речь идет уже не о локальной автоматизации отдельных предприятий, а о целостном подъеме всей промышленной системы. От «безлюдных фабрик» и «темных фабрик» до гибкого производства и цифровых двойников – технологии, которые прежде считались

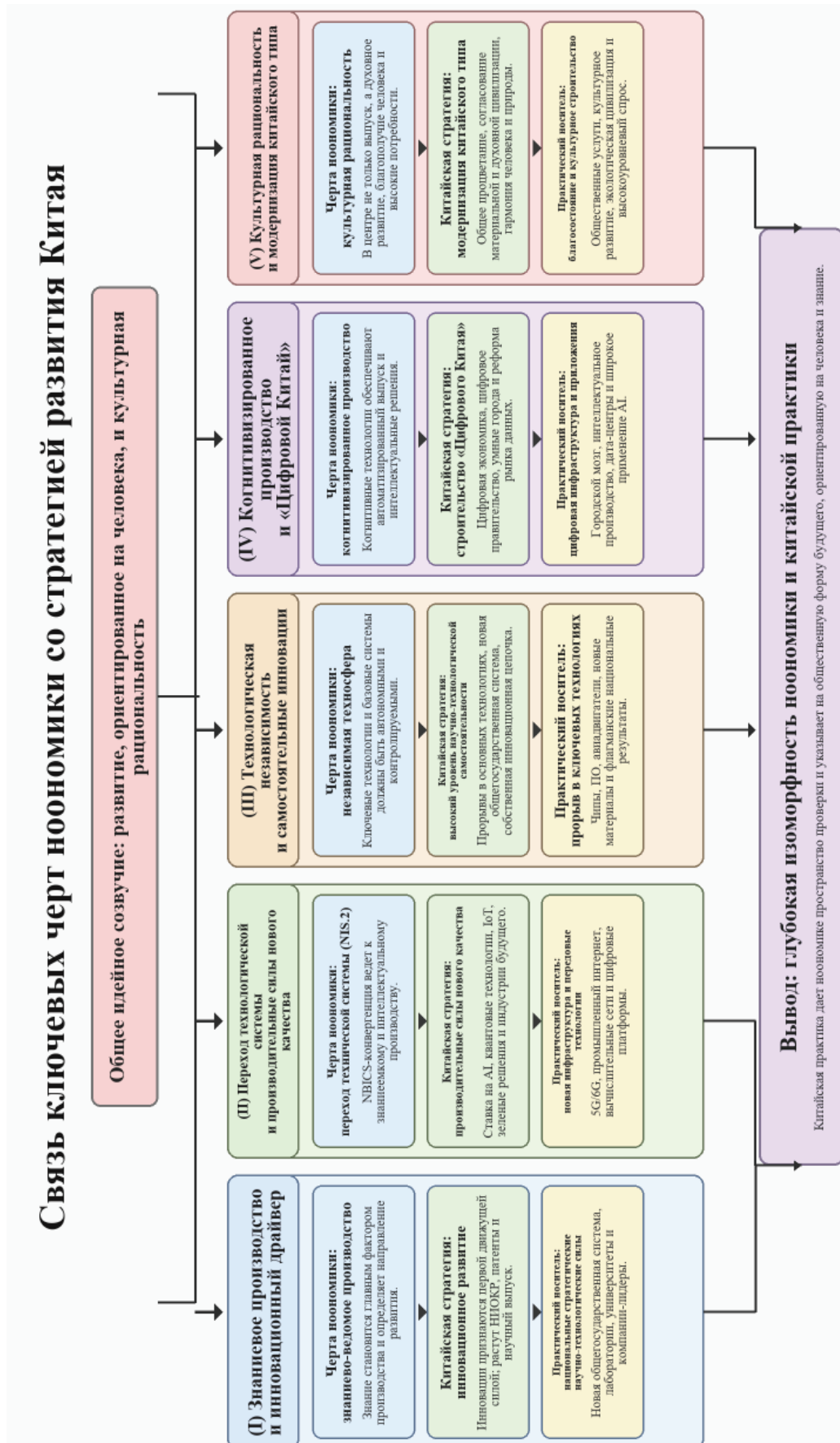

Рис. 2. Соотношение ноономики и стратегии развития Китая

передовыми концептами, в Китае получили масштабное промышленное внедрение на базе огромной производственной системы. В отличие от развитых западных стран, где чаще преобладают единичные демонстрационные проекты, китайский путь интеллектуального производства отличается опорой на общегосударственную систему и на массовое тиражирование. В сфере промышленной робототехники в период Четырнадцатой пятилетки Китай поддержал 46 городов в проведении пилотных проектов по новому технологическому преобразованию, построил свыше 230 интеллектуальных фабрик высшего уровня и 1260 фабрик 5G, а доля новых установок промышленных роботов превысила 50 процентов мирового объема, что больше совокупного показателя США и Европы. Плотное внедрение роботов резко сократило численность рабочих на конвейерах, а прямые трудовые затраты на многих предприятиях за десять лет снизились более чем наполовину. Такая масштабная и системная практика интеллектуального производства уже выходит за рамки исходного образца Industry 4.0, ускоряя технологические итерации и удешевление, а также предварительно выявляя контуры производственной системы, в которой зависимость от труда ослаблена в ноономическом смысле. Китайский опыт показывает, что в глобальной экономике стратегически направляемая государством интеллектуализация промышленности способна создавать уникальное системное преимущество, выходящее за пределы немецкой модели «Индустрии 4.0».

4.2. Строительство глобальной цифровой инфраструктуры как опережающий фундамент для ноономики

Реализация ноономики невозможна без прочной информационной инфраструктуры и массивных ресурсов данных. Глобальная цифровая инфраструктура, которую Китай целенаправленно строит в последние годы, уже находится на мировом переднем крае и создает стартовое преимущество для будущей интеллектуальной экономики. Во-первых, в сфере сетей связи Китай создал крупнейшие в мире волоконно-оптическую и мобильную сети, число пользователей мобильной связи 5G превысило 1,1 млрд, а число абонентов фиксированного широкополосного доступа со скоростью 1 Гбит/с и выше – 230 млн домохозяйств. Высокоскоростная и повсеместная связность образует «цифровую магистраль» для интеллектуальной трансформации всех отраслей. Во-вторых, в сфере пространственной информации и навигации глобально функционирует китайская спутниковая система «Бэйдоу», по сути завершено строительство высокоточной системы наблюдения Земли, заметно усилены возможности автономной спутниковой связи. Так формируется независимый и контролируемый пространственно-временной информационный фундамент эпохи интеллектуальной экономики. В-третьих, в области вычислительных и дата-инфраструктур Китай запустил программу «Восточные данные – западные вычисления», строя национальные кластеры дата-центров на западе и размещая суперкомпьютерные и облачные центры на востоке, в результате чего возникает интегрированная всекитайская вычислительная сеть. По своей функции она сопоставима с «цифровой автострадой» и «центральной процессором» для общества будущего. Такая государственно организованная и сверхмасштабная цифровая общественная инфраструктура по охвату и глубине превосходит возможности любого отдельного рыночного игрока. Она поддерживает не только нынешнее развитие цифровой экономики, но и создает физические и логические предпосылки для когнитивизированного производства и автономного функционирования техносферы в ноономике. Здесь практика Китая дает существенное дополнение к теории. По мере дальнейшего со-

вершенствования данных инфраструктур именно Китай может первым получить «нервную сеть» и «цифровую землю», достаточные для поддержания интеллектуальной экономики, а значит, обрести ключевое предварительное условие для ее раннего воплощения.

4.3. Экономика совместного использования и платформенные инновации: реальная форма ноономического принципа «право пользования выше права собственности»

Черты ноономики, ослабляющие материальное обладание, и подчеркивающие совместность и кооперацию, ярко проявились в бурном развитии китайской экономики совместного использования. За последнее десятилетие именно в Китае сформировался крупнейший в мире рынок шеринговой экономики. От совместного использования велосипедов и автомобилей до офисных площадей и производственного оборудования Китай занимает передовые позиции и по масштабу, и по инновациям моделей. Подобная экономическая форма, где право пользования вытесняет право собственности, резко повышает эффективность распределения ресурсов, снижает порог участия для индивидов и объективно размывает традиционное представление о собственности. Китайские потребители в массовом порядке приняли модель «пользоваться, не владея» и выработали соответствующие привычки потребления. По данным источника, объем сделок на рынке совместного использования в Китае в 2024 году достиг 4,46 трлн юаней, в 2025 году он должен превысить 5 трлн юаней, а к 2030 году может достичь 8,5 трлн юаней при среднегодовом темпе роста свыше 10 процентов. К примеру, распространение общего велопроката изменило способ передвижения сотен миллионов людей, позволив ездить без покупки велосипеда; платформы онлайн-заказа автомобилей резко повысили коэффициент использования частных машин, и собственный автомобиль перестал быть обязательным условием мобильности; новые форматы вроде совместных офисов и аренды внешних аккумуляторов продолжают возникать и доводят коэффициент использования ресурсов до максимума. По своей сути экономика совместного использования через современные информационные платформы быстро сопоставляет незадействованные ресурсы и спрос, реализуя распределение по потребности и циклическое использование. Данный процесс полностью совпадает с ноономическим трендом деобладания, при котором ослабевает желание присваивать имущество, а возрастает внимание к потребительной ценности. Одновременно развитие цифровых платформ порождает множество кооперативных инновационных моделей – от open source-сообществ и краудсорсингового дизайна до общественного краудфандинга, что в китайской интернет-экосистеме находится в стадии активного роста и отражает переход экономических отношений от конкуренции к кооперации. Возвышение платформенной экономики при помощи алгоритмов и данных обеспечивает точное и эффективное сопряжение спроса и предложения и сокращает цепочку между производителем и потребителем, что в высокой степени совпадает с ноономическим представлением о прямой сцепке потребности клиента с продуктом или услугой производителя.

4.4. Система национальных стратегических научно-технологических сил: институциональное превосходство теории ноономики

Ноономика подчеркивает ведущую роль разума и в основном описывает общество будущего с технологической и ценностной точек зрения, однако не дает ясного государственного маршрута того, как организованно и эффективно производить и применять данную

«разумность», особенно в среде жесткой международной конкуренции. Китайская же «новая общегосударственная система мобилизации ресурсов» и система национальных стратегических научно-технологических сил дают мощный институциональный ответ. Данная система сочетает политическое преимущество концентрации сил на больших задачах с базовой ролью рынка в эффективном распределении ресурсов, формируя уникальную модель инновационного управления. Она способна, подобно американскому «глубинному государству развития», через оборонные, энергетические и другие каналы направлять прорывные инновации, и одновременно использовать преимущества социалистического строя для системного национального планирования и ресурсной координации, концентрируя силы на преодолении «узких мест» в технологиях. От пилотируемой космонавтики и навигации «Бэйдоу» до пассажирского самолета C919 – серия крупных научно-технических достижений наглядно демонстрирует результативность данной системы. Иными словами, китайский институт государственной науки и техники дает ноономической картине гораздо более реалистичный путь воплощения: через государственное действие формируются социальные условия, благоприятные для возникновения интеллектуальной экономики, а вопросы, которые рынок не способен решить стихийно, включаются в стратегическое планирование и общественную политику, благодаря чему резко сокращаются риски и издержки перехода. Данное опережающее практическое измерение служит значимым дополнением и расширением теории ноономики.

4.5. Рост культурного потребления и креативной экономики: ранние признаки основных черт ноономики

Конечная форма ноономики предполагает, что человек освободится от давления материального производства и направит основные силы в науку, культуру, искусство и другие творческие виды деятельности. В современном Китае данную тенденцию отражает бурный рост культурного потребления и креативных индустрий. В первые три квартала 2025 года расходы жителей страны на образование, культуру и развлечения достигли 2531 юаня на человека, увеличившись на 10,3 процента по сравнению с предыдущим годом, а их доля в среднестатистических потребительских расходах составила 11,7 процента. Цифровая контентная индустрия демонстрирует еще более взрывной рост: к концу 2024 года аудитория китайской сетевой литературы достигла 575 млн человек, число авторов превысило 30 млн, совокупный массив произведений превысил 41,65 млн, а за год было добавлено 2 млн новых работ; в 2025 году фактическая выручка от продаж китайских самостоятельно разработанных игр на зарубежных рынках составила 20,455 млрд долларов США, увеличившись на 10,23 процента, и шестой год подряд превысила отметку в 100 млрд юаней. Все данные явления свидетельствуют о том, что китайское общество переходит от материального потребления к культурному, а эстетические, творческие и духовные запросы масс становятся заметным источником экономической активности. Рост креативной экономики порождает большое количество «творческого труда»: к примеру, на основных сетевых платформах действует свыше 10 млн контент-мейкеров, которые через короткие видео, стриминг и литературное творчество реализуют себя и получают доход; число занятых в культурно-креативной индустрии быстро увеличивается и в ряде крупных городов уже превышает 10 процентов занятости. Все данные тенденции хорошо согласуются с ноономическим образом общества, где ведущее место занимает творческий труд.

V. Проектирование китайской траектории движения к ноономике

В перспективе Пятнадцатой пятилетки и еще более далекого будущего Китай должен активно включить идеи ноономики в верхнеуровневое национальное стратегическое проектирование и системно построить институты, технологии и систему человеческого капитала, которые поддержат форму цивилизации следующего поколения и позволят стране вести глобальный переход к интеллектуальной цивилизации.

5.1. Формирование институциональной системы, поддерживающей ноономику

Китаю следует заблаговременно спроектировать национальную дорожную карту развития ноономики и включить ее в средне- и долгосрочное стратегическое планирование. Во-первых, требуется совершенствовать общенациональную систему стратегического планирования. Ноономику целесообразно закрепить как стратегическое видение долгосрочного развития страны, определить ясную дорожную карту и этапные цели, встроить ее базовые идеи в Пятнадцатую и последующие пятилетки, а также согласовать между собой политику в сферах науки и техники, промышленности, образования и культуры. Во-вторых, нужно ускорить создание новых рынков факторов, соответствующих ноономике. Речь идет не только о совершенствовании рынков технологий и кадров, но и, прежде всего, о строительстве рынка данных, рынка алгоритмов и системы общественных вычислительных услуг. Следует ускорить формирование базовых институтов права собственности на данные, их обращения, распределения дохода и безопасного управления, чтобы главный фактор производства – данные – мог безопасно и эффективно циркулировать, и распределяться, институционально обеспечивая «когнитивизированное производство». В-третьих, необходимо углубить реформу системы управления наукой и техникой. Для этого нужно «устранить все идейные и институциональные барьеры, сдерживающие инновационное развитие», совершенствовать основанную на доверии систему управления научным финансированием, строить многоэлементную оценку по инновационной ценности, потенциалу и вкладу и предоставлять исследователям большую автономию, создавая тем самым свободную и инклюзивную среду для оригинальных базовых инноваций. В-четвертых, следует исследовать создание рынка алгоритмов и вычислительных мощностей. Государство может выступить организатором, побуждая предприятия и научные организации публиковать «открытые списки» алгоритмов и создавать механизмы их совместного использования и торговли; одновременно нужно ускорить открытие национальной вычислительной инфраструктуры для общества, выработать правила распределения и возмездного использования вычислительных ресурсов по запросу, не допуская монополизации и расточительства. Дополнительно требуется совершенствовать правовую систему защиты данных и частной жизни.

5.2. Усиления фундаментальных исследований и прорывов в подрывных технологиях

Китаю необходимо проводить более дальновидную научно-технологическую стратегию и увеличивать вложения в фундаментальные исследования и подрывные инновации. Во-первых, следует реализовать национальную стратегию технологий нового поколения и поддерживать долгосрочные и стабильные инвестиции в NBICS-конвергенцию. Вокруг таких сфер, как квантовая информация, нейроморфный интеллект, синтетическая биология и энергетика будущего, способных породить парадигмальный перелом, нужно заранее раз-

вернуть серию стратегических и резервных исследовательских проектов. Во-вторых, нужно сформировать «систему предварительной проработки технологий будущего». Полезно заимствовать опыт структур наподобие DARPA и создавать специализированные институты, которые будут заблаговременно оценивать и разворачивать прорывные технологии, способные оказать решающее влияние через 10-20 лет, поддерживая рискованные и неортодоксальные поисковые исследования и помогая заранее занимать инициативную позицию в будущей технологической гонке. В-третьих, требуется усилить способность национальных стратегических научно-технологических сил к совместному прорыву. Опираясь на государственные лаборатории как на ядро, нужно объединять преимущества университетов, научных институтов и компаний-лидеров, создавать междисциплинарные и межотраслевые инновационные объединения, нацеленные и на преодоление «узких мест», и на развитие индустрий будущего, чтобы пройти путь от фундаментальной науки к промышленному применению через «долину смерти».

5.3. Построение системы человеческого капитала для интеллектуального общества

Чтобы превратить преимущество Китая в человеческих ресурсах в преимущество интеллектуальной экономики, необходима глубокая трансформация образования и подготовки кадров. Во-первых, нужно всесторонне продвигать реформу образовательной системы и закреплять новую ориентацию обучения – междисциплинарность, креативность и интеллектуальность. Следует ломать традиционные дисциплинарные барьеры, активно развивать междисциплинарные направления и поощрять исследовательское и проектное обучение. Искусственный интеллект и наука о данных должны стать ядром общего образования, формируя у студентов способность к совместному инновационному действию с интеллектуальными технологиями. Во-вторых, требуется выстроить систему подготовки творческих и управленческих кадров, ориентированную на будущее. С одной стороны, нужно ускоренно готовить исследователей, необходимых для национального инновационного развития, формируя группу стратегических ученых и выдающихся инноваторов, способных выходить на передовые научные позиции в мире. С другой стороны, требуется воспитывать многочисленную группу комплексных специалистов по технологическому управлению, понимающих технологии, право, этику и общество, чтобы отвечать на сложные вызовы, возникающие вокруг искусственного интеллекта, редактирования генома и других новых технологий. В-третьих, необходимо создать общественную систему поддержки непрерывного обучения и всеобщего творчества. Следует с помощью цифровых технологий строить открытые и гибкие платформы пожизненного образования, предоставляющие всем членам общества возможность регулярно обновлять знания и навыки. Одновременно через меры политики и платформенную поддержку нужно поощрять участие населения в создании контента, сообществах открытого исходного кода и социальных инновациях, превращая творчество в общедоступный образ жизни. В-четвертых, полезно реализовать специальные программы поддержки творческих талантов, отбирая и финансируя молодых людей с выдающимся потенциалом в области художественного дизайна, культурной креативности и фундаментальной науки, предоставляя им длительную поддержку и пространство для свободного поиска и смелых новаторских действий.

5.4. Продвижение интеллектуализации и культуризации социального управления

Переход следует продвигать одновременно в двух направлениях - интеллектуализация и культуризация. Во-первых, необходимо энергично развивать интеллектуальное управление. Нужно ускорить строительство умных городов и интеллектуальных общественных сервисов, используя интернет вещей, большие данные и искусственный интеллект для повышения эффективности и человекоориентированности городской администрации, транспорта, медицины и образования. Государственное управление должно переходить от опыта к данным, достигая большей точности и научной обоснованности. Например, через совместное использование государственных данных и алгоритмический анализ можно своевременно обнаруживать изменения в потребностях населения и корректировать политику; системы поддержки принятия решений на основе искусственного интеллекта могут укреплять способность реагировать на сложные проблемы общественной безопасности и общественного здравоохранения. Во-вторых, следует распространять идею «культурного управления». В социальной сфере нужно в большей степени опираться на культурное направление, ценностный консенсус и диалоговые механизмы, постепенно заменяя ими жесткие и директивные методы. При определении целей управления необходимо уходить от чрезмерной сосредоточенности на экономической результативности и сильнее учитывать всестороннее развитие человека и качество духовной жизни. Следует поощрять самоуправление сообществ, участие общественных организаций и гражданское волонтерство, строя многоакторную кооперативную структуру управления. Конечная цель состоит в переходе от простого «контроля» к «умному упорядочению», при котором сама работа общества становится процессом воплощения культурной рациональности и коллективной мудрости.

5.5. Углубление китайско-российского сотрудничества в теории и практике ноономики

Россия накопила богатый опыт в исследованиях экономики знаний, а Китай выступает практическим полигоном будущей интеллектуальной цивилизации, поэтому у двух стран есть широкие перспективы сотрудничества в данной области. Во-первых, необходимо укреплять совместные теоретические исследования. Китайские и российские ученые могут через объединенные проекты и конференции вести углубленный диалог о теоретической модели ноономики, путях ее реализации и социальных последствиях. Сочетание китайского опыта накопления данных по общественным экспериментам и российской философской традиции способно привести к формированию более зрелой теории экономики. Во-вторых, следует создать китайско-российскую платформу сотрудничества по проблематике цивилизации будущего. Можно выступить с инициативой учреждения «Китайско-российского исследовательского центра развития интеллектуальной цивилизации», регулярно публиковать аналитические доклады по интеллектуальной экономике и предоставлять экспертную поддержку правительствам двух стран. В рамках научно-технологического сотрудничества по линии «Пояса и пути» полезно расширить блок тем, связанных с ноономикой, и совместно обсуждать технологическое управление, цифровой суверенитет и культурное многообразие. В-третьих, стоит продвигать пилотные проекты практического сотрудничества. Китай и Россия могут выбрать подходящие индустриальные парки или города и развернуть совместные эксперименты, например, создать китайско-российскую демонстрационную базу цифровой индустрии или общую интеллектуальную производственную

фабрику, объединяя преимущества в капитале и технологиях и проверяя реальные сценарии ноономики. Две страны также могут в рамках ООН, БРИКС и других многосторонних площадок продвигать обсуждение интеллектуальной цивилизации, совместно отвечая на глобальные вопросы управления искусственным интеллектом и цифрового разрыва и придавая новый смысл концепции сообщества единой судьбы человечества.

Список источников/References

- Bodrunov S. (2023). *Noonomy*. Beijing: China Financial Publishing House. [谢尔盖·博德鲁诺夫 (2023). 《智慧型经济》. 北京: 中国金融出版社].
- Bodrunov S. (2025). *The Coming of New Industrial Society: Reloaded*. Beijing: China Financial Publishing House. [谢尔盖·博德鲁诺夫 (2025). 《重启: 新型工业社会即将到来》. 北京: 中国金融出版社].
- Bodrunov S., Kvint V. (2025). *Strategizing Societal Transformation: Knowledge, Technologies, and Noonomy*. Beijing: China Financial Publishing House. [谢尔盖·博德鲁诺夫, 弗拉基米尔·昆特 (2025). 《智慧型经济驱动下的社会转型战略》. 北京: 中国金融出版社].

Информация об авторах:

Ван Вэнь

Директор Института финансовых исследований «Чунъян», декан Школы глобального лидерства Китайского народного университета, профессор

E-mail: wangwen2013@rus.edu.cn

Дунь Чжиган

Научный сотрудник Института финансовых исследований «Чунъян» Китайского народного университета, обозреватель по глобальному управлению

E-mail: wangwen2013@rus.edu.cn

Information about the author

Wang Wen

Dean of Chongyang Institute for Financial Studies (RDCY), Dean of School of Global Leadership at Renmin University of China (RUC), Professor

E-mail: wangwen2013@rus.edu.cn

Dun Zhigang

Senior Research Fellow at the Chongyang Institute for Financial Studies (RDCY) at Renmin University of China (RUC), Global Governance Analyst

E-mail: wangwen2013@rus.edu.cn

DOI: 10.37930/2782-618X-2026-5-2-73-75

С.Д. Бодрунов

Институт ноономики и Нового индустриального развития им. С.Ю. Витте (г. Санкт-Петербург, Россия)

ВЫШЕДШИЙ ИЗ-ПОД КОНТРОЛЯ ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ МОЖЕТ СТАТЬ СОВЕРШЕННЫМ ОРУЖИЕМ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА¹

Большое спасибо организаторам за проведение этого стратегического диалога. Я также хотел бы особо поблагодарить моего доброго друга профессора Ван Вэня за приглашение меня и команды российских экспертов принять участие в этой встрече. От имени Вольного экономического Общества России, имеющего 260-летнюю историю, передаю всем искренние приветствия.

Наше Общество давно занимается изучением процессов социального развития, поэтому нынешняя встреча, посвященная технологиям и глобальной модернизации, в значительной степени соответствует направлению нашей работы. В качестве вступительного выступления я хотел бы сделать своего рода переходный доклад, связывающий уже прозвучавшие и последующие темы.

Выслушав содержательные выступления участников первой сессии о глобальном развитии, я считаю необходимым сосредоточить внимание на глобальных инициативах, предложенных Председателем Си Цзиньпином, которые сегодня уже неоднократно упоминались. Это заставляет задуматься: почему именно сейчас? Является ли выдвижение такой инициативы сегодня случайностью или исторической необходимостью? Могли бы мы предложить аналогичную инициативу несколько десятилетий назад или даже тридцать лет назад?

Мой вывод состоит в том, что именно сейчас для этого наступило надлежащее время. **Уровень нашего технологического развития достиг критической точки: если не обеспечить должное управление, правильную ориентацию и регулирование этой технологической мощи, она неизбежно создаст огромные потенциальные риски для глобального развития.** Это – первый тезис моего доклада.

Мы говорим о глобальном развитии потому, что знание, технологии и наука воздействуют не только на экономику, но и глубоко затрагивают общество, культуру и многие другие стороны жизни. Возможно, один из важнейших вопросов современности состоит в том, как обеспечить правильное направление глобального развития в условиях целеполагания, ориентации и управляемости. В этой связи вспоминается широко известная ранее инициатива устойчивого развития; к сожалению, ее практическая реализация пока далека от идеальной.

Мы должны признать: с точки зрения развития сегодняшний мир является неустойчивым. Я согласен с мнением предыдущего выступавшего о том, что **многополярный мир является необходимым условием достижения поставленных целей.** Это – второй тезис, и мне он представляется важным. Речь идет не только о многополярности политических или экономических центров, но и о культурном разнообразии, научном плюрализме и многополярности научно-технологических центров. Это сложный переходный процесс.

¹ Доклад на научной конференции «Стратегический диалог Миндэ» (октябрь 2025 г., Пекин). Источник: публикация Китайского народного университета / перепечатка AI中国网 от 3 ноября 2025 г.

Здесь я хотел бы особо подчеркнуть связь между модернизацией и устойчивым развитием. Моей третий тезис – о том, что **без модернизации не может быть устойчивого развития – в этом нет сомнений**. Но модернизация не сводится к модернизации науки и техники; она должна быть комплексной и системной.

Сегодня крупный китайский ученый, секретарь партийного комитета Китайского народного университета Чжан Дунган поставил очень важный вопрос, с которым я полностью согласен. Мой четвертый тезис: **Направление развития не должно ограничиваться только экономическими потребностями; оно должно включать и духовное развитие, особенно развитие человеческого достоинства**. Этому концепту уделяет внимание Председатель Си Цзиньпин. Наши исследования также ориентированы на это направление.

В условиях интенсивного развития науки, знания, технологий и производства необходимо признать значение «знания второго рода» — социального знания. Многие говорят о конвергенции NBIC-технологий: нанотехнологий, биотехнологий, информационных технологий и когнитивных наук. В основе этих новых технологических решений находятся прежде всего когнитивные технологии и искусственный интеллект. Отсюда вытекает мой пятый тезис! **искусственный интеллект является важнейшим инструментом всестороннего развития человека и продвижения социального прогресса – он предназначен не для замещения человека, а для того, чтобы служить мощным вспомогательным инструментом**.

Наконец, говоря о конкретном влиянии научно-технического развития, я обратил бы особое внимание на прозвучавшие сегодня данные, подтверждающие мой шестой тезис: **Китай направляет на исследования и разработки 2,6 % ВВП, тогда как США — 5 %, однако результативность трансфера и внедрения разработок в Китае значительно выше, чем в США**. Это неоспоримый факт; по крайней мере по числу патентов за последнее десятилетие Китай существенно опережает другие страны. В России, напротив, расходы на исследования и разработки составляют менее 1 % ВВП. Мой седьмой тезис состоит в том, что это вызывает **серьезную обеспокоенность, поскольку частный капитал не проявляет достаточного интереса к сфере НИОКР, и это делает задачу чрезвычайно сложной**.

Однако я хотел бы привлечь внимание не только к объему инвестиций в исследования и разработки, но и к скорости продвижения НИОКР, а также к новой структуре исследовательской деятельности. В последние годы мы наблюдаем устойчивую тенденцию к широкому продвижению искусственного интеллекта в различных сферах, включая сферу социального развития.

Я предложил бы в заключение сделать следующие выводы.

Преимущества искусственного интеллекта уже подробно обсуждались, поэтому я не буду останавливаться на них отдельно. Я хотел бы обратить внимание лишь на два ключевых взаимосвязанных вопроса.

Во-первых, решающее значение имеет содержание материалов, используемых искусственным интеллектом. Нам необходимо установить комплекс стандартов для управления его базами данных и информационными потоками, а также для их наполнения. Это требует решений на глобальном уровне и совместных усилий по выработке новых, разумных принципов — принципов гуманности и ответственности. Мы должны сохранять бдительность: если искусственный интеллект выйдет из-под контроля, он может стать инструментом против человечества, более опасным, чем любое оружие.

Во-вторых, когда мы говорим о технологиях, необходимо учитывать, что искусственный интеллект, как и другие технологии, вызывает огромный интерес у крупных корпораций и экономических институтов. Однако последние данные показывают, что биржевой пузырь, связанный с искусственным интеллектом, уже в десятки раз превышает пузырь доткомов прошлых лет. С учетом исторических уроков мы должны рассмотреть роль управления, в том числе – на глобальном общецивилизационном уровне, и **тщательно оценить долгосрочные последствия распространения искусственного интеллекта.**

Спасибо всем!

Информация об авторе

Бодрунов Сергей Дмитриевич

доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН, исполнительный директор Института ноономики и Нового индустриального развития им. С.Ю. Витте (197101, РФ, Санкт-Петербург, Большая Монетная ул., 16), президент Вольного экономического общества России

E-mail: inir@inir.ru

Information about the author

Sergey D. Bodrunov

Dr. Sc. (Econ.), Professor, Corresponding Member of RAS, Executive Director of the S.Y. Witte Institute of Noonomy and New Industrial Development (Bol'shaya Monetnaya Str. 16, St. Petersburg, 197101, Russia), President of the Free Economic Society of Russia

E-mail: inir@inir.ru

DOI: 10.37930/2782-618X-2026-5-2-76-97

Н.Д. Дмитриев

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Санкт-Петербург, Россия)

Институт ноономики и Нового индустриального развития имени С.Ю. Витте (Санкт-Петербург, Россия)

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И НООПЕРЕХОД: МЕЖДУ ЦИФРОВЫМ КАПИТАЛОМ И ОБЩЕСТВЕННЫМ ЗНАНИЕМ¹

Аннотация: В статье рассматривается трансформация роли искусственного интеллекта (ИИ) в условиях системного кризиса неолиберальной парадигмы и перехода к качественно иной модели цивилизационного развития. ИИ анализируется в двойственной перспективе: как инструмент усиления рыночного господства, концентрации данных, алгоритмического контроля труда и управления информационными потоками; и как потенциальная инфраструктура общественного знания, способная поддержать движение к обществу, выстроенному вокруг приоритета знания над капиталом, творческого труда над отчужденной рутинной, разумных потребностей над потребительской экспансией.

Исследование показывает циклическую природу технологического энтузиазма, прослеживая историческую преемственность между «железнодорожной лихорадкой» викторианской Британии, спекулятивным «дотком-бумом» рубежа тысячелетий и современной волной инвестиционной эйфории в сегменте ИИ. Каждый цикл демонстрирует, как стремление к сверхприбыли стимулирует технологический прорыв, но одновременно порождает финансовые пузыри, инфраструктурные диспропорции и разрыв между ожидаемой капитализацией и реальными производственными эффектами. И во многом именно «жажда» сверхприбыли приводит к системным дисбалансам.

Критическому осмыслению подвергаются деструктивные эффекты цифрового капитализма. Депрофессионализация специалистов, эрозия субъектности труда, превращение персональных данных в средство коммерческого и социального контроля указывают на опасность подмены подлинных инноваций имитацией эффективности при фактической деградации созидательных смыслов деятельности. Нарративное моделирование, поведенческая аналитика и квантификация информационного капитала раскрывают способы целенаправленного формирования общественного мнения: данные превращаются в форму власти, а информационные потоки – в средство влияния.

Преодоление деструктивной направленности цифрового капитализма требует пересмотра целевых ориентиров развития. В качестве альтернативы обосновывается интеллектуально-ориентированная экономика как транзитное состояние на траектории движения к ноономике. Обосновывается необходимость смещения хозяйственных отношений от накопления

¹ Статья подготовлена по материалам доклада Н.Д. Дмитриева, представленного на международных мероприятиях в Пекине (КНР) 17–19 октября 2025 года – на площадках Тунчжоуского форума по вопросам глобального развития, «Стратегического диалога Миндэ – 2025» и XIV заседания постоянно действующего Китайско-Российского экономического диалога, где автор участвовал в составе российской делегации под руководством С.Д. Бодрунова – директора Института ноономики и Нового индустриального развития имени С.Ю. Витте, президента Вольного экономического общества России, члена-корреспондента РАН

капитала и максимизации прибыли к воспроизводству общественного знания, наращиванию интеллектуального потенциала и высвобождению творческих способностей личности. Знание здесь выступает совместно используемым ресурсом общественного прогресса, а его частное присвоение трактуется как ограничение творческой и производственной отдачи. Реализация этой направленности и сам ноопереход раскрываются через укрепление национальных научно-инженерных школ, повышение знаниеемкости производства, формирование общественно значимой вычислительной инфраструктуры и создание распределенных сред совместного познания. Движение по этому пути невозможно без этических норм работы с данными и устойчивых барьеров против манипулятивного использования интеллектуальных технологий – таких барьеров, которые обеспечивают автономию мышления, интеллектуальную безопасность общества и сохранение человека в качестве субъекта целеполагания.

Ключевые слова: искусственный интеллект; ноопереход; ноономика; интеллектуально-ориентированная экономика; цифровой капитал; общественный прогресс; общественное знание; знаниеемкость; информационные потоки; научно-инженерные школы; алгоритмический контроль; интеллектуальный потенциал.

Для цитирования: Дмитриев Н.Д. (2026). Искусственный интеллект и ноопереход: между цифровым капиталом и общественным знанием // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С. Ю. Витте. Т. 5, № 2, С. 76–97. DOI: 10.37930/2782-618X-2026-5-2-76-97

Nikolay D. Dmitriev

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russia)

S. Y. Witte Institute of Noonomy and New Industrial Development (St. Petersburg, Russia)

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND THE NOOTRANSITION: BETWEEN DIGITAL CAPITAL AND PUBLIC KNOWLEDGE

Abstract: The article examines the transformation of the role of artificial intelligence (AI) amid the systemic crisis of the neoliberal paradigm and the transition toward a qualitatively different model of civilizational development. AI is analyzed from a dual perspective: as an instrument for strengthening market domination, concentrating data, exercising algorithmic control over labor, and managing information flows; and as a potential infrastructure of public knowledge capable of supporting the movement toward a society organized around the priority of knowledge over capital, creative labor over alienated routine, and reasonable needs over consumer expansion. The study reveals the cyclical nature of technological enthusiasm by tracing historical continuity between the “railway mania” of Victorian Britain, the speculative dot-com boom at the turn of the millennium, and the current wave of investment euphoria in the AI segment. Each cycle demonstrates how the pursuit of super-profits stimulates technological breakthrough, while simultaneously generating financial bubbles, infrastructural disproportions, and a gap between expected capitalization and real productive effects. In many respects, it is precisely this “thirst” for super-profits that leads to systemic imbalances.

The destructive effects of digital capitalism are subjected to critical analysis. The deprofessionalization of specialists, the erosion of labor subjectivity, and the transformation of personal data into a means of commercial and social control indicate the danger of substituting genuine innovation with an imitation of efficiency, accompanied by the actual degradation of the creative meanings of human activity. Narrative modeling, behavioral analytics, and the quantification of information capital reveal the methods through which public opinion can be purposefully shaped: data become a form of power, while information flows become an instrument of influence.

Overcoming the destructive orientation of digital capitalism requires a revision of the target priorities of development. As an alternative, the article substantiates the concept of an intelligence-oriented economy as a transitional state on the trajectory toward noonomy. It argues for the need to shift economic relations away from capital accumulation and profit maximization toward the reproduction of public knowledge, the expansion of intellectual potential, and the liberation of the creative capacities of the individual. In this context, knowledge acts as a jointly used resource of social progress, while its private appropriation is interpreted as a constraint on creative and productive returns.

The realization of this orientation and the nootransition itself are revealed through the strengthening of national scientific and engineering schools, the increase in the knowledge intensity of production, the formation of socially significant computing infrastructure, and the creation of distributed environments for collective cognition. Movement along this path is impossible without ethical norms for working with data and stable barriers against the manipulative use of intelligent technologies – barriers that ensure the autonomy of thinking, the intellectual security of society, and the preservation of the human being as a subject of goal-setting.

Keywords: artificial intelligence, nootransition, noonomy, intelligence-oriented economy, digital capital, social progress, public knowledge, knowledge intensity, information flows, scientific and engineering schools, algorithmic control, intellectual potential.

For citation: Dmitriev N. D. (2026). Artificial Intelligence and the Nootransition: Between Digital Capital and Public Knowledge. *Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works of the S. Y. Witte INID*, Vol. 5, No. 2, pp. 76–97. DOI: 10.37930/2782-618X-2026-5-2-76-97

德米特里耶夫N. D.

圣彼得堡彼得大帝理工大学 (俄罗斯, 圣彼得堡)

维捷新兴工业发展研究所 (俄罗斯, 圣彼得堡)

人工智能与智慧型转型:在数字资本与社会知识之间

摘要: 本文探讨了在新自由主义范式面临系统性危机以及向本质上不同的另一种文明发展模式转型的背景下, 人工智能 (AI) 角色的转变。本文从双重视角对人工智能进行了分析: 一方面, 它作为强化市场霸权、数据集中化、用算法控制劳动以及管理信息流的工具; 另一方面, 它被视为一种潜在的社会知识基础设施, 能够推动向新型社会转型——以知识优先于资本、创造性劳动优先于枯燥的重复劳动、理性需求优先于消费扩张为核心的社会。

该研究揭示了技术热潮的周期性特征,追溯了维多利亚时代英国的“铁路热潮”、千禧年之交的投机性“互联网泡沫”以及当今人工智能领域投资狂热浪潮之间的历史延续性。每个周期都表明,对超额利润的追求虽然能刺激技术突破,但同时也催生了金融泡沫、基础设施失衡,以及预期市值与实际生产效益之间的差距。在很大程度上,正是这种对超额利润的“渴求”导致了系统性失衡。

数字资本主义的破坏性影响正受到批判性审视。专业人员的去专业化、劳动主体性的蜕变、个人数据被转化为商业和社会控制的手段,这些现象都表明,在活动的创造性意义实际退化的情况下,真正的创新正面临被效率虚拟所取代的危险。叙事建模、行为分析以及信息资本量化,揭示了有针对性地塑造公众舆论的方式:数据转化为一种权力形式,而信息流则成为一种影响力手段。

要克服数字资本主义的破坏性倾向,就需要重新审视发展目标。作为一种替代方案,以知识为导向的经济被论证为迈向智慧型经济发展道路的过渡阶段。本文论证了经济关系必须从资本积累和利润最大化转向社会知识再生产、智力潜能提升以及个人创造力解放。在此,知识被视为社会进步的共享资源,而对其私有化则被视为对创造力和生产效率的阻碍。

转到这一发展方向以及智慧型转型本身,需要通过加强国家科学技术人才培养、提高生产的知识密集度、构建具有社会意义的数字基础设施以及创建广泛的协作认知环境来实现。若缺乏数据处理的伦理规范,以及防止智能技术被滥用的坚实屏障(这些屏障能够保障思维的自主性、社会的智能安全,并确保人类作为目标主体的地位),那么迈向这条道路便无从谈起。

关键词: 人工智能、智慧型转型、智慧型经济、知识导向型经济、数字资本、社会进步、社会知识、知识密集度、信息流、科技人才培养、算法控制、智力潜力。

引用注释: 德米特里耶夫 N. D. (2026). 人工智能与智慧型转型:在数字资本与社会知识之间//智慧经济与智慧社会. 维捷新兴工业发展研究所论文选, Vol. 5, No. 2, pp. 76–97. DOI: 10.37930/2782-618X-2026-5-2-76-97

Введение: искусственный интеллект между кризисом экономического общества и ноопереходом

Цивилизация находится в состоянии глобальной трансформации, природа которой выходит далеко за пределы очередного экономического спада или геополитического передела. Мир переживает системный кризис развития – кризис, который уже перестал быть проблемой отдельных сегментов хозяйственной жизни и поразил саму логику организации общественного бытия.

Достигнутый человечеством уровень технологического могущества, лишенный адекватного духовного и интеллектуального сопровождения, превращается из инструмента прогресса в потенциальную угрозу самой возможности дальнейшего исторического развития. Парадокс нашего времени заключается в том, что небывалое расширение производственных возможностей сопровождается углублением социального неравенства, деградацией природных систем и нарастанием глобальных дисбалансов.

Геополитэкономический анализ современности, где рыночный фундаментализм рассматривается в связи с международной властью, производством и государством [Десаи, 2024], позволяет увидеть: кризис связан не с текущими колебаниями рынка; его источник глубже – в исчерпании способа организации хозяйства, подчиненного финансовой экспансии.

Неолиберальная модель экономического устройства, господствующая с периода после краха Бреттон-Вудской системы и особенно с эпохи рейганомики и тэтчеризма, исчерпала

свой прогрессивный потенциал. Финансиализация вытеснила созидательную деятельность из центра внимания инвесторов, подменив долгосрочные стратегии развития спекулятивными операциями с виртуальными активами.

Рыночный фундаментализм, возведенный в ранг универсального принципа организации общественных отношений, привел к коммодификации всех сфер человеческой жизни – от образования и здравоохранения до культуры и науки. Однако кризис неолиберализма вовсе не означает его автоматического исчезновения. Напротив, мы наблюдаем мучительную трансформацию этой модели, ее стремление сохранить влияние путем адаптации к новым технологическим реалиям.

Неолиберальная конфигурация современного – экономического – общества, ориентированная на приоритет финансовых показателей и обслуживание интересов спекулятивного капитала, катализирует проявления цивилизационного кризиса. Подобная модель хозяйственной организации демонстрирует признаки структурного истощения: экономическая система, выстроенная на господстве рыночного фетишизма и финансовой экспансии, утрачивает способность генерировать прогрессивные траектории общественного развития. Это состояние можно трактовать как исчерпание потенциала экономического общества – формации, где доктрина максимизации прибыли подменяет собой цели коллективного прогресса и интеллектуального созидания.

Альтернативный вектор эволюции связан с формированием принципиально иного типа социально-экономических отношений, базирующихся на примате знания, научно-технологического прогресса и общественного интеллекта как доминирующих производительных сил [Бодрунов, 2024a]. И именно здесь – в этой точке бифуркации – мы наблюдаем противоречие между возросшей мощью производительных сил и сохранением целей, сведенных к прибыли, стоимости капитала и частному присвоению.

Преодоление системного кризиса предполагает как трансформацию хозяйственных институтов, так и укрепление социально-институциональных основ общественной консолидации. Коллективная идентичность, разделяемые морально-нравственные ориентиры и ценностные матрицы коллективного самосознания, рассматриваемые как ресурсы гражданской устойчивости [Дмитриев, 2025b], становятся критически значимыми в ситуации внешних и внутренних вызовов. Ноопереход невозможен без ценностного изменения: исследования роли социокультурного фактора в движении к ноономике [Гречко, Плешивцева, 2025] и трансформации потребностей при переходе к (пост)капитализму и далее – к ноономике [Стасев, Гречко, Тюлина, 2025] показывают, что технологическая модернизация, не сопряженная с ценностным возвышением потребностей, способна лишь усилить потребительскую зависимость и социальную разобщенность.

Параллельно разворачивается фундаментальный сдвиг в организации производительных сил – Знание перестает быть вспомогательным элементом производственного процесса и превращается в ключевой ресурс, определяющий конкурентоспособность национальных хозяйств, их способность обеспечивать свой технологический суверенитет. Решающее значение приобретает уже не обладание материальными активами само по себе, а способность генерировать, аккумулировать и продуктивно мобилизовать интеллектуальный потенциал.

Культивирование знаниевых ресурсов хозяйствующих субъектов обретает выраженное социальное измерение, поскольку интересы участников инновационного развития все тес-

нее сопрягаются с общественными интенциями расширения человеческого потенциала и научного прогресса [Солнцев, 2024]. В этом отношении стратегия интеллектуального потенциала в знаниеемкой экономике позволяет включать искусственный интеллект (далее – ИИ) в воспроизводство научных школ, компетенций и организационной памяти, не сводя его к внешнему цифровому сервису; эта задача требует междисциплинарной инженерной подготовки, соединяющей бизнес-статистику, интеллектуальные технологии и управление производственно-экономическими системами [Дмитриев, 2025a].

Ноопереход в данном контексте означает длительное историческое движение от экономического общества, где хозяйственная деятельность подчинена воспроизводству стоимости и капитала, к обществу, в котором производство и применение знания служат разумному удовлетворению потребностей и расширению творческих возможностей человека. В теории ноономики [Бодрунов, 2020] такой переход связан не с простым ростом технологий, а с преобразованием целей производства, характера труда, структуры потребностей и способов присвоения результатов научно-технического прогресса. Следовательно, цифровизация (и входящие в ее состав технологии ИИ) сама по себе еще не является ноопереходом: она может быть включена как в воспроизводство капитала, так и в общественно ориентированное развитие.

В точке исторической бифуркации, где экономическое общество исчерпывает свой созидательный ресурс, а очертания нового мироустройства лишь обретают различимость, особое значение приобретает технологическая инфраструктура будущего. ИИ выступает далеко не рядовой инновацией в череде цифровых трансформаций – он представляет собой потенциальный узел сопряжения новой конфигурации общественного производства и познания. От того, какая интенциональность будет заложена в развитие интеллектуальных технологий, зависит, станут ли они инструментом углубления существующих противоречий или катализатором перехода к ноономике – новому способу организации производства и потребления, выстроенному вокруг разумного использования знания в интересах общества.

Именно в этом контексте вопрос о роли ИИ приобретает принципиальное значение. ИИ сегодня находится на перекрестке двух траекторий развития:

- Первая – инерционная – предполагает встраивание интеллектуальных технологий в господствующую парадигму капиталистического накопления, превращение их в средство усиления корпоративного контроля и монополизации данных в руках ограниченного круга владельцев цифровой инфраструктуры.
- Вторая – альтернативная – открывает возможность радикального пересмотра целей и смыслов технологического прогресса, превращения ИИ в инфраструктуру коллективного познания, инструмент освобождения человека от рутинных операций и создания условий для реализации творческого потенциала личности.

Технологический детерминизм здесь неуместен – сама по себе вычислительная мощность не определяет общественного содержания ее применения. Решающим оказывается стратегический выбор: подчинение ИИ сохранению отживающих форм экономической рациональности или формированию новых отношений между человеком, знанием и производством.

Технологическая революция, обусловленная стремительным ускорением научно-технического прогресса, его «ускорением ускорения» [Бодрунов, 2016; Бодрунов, 2022a], и

становлением интеллектуальных производственных систем, закладывает материальный фундамент для подобной трансформации. Развитие автоматизированных и роботизированных комплексов открывает перспективу безлюдного производства, при котором человек эмансипируется от непосредственного участия в материальных операциях и обретает возможность сконцентрироваться на интеллектуальном и творческом созидании [Бодрунов, 2022b].

Параллельно разворачивается трансформация мирового экономического порядка: формирование многополярного миропорядка создает предпосылки для новых форм интеграции, ориентированных не на рыночный фундаментализм, а на согласование научно-технологического, культурного и хозяйственного развития. В этом контексте нооинтеграция предлагает институциональную модель взаимодействия государств, предполагающую координацию научных, производственных и культурных ресурсов в рамках крупных геоэкономических пространств. Хотя подобные объединения пока находятся на стадии формирования, такие площадки, как БРИКС, обладают потенциалом для эволюции в направлении нооинтеграционных форматов. Задача состоит в выстраивании архитектуры международного взаимодействия, способной обеспечить согласованное соразвитие экономик и заложить институциональный фундамент глобального нооперехода [Архипова, 2023; Бодрунов, 2024b]. При этом международные оценки инклюзивного ИИ для развития [UNCTAD, 2025] подчеркивают значение инфраструктуры, компетенций и доступа к данным, без которых цифровой разрыв лишь закрепляет зависимость периферии от технологических центров.

Предмет настоящего исследования – не искусственный интеллект как самоцель коммерциализации или объект спекулятивных инвестиций, а его возможная роль в качестве противоречивой производительной силы нооперехода и интеллектуально-креативной трансформации общества [Бодрунов, 2025]. Под цифровым капиталом далее понимается совокупность отношений частного контроля над данными, алгоритмами, вычислительными мощностями, платформами и правами интеллектуальной собственности, позволяющих присваивать результаты коллективно создаваемого знания. Под общественным знанием понимается совместно создаваемое и институционально защищенное знание, использование которого расширяет интеллектуальные и творческие возможности человека, поддерживает науку, образование и материальное производство.

Феномен ИИ в контексте циклов технологического энтузиазма

XX столетие завершилось триумфом рыночного фетишизма, при котором алгоритмы конкуренции и финансовой доходности вытеснили содержательные смыслы развития. Финансализация оторвала капитал от производственных реальностей, превратив инвестиционные потоки в инструмент спекулятивных манипуляций. История капитализма демонстрирует устойчивую повторяемость: каждая крупная технологическая волна порождает собственные ожидания ускоренного обогащения, питающие финансовые пузыри и массовую веру в автоматическое наступление прогресса.

Середина XIX века ознаменовалась «железнодорожной лихорадкой» в Великобритании, когда вера в неограниченные возможности железных дорог породила массовую эйфорию инвесторов. Капиталовложения росли в геометрической прогрессии, обгоняя реальные потребности экономики. Результатом стал системный кризис, обрушивший рынок и разоривший множество компаний и вкладчиков.

Столетие спустя, на рубеже тысячелетий, мир охватил «дотком-бум» – массовая истерия вокруг интернет-компаний, чьи капитализации достигали астрономических величин при отсутствии прибыльных бизнес-моделей. Инвестиции устремлялись в технологические фантазии, лишённые экономического содержания. Неизбежный крах 2000–2001 годов обнулил триллионы долларов виртуальной стоимости.

Исследования технологических революций и финансового капитала [Perez, 2002; Freeman, Louçã, 2001] показывают, что финансовый ажиотаж может ускорять развертывание инфраструктуры, но затем обнаруживает разрыв между спекулятивными ожиданиями и реальной производственной отдачей. Такая закономерность прослеживается не только в истории железных дорог и интернет-компаний, но и в более широком движении капиталистических кризисов, где новые технологии сначала становятся объектом завышенной капитализации, а лишь затем проходят проверку реальным производственным применением.

Перемены в ходе исторического развития базировались на смене технологических укладов (по С.Ю. Глазьеву [Глазьев, 1993; Глазьев, 2022]). Связь таких сдвигов с большими циклами экономической конъюнктуры восходит к Н.Д. Кондратьеву [Кондратьев, 2002], показавшему волнообразный характер длительных изменений в капиталистическом хозяйстве. Если появление и распространение нового технологического уклада совпадает с «повышательной» фазой кондратьевского цикла, то данный уклад продолжает функционировать, когда породившая его волна уже прошла и сменилась новой.

В современной экономической литературе принято говорить не просто о последовательной смене «номеров» технологических укладов, а о переходе от одного доминирующего способа соединения науки, техники, производства и институтов к другому. Шестой технологический уклад обычно связывается с NBIC-конвергенцией, то есть синтезом нано-, био-, информационных и когнитивных технологий [Roco, Bainbridge, 2002]. Вместе с тем уже сегодня возникает дискуссия о признаках следующего – «седьмого» – технологического уклада, в котором ИИ не должен пониматься как изолированная цифровая технология. Его значение раскрывается как часть более сложного сдвига – роста знаниеёмкости производства, развития интеллектуальных производственных систем, усиления роли когнитивных технологий и перехода к такому типу индустриального развития, который в работах С.Д. Бодрунова рассматривается через призму НИО.2 и ноономики [Бодрунов, 2018; Бодрунов, 2024с].

ИИ сам по себе еще не образует новый уклад и тем более не гарантирует ноопереход; он может стать когнитивно-управляющим ядром новой технологической конфигурации только в том случае, если соединится с новой индустриальной базой, научно-инженерными школами, цифровыми производственными системами и общественно значимыми целями. В противном случае ИИ остается инструментом ускоренной монетизации данных, платформенной ренты и финансовой капитализации ожиданий.

Каждый технологический уклад знаменует качественный скачок в производственных возможностях общества, но его общественный эффект зависит от того, соединяется ли новая техника с реальным производством, образованием и промышленной политикой. Поэтому реиндустриализация и становление цифровой экономики, рассматриваемые как взаимосвязанные тенденции инновационного развития [Бодрунов, Демиденко, Плотников, 2018], позволяют увидеть принципиальное ограничение: цифровизация без новой индустриальной базы рискует обслуживать финансовые и посреднические операции, не укрепляя созидательный потенциал хозяйства.

Сегодня наблюдается повторение сходной динамики. Капитал массированно перетекает в сферу ИИ, где оценки компаний растут быстрее, чем формируются реальные производственные эффекты. По данным ежегодного доклада AI Index 2025 [Maslej et al., 2025], совокупные корпоративные инвестиции в ИИ в 2024 г. достигли 252,3 млрд долл., частные инвестиции увеличились на 44,5%, а сегмент генеративного ИИ привлек около 33,9 млрд долл., что на 18,7% превышает показатели 2023 года. Капитализация «ИИ-единорогов» зачастую опережает способность этих компаний генерировать устойчивую прибыль или создавать долгосрочную ценность для общества. Эти показатели фиксируют технологический подъем и одновременно масштаб капитализации ожиданий, в которой будущая рента часто оценивается выше уже созданной общественной полезности.

Анализ современной инвестиционной волны показывает двойственный характер технологического энтузиазма. С одной стороны, он мобилизует ресурсы для исследований, инфраструктуры и внедрения разработок. С другой – подчиняет их направлению наиболее быстро монетизируемым решениям, усиливая зависимость науки от корпоративных платформ. Противоречия экономики, раскрывающие возможности движения к ноономике [Хабibuллина, 2022], позволяют увидеть в ИИ риск очередного финансового цикла и вместе с тем возможность направить технологическую мощь на общественно значимые цели.

Динамика инвестиционного интереса показывает, что распространение генеративных моделей сопровождается эффектом технологического ажиотажа и формированием завышенных ожиданий относительно экономического потенциала новых цифровых технологий [Mora-López et al., 2025]. Подобная динамика указывает на циклическую природу технологического энтузиазма, где жажда сверхприбыли и спекулятивные ожидания выступают мощными катализаторами инноваций, но одновременно закладывают фундамент будущих системных дисбалансов. История учит, что за каждым периодом эйфории неизбежно следует фаза отрезвления, когда обнажается разрыв между раздутыми ожиданиями и скромными реальными достижениями.

Деструктивная логика цифрового капитализма и риски алгоритмизации

Неолиберальная экономическая модель возвела индивидуальную рациональность в абсолют, доведя ее до состояния механического автоматизма. Сегодня эту рациональность персонифицируют алгоритмы – «бесстрастные» цифровые арбитры, оптимизирующие показатели прибыльности, минимизирующие издержки и максимизирующие доходность. Рынок утратил свою историческую функцию координатора человеческих усилий и все чаще превращается в среду спекулятивного управления вниманием, данными и поведенческими паттернами.

Крупнейшие цифровые корпорации аккумулируют пользовательские данные, облачные ресурсы, программные платформы и каналы доступа к потребителю. Стратегии производства и присвоения ИИ крупнейшими компаниями раскрывают механизм цифрового капитала [Rikap, 2024]: коллективно создаваемое знание захватывается корпоративными экосистемами, после чего возвращается обществу в виде платных сервисов, зависимых интерфейсов и закрытых технологических стандартов.

Концентрация вычислительной инфраструктуры усиливает это противоречие. Современные передовые модели требуют специализированных процессоров, дата-центров, энергетических мощностей, сетевых сервисов и доступа к облакам. Анализ конкуренции в

инфраструктуре ИИ [OECD, 2025] показывает, что барьеры входа растут как в программной сфере, так и на материальном уровне цифрового производства. В результате контроль над ИИ все больше определяется не талантом исследователей или качеством алгоритмов, а владением вычислительной базой.

Экономическое свойство «данных» не сводится к традиционным активам: многократное использование одного и того же массива не уничтожает его полезности. Теория неистощаемости данных и их общественной отдачи [Jones, Tonetti, 2020] позволяет объяснить, почему частное огораживание данных вступает в противоречие с потенциально широкой общественной пользой от их применения. Чем «сильнее» данные превращаются в закрытый актив, тем больше сдерживается развитие науки, образования, медицины, промышленного управления и общественного планирования.

Предупреждение о вреде ИИ [Acemoglu, 2021] можно трактовать как указание на социальный ущерб, который формируется не из-за алгоритмов самих по себе, а из-за коммерческих стимулов, рыночной власти, направления автоматизации и способов распределения получаемых эффектов. Поэтому вопросы об ИИ имеют политэкономическое содержание: кому принадлежит инфраструктура? кто задает цели применения? и кто получает результат роста производительности?

В этих условиях труд стремительно теряет содержательное наполнение там, где ИИ внедряется как средство внешнего предписания действий. Наблюдается эрозия субъектности работника – человек превращается из творца в придаток технологического процесса, в исполнителя цифровых команд, чьи действия и профессиональное суждение подменяются следованием алгоритмическим сигналам. Исследования использования алгоритмов на рабочем месте [Kellogg, Valentine, Christin, 2020] показывают, что цифровое управление создает новую область борьбы за контроль, автономию, прозрачность процедур и право работника оспаривать машинные решения. Депрофессионализация поражает целые отрасли: компетенции размываются, профессиональное мастерство обесценивается, квалификация замещается способностью следовать инструкциям цифровых систем.

Однако ИИ не исчерпывается этой деструктивной направленностью. Противоречие особенно отчетливо проявляется в выборе между замещением человека и расширением его возможностей. Опасность «ловушки Тьюринга», описанная применительно к человекоподобному ИИ [Brynjolfsson, 2022], состоит в том, что имитация человека может использоваться для вытеснения живого труда, тогда как наиболее общественно значимый путь связан с дополнением человеческого мышления и сохранением человека в производственном процессе.

Современные оценки воздействия генеративного ИИ на занятость также не подтверждают простой сценарий тотального исчезновения профессий. Международный индекс профессиональной экспозиции [Gmyrek et al., 2025] показывает прежде всего изменение состава трудовых задач: часть операций автоматизируется, часть усложняется, а значительная доля рабочих мест требует переобучения и институциональной поддержки. Следовательно, главный вопрос заключается не в том, исчезнет ли труд, а в том, будет ли он обеднен алгоритмическими предписаниями или обогащен интеллектуальными инструментами.

Эмпирические исследования применения генеративного ИИ в организациях показывают и другую сторону процесса. Внедрение ИИ-помощников способно повышать производительность, особенно у менее опытных работников, ускоряя передачу накопленно-

го организационного знания [Brynjolfsson, Li, Raymond, 2025]. Но этот эффект становится общественно значимым лишь при условии, что рост производительности не используется только для интенсификации труда и сокращения занятости, а поддерживает обучение, повышение квалификации, сокращение рутины и расширение профессиональной самостоятельности.

Особенно тревожно цифровая зависимость проявляется в образовании и творчестве. Будущие специалисты все чаще возлагают чрезмерные ожидания на возможности ИИ, делегируя машинам операции, требующие глубокого понимания, критического мышления и самостоятельной постановки вопросов. Экспериментальные данные о генеративном ИИ и творчестве [Doshi, Hauser, 2024] указывают на амбивалентный результат: индивидуальная продуктивность может расти, но разнообразие совокупного результата сокращается. Возникает риск стандартизации мышления, когда множество пользователей воспроизводит сходные ответы, полученные из одних и тех же цифровых источников. Овладение фундаментальными знаниями отступает на второй план, уступая место поверхностным навыкам оперирования готовыми решениями. Формируется поколение, технологически грамотное, но интеллектуально зависимое – способное манипулировать инструментами, но неспособное генерировать оригинальные идеи.

Цифровой капитализм порождает серьезнейшие риски для общественного развития. Создается иллюзия непрерывных инноваций при фактической деградации смыслов созидательной деятельности. Подлинное творчество подменяется имитацией эффективности – бурной активностью, которая производит впечатление прогресса, но не создает качественных прорывов. ИИ в рамках неолиберальной парадигмы функционирует не как инструмент развития человеческого потенциала, а как средство усиления корпоративного контроля и концентрации власти над данными.

Алгоритмическое управление вниманием и поведением

Технологические платформы аккумулируют беспрецедентные объемы информации о поведении, предпочтениях и мыслительных привычках миллиардов людей. Данные трансформируются в новую форму власти – власти прогнозировать, формировать и направлять человеческие решения. Алгоритмы все глубже проникают в социальные взаимодействия, превращая спонтанные коммуникации в управляемые информационные потоки. Возникает угроза тотальной алгоритмизации общественной жизни, при которой автономия мышления и свобода выбора становятся декоративными фасадами, скрывающими систему тонкого воздействия на сознание.

Прикладная математика и разработка интеллектуальных систем позволяют раскрыть механизмы, скрытые от поверхностного взгляда. Нарративное моделирование, анализ пользовательских профилей, отслеживание поведенческих паттернов и персонализированное распределение контента позволяют структурировать восприятие реальности, направлять внимание масс и формировать коридоры допустимых мнений. ИИ в этом случае действует как средство организации социального опыта, выходя за пределы простой обработки информации.

Современные алгоритмические системы позволяют не просто фиксировать динамику общественного восприятия, но и прогнозировать реакции социума на критические события – экономические кризисы, политические решения, технологические прорывы.

Возникает опасность целенаправленного конструирования общественного мнения, когда граждане получают иллюзию свободного выбора при заранее подготовленных сценариях поведения. Плюрализм мнений может превратиться в «срежиссированную» множественность, где допустимые варианты решений определены алгоритмической селекцией еще до того, как человек осознает себя участником выбора.

Данные трансформируются в новую форму власти – власти предсказывать, моделировать и направлять человеческие решения. Информационные потоки становятся средством влияния, сопоставимым по мощности с традиционными рычагами политического и экономического контроля. Работа с большими данными требует технологической компетентности и этической ответственности одновременно. Общество нуждается в развитии механизмов интеллектуальной защиты – способности противостоять манипулятивным стратегиям и сохранять автономию критического мышления в условиях тотальной цифровизации.

Глобальная перестройка интеллектуального ландшафта: эмпирические свидетельства

XXI век обнажает фундаментальные противоречия неолиберальной модели. ИИ выступает технологическим феноменом и одновременно индикатором глубокой социальной трансформации. Через него проверяется способность общества к самоорганизации, рациональному согласованию развития и формированию общественного интеллекта. Вопрос уже не сводится к скорости внедрения алгоритмов; мерой ценности становится вклад технологий в общественное знание, производительность реального сектора и расширение творческих возможностей человека.

Структурные сдвиги в научно-технологической сфере подтверждаются эмпирическими данными. По данным AI Index 2025 [Maslej et al., 2025], публикационная активность в области ИИ за десятилетие выросла более чем вдвое; в 2023 г. база OpenAlex зафиксировала свыше 242 тыс. публикаций по ИИ в сегменте компьютерных наук, а доля исследований по данной тематике приблизилась к 42% от общего массива работ в этой области. Одновременно усилились позиции Восточной Азии и Тихоокеанского региона, на которые приходится около 35% публикаций и 37% цитирований. Китай формирует более 23% глобальных публикаций и сопоставимую долю цитирований. Это уже не просто количественное смещение в научной статистике, а признак перераспределения центров интеллектуального лидерства.

Патентный ландшафт генеративного ИИ демонстрирует сходную концентрацию. В отчете WIPO [WIPO, 2024] зафиксировано 54 358 патентных семейств в сфере генеративного ИИ за 2014–2023 гг.; из них более 38 тыс. связаны с изобретателями из Китая. Интеллектуальная собственность в этих условиях становится способом закрепления технологического первенства. Вместе с тем накопление патентов способно ограничивать распространение знаний, если ему не противостоят институты общественного доступа, открытой науки и международной исследовательской кооперации.

Отраслевая структура инноваций также меняется. Быстро растут генеративные модели, интеллектуальные системы управления производством, алгоритмы обработки больших данных и промышленные цифровые платформы. Однако цифровая зрелость национальной экономики не может измеряться числом сервисов или скоростью внедрения программных решений. Оценка цифровой зрелости [Благой, Дмитриев, Алькин, 2025] позволяет отделить реальный прирост производительности от статистической иллюзии обновления. Однако

такая диагностика имеет смысл лишь тогда, когда цифровая трансформация рассматривается через ее вклад в промышленную устойчивость, технологический суверенитет и развитие человеческих способностей.

Расширение вычислительных мощностей усиливает неравномерность технологического развития. AI Index 2025 фиксирует рост ресурсов, необходимых для обучения передовых моделей, а также резкое увеличение стоимости разработки наиболее сложных систем [Maslej et al., 2025]. В этих условиях конкурентоспособность все чаще определяется доступом к специализированным процессорам, дата-центрам, облачным сервисам, энергетическим мощностям и квалифицированным исследовательским коллективам. ИИ становится предметом международной технологической конкуренции, где научное лидерство все теснее связано с материальной вычислительной базой. За абстрактной «цифровостью» обнаруживается вполне материальная основа новой власти: энергия, оборудование, инфраструктура, кадры и долгосрочная промышленная политика.

Достижение общественно значимых эффектов невозможно без сильных научно-инженерных школ, соединяющих фундаментальные знания с практикой технологического созидания. Подготовка инженера нового типа должна формировать способность понимать производственные последствия алгоритмических решений, видеть связь данных с реальным сектором и принимать ответственность за социальный результат технического выбора [Дмитриев, 2025a]. Показателен опыт стран, где инженерное образование встроено в долгосрочные приоритеты промышленного развития. Китай в этом отношении демонстрирует последовательное соединение науки, образования, производства и технологического суверенитета.

Технологическая революция, обусловленная становлением интеллектуальных производственных систем, создает материальные предпосылки для освобождения человека от непосредственного участия в рутинных операциях. Перспектива высокоавтоматизированного и знаниеемкого производства [Бодрунов, 2022b] позволяет связать ИИ с высвобождением времени для образования, творчества и научного поиска. Без такого поворота автоматизация сведется к снижению издержек; общественное развитие не получит нового качества. Машина способна снять с человека часть повторяющихся операций, но смысл этого высвобождения определяется тем, будет ли освобожденное время обращено в развитие личности или поглощено новой формой рыночной зависимости.

Воздействие ИИ на труд имеет двойственный характер. Оценки OECD показывают, что около 27% занятости в странах ОЭСР приходится на профессии с высоким риском автоматизации при учете всех автоматизационных технологий, включая ИИ [OECD, 2023]. Более поздняя методика ILO уточняет картину для генеративного ИИ: речь идет преимущественно о перераспределении и усложнении трудовых задач, а не о механическом исчезновении профессий [Gmyrek et al., 2025]. Следовательно, решающим становится качество общественного ответа: переобучение, развитие инженерных и аналитических компетенций, защита профессиональной автономии работника.

Там, где ИИ подчинен сокращению издержек, труд беднеет. Там, где он включен в развитие способностей, труд приобретает новое интеллектуальное содержание.

Совокупность эмпирических данных позволяет сделать три вывода:

- Во-первых, ИИ институционализируется как стандартный инструмент управления производственными, финансовыми, образовательными и коммуникационными процессами.

- Во-вторых, усиливается концентрация вычислительных, патентных и научных ресурсов, формирующая новую конфигурацию технологической конкуренции.

- В-третьих, возрастает значение интеллектуальных компетенций как условия эффективного и безопасного использования алгоритмических систем.

Долгосрочный эффект текущей трансформации будет определяться тем, сумеет ли общество включить ИИ в образование, науку, промышленность и общественную координацию, либо позволит замкнуть его внутри коммерческих платформ, где знание превращается в ренту, а человек – в объект расчета.

Интеллектуально-ориентированная экономика как переходная форма общественного использования ИИ

Переход к интеллектуально-ориентированной экономике сохраняет технологическую основу современного производства, но меняет ее общественное назначение. Машина, алгоритм, модель и вычислительная инфраструктура постепенно должны выходить из подчинения узкой доходности и включаться в расширение общественного знания. В этом проявляется транзитное движение от экономического общества, зависимого от стоимости и капитала, к ноономике; в ней производительные силы получают иное целеполагание: развитие человека, разумное удовлетворение потребностей, высвобождение творческой активности [Бодрунов, 2025].

Интеллектуально-ориентированная экономика возникает там, где знание перестает быть закрытым активом и все в большей мере становится ресурсом совместного развития. Она вовсе не тождественна ноономике; в ней сохраняются собственность, рынок, конкуренция, государственное регулирование, корпоративный интерес и борьба за технологическое лидерство. Однако внутри этой противоречивой формы возникает иной критерий рациональности. Ценность технологии определяется вкладом в знаниеемкость производства, научно-инженерное созидание, сокращение рутинной нагрузки и расширение интеллектуально-креативных возможностей человека.

ИИ в этой системе координат утрачивает статус внешнего цифрового сервиса. Технологии ИИ могут стать средством распределенного познания, соединяющим исследовательские сети, инженерные школы, университеты, производственные объединения и вычислительные мощности общественного значения. Но их назначение связано с поддержкой сложных решений, ускорением научного поиска и переводом интеллектуальных результатов в практику развития. Человеческая мысль сохраняет аксиологическое первенство; алгоритм получает инструментальный статус.

Политэкономический узел проблемы сосредоточен в собственности на данные и модели. Данные обладают высокой общественной отдачей; их применение одним субъектом сохраняет возможность последующего использования другими [Jones, Tonetti, 2020]. Цифровой капитал стремится обратить это свойство в источник закрытой ренты. Информационные следы, научные результаты и поведенческие массивы захватываются платформами, ограждаются юридически и технически, затем возвращаются обществу в форме платных сервисов. Так возникает новое огораживание знания – уже вокруг данных, вычислений и моделей.

Альтернативная траектория предполагает распределенные среды совместного познания. Они обеспечивают производство, проверку и накопление знания; подготовку кадров;

перевод научных достижений в индустриальную практику. Университеты, академические институты, предприятия и исследовательские платформы должны соединяться отношениями соучастия. Концепция знания как общего достояния [Hess, Ostrom, 2007] позволяет увидеть опорное условие такой организации – открытость требует правил доступа, ответственности участников и защиты общих результатов от приватизации.

Открытая наука образует практическую предпосылку этого движения. Международные нормы открытой науки [UNESCO, 2021] расширяют доступ к публикациям, данным, образовательным ресурсам и исследовательской инфраструктуре. Без этого общественное знание остается зависимым от частных платформ, корпоративных облаков и патентных ограждений. Одновременно открытость нуждается в институциональной защищенности: чувствительные данные, критическая инфраструктура и интеллектуальная автономия граждан должны входить в режим общественной ответственности.

ИИ в интеллектуально-ориентированной экономике оценивается иначе, чем в цифровом капитализме. Для цифрового капитала успех выражается в капитализации, удержании пользователя и скорости монетизации. Для нооперехода значима другая мера – способность технологии повышать знаниеемкость производства, сокращать рутинную нагрузку, расширять доступ к образованию и медицине, поддерживать науку и творческое начало. Главным становится «общественная судьба» высвобождаемого времени. Оно может быть поглощено новой интенсификацией труда или превращено в пространство самореализации.

Трансформация потребностей имеет здесь самостоятельное значение. Когда ИИ обслуживает цифровой капитал, он совершенствует персонализированное стимулирование спроса, ускоряет оборот желаний, закрепляет зависимость от платформ и превращает внимание человека в управляемый ресурс. Исследования динамики потребностей при движении к посткапитализму и ноономике [Стасев, Гречко, Тюлина, 2025] позволяют задать иной критерий: технология должна содействовать возвышению потребностей, развитию образования, здоровья, творчества и солидарных форм участия. Иначе ИИ лишь уточняет настройку потребительской зависимости.

Этические нормы работы с данными должны входить в сам способ проектирования ИИ. Они охватывают происхождение данных, обучение моделей, распределение результатов, оценку последствий и право общества ограничивать манипулятивные практики. Квантификация информационного капитала превращает внимание, доверие, эмоциональные реакции и коммуникативные следы пользователей в параметры управляемого поведения. Интеллектуальная безопасность требует встречного движения – сохранения человека в качестве субъекта целеполагания, защиты критического мышления и подчинения алгоритмов общественно признанным нормам ответственности.

Тем самым интеллектуально-ориентированная экономика выступает переходной областью борьбы за общественное содержание ИИ. Она еще принадлежит экономическому обществу, но уже содержит зачатки иной исторической направленности. В ней сталкиваются две тенденции – присвоение знания цифровым капиталом и превращение знания в ресурс общественного прогресса. Исход зависит от того, будут ли данные, вычисления, модели и результаты научного труда встроены в воспроизводство платформенной ренты или станут элементами совместного познания. Именно здесь решается, останется ли ИИ продолжением экономического общества в цифровой форме или станет одним из инструментов нооперехода.

Заключение

ИИ концентрирует главное противоречие современного научно-технического прогресса. Он создается коллективным трудом исследователей, инженеров, работников цифровой инфраструктуры и миллионов пользователей, однако результаты этого труда способны присваиваться ограниченным кругом владельцев платформ. ИИ расширяет доступ к знаниям, повышает производительность и снимает часть рутинных операций. При иной общественной направленности он превращает данные в средство наблюдения, ослабляет профессиональную автономию и подчиняет труд алгоритмическому управлению.

Общественное содержание ИИ заранее не задано. Оно формируется отношениями собственности, характером труда, устройством образования, направленностью государственного регулирования и формами международной кооперации. Цифровой капитал использует интеллектуальные технологии для извлечения ренты, контроля инфраструктуры, коммерческого формирования потребностей и присвоения общественного знания. Ноопереход предполагает иной вектор – повышение знаниеемкости производства, развитие научно-инженерных школ, высвобождение человека из рутинных операций и расширение доступа к результатам познания.

Интеллектуально-ориентированная экономика может стать переходной ступенью такого движения. Ее нельзя отождествлять с ноономикой. Она еще сохраняет зависимость от стоимости, прибыли и товарного принуждения; вместе с тем она создает пространство преобразования, где внутри действующих экономических отношений формируются новые критерии развития. В центре оказываются общественная значимость знания, качество труда, разумность потребностей и доступность результатов научно-технического прогресса.

Для этого требуются общественно значимая вычислительная инфраструктура, открытая наука, защита персональных данных, участие работников в изменении трудовых функций и долгосрочная промышленная политика. Значение имеет не скорость распространения цифровых сервисов, а их вклад в производство общественно полезного знания и расширение интеллектуально-креативных возможностей личности.

Ноопереход требует сознательного общественного выбора. Техническое усложнение машин создает материальные предпосылки; направленность преобразований задается человеком, трудовыми коллективами, научными школами, государством и институтами общественного контроля. ИИ содействует движению к ноономике постольку, поскольку знание служит общественному прогрессу, высвобождаемое время – творческой деятельности, а возросшая производительная мощь – разумному удовлетворению потребностей и солидарному соразвитию.

Здесь проходит граница между ИИ цифрового капитала и ИИ нооперехода. В первом случае разум превращается в вычисляемый ресурс извлечения прибыли; во втором – становится источником общественного развития. Будущее ИИ решается не мощностью моделей и не скоростью вычислений, а социальной адресацией технологии. Она может служить накоплению капитала, платформенной ренте и алгоритмическому контролю. Она же способна работать на человека, общественное знание и свободный творческий труд.

Список источников

- Архипова В. В. (2023). Интеграционные процессы в мировой экономике: нооподход и развитие евразийского пространства // Экономическое возрождение России. № 1(75). С. 35–49. DOI: 10.37930/1990-9780-2023-1-75-35-49.
- Благой Н. А., Дмитриев Н. Д., Алькин К. А. (2025). Моделирование цифровой зрелости национальной экономики и верификация макроэкономических эффектов технологической трансформации // *п-Есопому*. Т. 18. № 6. С. 230–246. DOI: 10.18721/Е.18612.
- Бодрунов С. Д. (2016). Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте. 312 с.
- Бодрунов С. Д. (2018). Переход к перспективному технологическому укладу: анализ с позиции концепций НИО.2 и ноономики // Экономическое возрождение России. № 3(57). С. 5–12.
- Бодрунов С. Д. (2020). Ноономика: траектория глобальной трансформации: монография. М.: ИНИР; Культурная революция. 224 с.
- Бодрунов С. Д. (2022а). Научно-технический прогресс и трансформация общества: ноономика и ноообщество. Часть 1 // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте. Т. 1. № 1. С. 24–42. DOI: 10.37930/2782-618X-2022-1-1-24-42.
- Бодрунов С. Д. (2022b). Новое индустриальное будущее для глобального мира // Экономическое возрождение России. № 2(72). С. 5–23. DOI: 10.37930/1990-9780-2022-2-72-5-23.
- Бодрунов С. Д. (2024а). Политическая экономия как научная платформа для изучения тенденций развития: взгляд через призму теории ноономики // Экономическое возрождение России. № 3(81). С. 5–11. DOI: 10.37930/1990-9780-2024-3-81-5-11.
- Бодрунов С. Д. (2024b). Интеграция как фактор глобальной трансформации общественного устройства // Экономическое возрождение России. № 2(80). С. 5–11. DOI: 10.37930/1990-9780-2024-2-80-5-11.
- Бодрунов С. Д. (2024с). Путь к ноономике: магистральное направление глобального развития // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте. Т. 3. № 1. С. 13–20. DOI: 10.37930/2782-618X-2024-3-1-13-20.
- Бодрунов С. Д. (2025). От экономики – к ноономике: тезисы к вопросу о стратегировании интеллектуально-креативного аспекта (ноо)трансформации общества // Экономическое возрождение России. № 1(83). С. 5–31. DOI: 10.37930/1990-9780-2025-1-83-5-31.
- Бодрунов С. Д., Демиденко Д. С., Плотников В. А. (2018). Реиндустриализация и становление «цифровой экономики»: гармонизация тенденций через процесс инновационного развития // *Управленческое консультирование*. № 2(110). С. 43–54. DOI: 10.22394/1726-1139-2018-2-43-54.
- Глазьев С. Ю. (1993). Теория долгосрочного технико-экономического развития. М.: ВлаДар. 310 с.
- Глазьев С. Ю. (2022). Глобальная трансформация через призму смены технологических и мирохозяйственных укладов // *AlterEconomics*. Т. 19. № 1. С. 93–115. DOI: 10.31063/AlterEconomics/2022.19-1.6.
- Гречко М. В., Плешивцева А. А. (2025). Роль культурного фактора при ноопереходе к ноономике // *Гуманитарий Юга России*. Т. 14. № 5. С. 61–76. DOI: 10.18522/2227-8656.2025.5.4.
- Десаи Р. (2024). Геополитическая экономия и ноономика против рыночной экономики // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте. Т. 3. № 3. С. 42–57. DOI: 10.37930/2782-618X-2024-3-3-42-57.

- Дмитриев Н. Д. (2025a). Междисциплинарная модель инженерной подготовки на основе синтеза бизнес-статистики и интеллектуальных технологий управления производственно-экономическими системами // Инженер настоящего и будущего: практика и перспективы развития партнерства в высшем техническом образовании: сборник материалов конференции. С. 202–211.
- Дмитриев Н. Д. (2025b). Региональная идентичность как фактор формирования гражданской устойчивости и консолидации в условиях внешнеполитических вызовов // Российская политика в условиях современной международно-политической напряженности: сборник материалов конференции. С. 233–239.
- Кондратьев Н. Д. (2002). Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения: избранные труды. М.: Экономика. 765 с.
- Солнцев А. К. (2024). Разработка стратегии интеллектуального потенциала в знание-емкой экономике // Стратегирование: теория и практика. Т. 4. № 4. С. 523–536. DOI: 10.21603/2782-2435-2024-4-4-523-536.
- Стасев М. А., Гречко М. В., Тюлина З. Н. (2025). Влияние культурного фактора на динамику трансформации потребностей при переходе к (пост)капитализму и ноономике // Journal of Economic Regulation. Т. 16. № 3. С. 65–76. DOI: 10.17835/2078-5429.2025.16.3.065-076.
- Хабибуллина З. Р. (2022). От противоречий экономики к возможностям ноономики: концептуальное переосмысление // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте. Т. 1. № 2. С. 76–84. DOI: 10.37930/2782-618X-2022-1-2-76-84.
- Acemoglu D. (2021). Harms of AI. NBER Working Paper No. 29247. Cambridge, MA: National Bureau of Economic Research. DOI: 10.3386/w29247.
- Brynjolfsson E. (2022). The Turing Trap: The Promise & Peril of Human-Like Artificial Intelligence // Dædalus. Vol. 151. No. 2. P. 272–287. DOI: 10.1162/daed_a_01915.
- Brynjolfsson E., Li D., Raymond L. (2025). Generative AI at Work // The Quarterly Journal of Economics. Vol. 140. No. 2. P. 889–942. DOI: 10.1093/qje/qjae044.
- Doshi A. R., Hauser O. P. (2024). Generative AI Enhances Individual Creativity but Reduces the Collective Diversity of Novel Content // Science Advances. Vol. 10. No. 28. Article eadn5290. DOI: 10.1126/sciadv.adn5290.
- Freeman C., Louçã F. (2001). As Time Goes By: From the Industrial Revolutions to the Information Revolution. Oxford: Oxford University Press. 407 p.
- Gmyrek P., Berg J., Kamiński K., Konopczyński F., Ładna A., Nafradi B., Rosłaniec K., Troszyński M. (2025). Generative AI and Jobs: A Refined Global Index of Occupational Exposure. ILO Working Paper No. 140. Geneva: International Labour Organization. DOI: 10.54394/HETP0387.
- Hess C., Ostrom E. (eds.) (2007). Understanding Knowledge as a Commons: From Theory to Practice. Cambridge, MA: MIT Press. 367 p.
- Jones C. I., Tonetti C. (2020). Nonrivalry and the Economics of Data // American Economic Review. Vol. 110. No. 9. P. 2819–2858. DOI: 10.1257/aer.20191330.
- Kellogg K. C., Valentine M. A., Christin A. (2020). Algorithms at Work: The New Contested Terrain of Control // Academy of Management Annals. Vol. 14. No. 1. P. 366–410. DOI: 10.5465/annals.2018.0174.
- Maslej N., Fattorini L., Perrault R., Gil Y., Parli V., Kariuki N., Capstick E., Reuel A., Brynjolfsson E., Etchemendy J., Ligett K., Lyons T., Manyika J., Niebles J. C., Shoham Y., Wald R., Walsh T. et al.

- (2025). The AI Index 2025 Annual Report. Stanford, CA: Stanford Institute for Human-Centered Artificial Intelligence.
- Mora-López J. P., Lopez-Lopez D., Rivera-Hernaez O. (2025). Unveiling the Generative AI Boom: What Hype Metrics Reveal for Digital Business and E-commerce // *Electronic Commerce Research*. Online first. DOI: 10.1007/s10660-025-09984-0.
- OECD (2023). *OECD Employment Outlook 2023: Artificial Intelligence and the Labour Market*. Paris: OECD Publishing. DOI: 10.1787/08785bba-en.
- OECD (2025). *Competition in Artificial Intelligence Infrastructure*. OECD Roundtables on Competition Policy Papers. No. 330. Paris: OECD Publishing. DOI: 10.1787/623d1874-en.
- Perez C. (2002). *Technological Revolutions and Financial Capital: The Dynamics of Bubbles and Golden Ages*. Cheltenham; Northampton: Edward Elgar. 198 p.
- Rikap C. (2024). Varieties of Corporate Innovation Systems and Their Interplay with Global and National Systems: Amazon, Facebook, Google and Microsoft's Strategies to Produce and Appropriate Artificial Intelligence // *Review of International Political Economy*. Vol. 31. No. 6. P. 1735–1763. DOI: 10.1080/09692290.2024.2365757.
- Roco M. C., Bainbridge W. S. (eds.) (2002). *Converging Technologies for Improving Human Performance: Nanotechnology, Biotechnology, Information Technology and Cognitive Science*. NSF/DOC-sponsored report. Arlington, VA: National Science Foundation.
- UNCTAD (2025). *Technology and Innovation Report 2025: Inclusive Artificial Intelligence for Development*. Geneva: United Nations. UNCTAD/TIR/2025.
- UNESCO (2021). *Recommendation on Open Science*. Paris: UNESCO. DOI: 10.54677/MNMH8546.
- WIPO (2024). *Patent Landscape Report: Generative Artificial Intelligence*. Geneva: World Intellectual Property Organization. DOI: 10.34667/tind.49740.

References

- Arkhipova V. V. (2023). Integration Processes in the Global Economy: A Noo-Approach and the Development of the Eurasian Space. *Economic Revival of Russia*. Vol. 75. No. 1. Pp. 35–49. DOI: 10.37930/1990-9780-2023-1-75-35-49. (In Russ.).
- Blagoy N. A., Dmitriev N. D., Al'kin K. A. (2025). Modeling the Digital Maturity of the National Economy and Verifying the Macroeconomic Effects of Technological Transformation. *π-Economy*. Vol. 18. No. 6. Pp. 230–246. DOI: 10.18721/JE.18612.
- Bodrunov S. D. (2016). *The Coming of New Industrial State: Reloaded*. St. Petersburg: S. Y. Witte INID. 312 p. (In Russ.).
- Bodrunov S. D. (2018). Transition to a Promising Technological Order: Analysis from the Perspective of the Concepts of NIS.2 and Noonomy. *Economic Revival of Russia*. Vol. 57. No. 3. Pp. 5–12. (In Russ.).
- Bodrunov S. D. (2020). *Noonomy: The Trajectory of Global Transformation*. Moscow: S. Y. Witte INID, Kulturnaya revolyutsiya. 224 p. (In Russ.).
- Bodrunov S. D. (2022a). Scientific and Technological Progress and the Transformation of Society: Noonomy and Noosociety. Part 1. *Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works of the S. Y. Witte INID*. Vol. 1. No. 1. Pp. 24–42. DOI: 10.37930/2782-618X-2022-1-1-24-42 (In Russ.). (In Russ.).
- Bodrunov S. D. (2022b). A New Industrial Future for the Global World. *Economic Revival of Russia*. Vol. 72. No. 2. Pp. 5–23. DOI: 10.37930/1990-9780-2022-2-72-5-23. (In Russ.).

- Bodrunov S. D. (2024a). Political Economy as a Scientific Platform for Studying Development Trends: A View Through the Prism of Noonomy Theory. *Economic Revival of Russia*. Vol. 81. No. 3. Pp. 5–11. DOI: 10.37930/1990-9780-2024-3-81-5-11. (In Russ.).
- Bodrunov S. D. (2024b). Integration as a Factor in the Global Transformation of Social Structure. *Economic Revival of Russia*. Vol. 80. No. 2. Pp. 5–11. DOI: 10.37930/1990-9780-2024-2-80-5-11. (In Russ.).
- Bodrunov S. D. (2024c). A Path to Noonomy: The Main Direction for Global Development. *Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works of the S. Y. Witte INID*. Vol. 3. No. 1. Pp. 13–20. DOI: 10.37930/2782-618X-2024-3-1-13-20. (In Russ.).
- Bodrunov S. D. (2025). From Economy to Noonomy (Theses on the Issue of the Intellectual-Creative Aspect Strategy of the Societal (Noo) Transformation). *Economic Revival of Russia*. Vol. 83. No. 1. Pp. 5–31. DOI: 10.37930/1990-9780-2025-1-83-5-31. (In Russ.).
- Bodrunov S. D., Demidenko D. S., Plotnikov V. A. (2018). Reindustrialization and Formation of “Digital Economy”: Harmonization of Tendencies Through Process of Innovative Development. *Administrative Consulting*. Vol. 110. No. 2. Pp. 43–54. DOI: 10.22394/1726-1139-2018-2-43-54. (In Russ.).
- Glazyev S. Y. (1993). *The Theory of Long-Term Techno-Economic Development*. Moscow: VlaDar. 310 p. (In Russ.).
- Glazyev S. Y. (2022). Global Transformations from the Perspective of Technological and Economic World Order Change. *AlterEconomics*. Vol. 19. No. 1. Pp. 93–115. DOI: 10.31063/AlterEconomics/2022.19-1.6. (In Russ.).
- Grechko M. V., Pleshivtseva A. A. (2025). The Role of Cultural Factor in the Transition to Noonomy. *Humanities of the South of Russia*. Vol. 14. No. 5. Pp. 61–76. DOI: 10.18522/2227-8656.2025.5.4. (In Russ.).
- Desai R. (2024). Geopolitical Economy and Noonomy Against Marketist Economics. *Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works of the S. Y. Witte INID*. Vol. 3. No. 3. Pp. 42–57. DOI: 10.37930/2782-618X-2024-3-3-42-57. (In Russ.).
- Dmitriev N. D. (2025a). An Interdisciplinary Model of Engineering Training Based on the Synthesis of Business Statistics and Intelligent Technologies for Managing Production and Economic Systems In: *Engineer of the Present and Future: Practice and Prospects for Developing Partnerships in Higher Technical Education: Conference Proceedings*. Pp. 202–211. (In Russ.).
- Dmitriev N. D. (2025b). Regional Identity as a Factor in the Formation of Civil Resilience and Consolidation in the Context of Foreign Policy Challenges In: *Russian Policy in the Context of Modern International Political Tensions: Conference Proceedings*. Pp. 233–239. (In Russ.).
- Kondratiev N. D. (2002). *Large Cycles of Economic Conditions and the Theory of Foresight: Selected Works*. Moscow: Ekonomika. 765 p. (In Russ.).
- Solntsev A. K. (2024). Developing a Strategy for Intellectual Potential in a Knowledge-Intensive Economy. *Strategizing: Theory and Practice*. Vol. 4. No. 4. Pp. 523–536. DOI: 10.21603/2782-2435-2024-4-4-523-536. (In Russ.).
- Stasev M. A., Grechko M. V., Tyulina Z. N. (2025). The Influence of the Cultural Factor on the Dynamics of Needs Transformation during the Transition to (Post)Capitalism and Noonomy. *Journal of Economic Regulation*. Vol. 16. No. 3. Pp. 65–76. DOI: 10.17835/2078-5429.2025.16.3.065-076. (In Russ.).

- Khabibullina Z. R. (2022). From Contradictions of the Economy to the Opportunities of Noonomy: A Conceptual Rethinking. *Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works of the S. Y. Witte INID*. Vol. 1. No. 2. Pp. 76–84. DOI: 10.37930/2782-618X-2022-1-2-76-84. (In Russ.).
- Acemoglu D. (2021). Harms of AI. *NBER Working Papers*. No. 29247. Cambridge, MA: National Bureau of Economic Research. DOI: 10.3386/w29247.
- Brynjolfsson E. (2022). The Turing Trap: The Promise & Peril of Human-Like Artificial Intelligence. *Dædalus*. Vol. 151. No. 2. Pp. 272–287. DOI: 10.1162/daed_a_01915.
- Brynjolfsson E., Li D., Raymond L. (2025). Generative AI at Work. *The Quarterly Journal of Economics*. Vol. 140. No. 2. Pp. 889–942. DOI: 10.1093/qje/qjae044.
- Doshi A. R., Hauser O. P. (2024). Generative AI Enhances Individual Creativity but Reduces the Collective Diversity of Novel Content. *Science Advances*. Vol. 10. No. 28. Article eadn5290. DOI: 10.1126/sciadv.adn5290.
- Freeman C., Louçã F. (2001). *As Time Goes By: From the Industrial Revolutions to the Information Revolution*. Oxford: Oxford University Press. 407 p.
- Gmyrek P., Berg J., Kamiński K., Konopczyński F., Ładna A., Nafradi B., Rosłaniec K., Troszyński M. (2025). Generative AI and Jobs: A Refined Global Index of Occupational Exposure. *ILO Working Papers*. No. 140. Geneva: International Labour Organization. DOI: 10.54394/HETP0387.
- Hess C., Ostrom E. (Eds.) (2007). *Understanding Knowledge as a Commons: From Theory to Practice*. Cambridge, MA: MIT Press. 367 p.
- Jones C. I., Tonetti C. (2020). Nonrivalry and the Economics of Data. *American Economic Review*. Vol. 110. No. 9. Pp. 2819–2858. DOI: 10.1257/aer.20191330.
- Kellogg K. C., Valentine M. A., Christin A. (2020). Algorithms at Work: The New Contested Terrain of Control. *Academy of Management Annals*. Vol. 14. No. 1. Pp. 366–410. DOI: 10.5465/annals.2018.0174.
- Maslej N., Fattorini L., Perrault R., Gil Y., Parli V., Kariuki N., Capstick E., Reuel A., Brynjolfsson E., Etchemendy J., Ligett K., Lyons T., Manyika J., Niebles J. C., Shoham Y., Wald R., Walsh T. et al. (2025). *The AI Index 2025 Annual Report*. Stanford, CA: Stanford Institute for Human-Centered Artificial Intelligence.
- Mora-López J. P., Lopez-Lopez D., Rivera-Hernaez O. (2025). Unveiling the Generative AI Boom: What Hype Metrics Reveal for Digital Business and E-commerce. *Electronic Commerce Research. Online First*. DOI: 10.1007/s10660-025-09984-0.
- n. a. (2023). OECD Employment Outlook 2023: Artificial Intelligence and the Labour Market. *OECD*. Paris: OECD Publishing. DOI: 10.1787/08785bba-en.
- n. a. (2025). Competition in Artificial Intelligence Infrastructure. OECD Roundtables on Competition Policy Papers, No. 330. *OECD*. Paris: OECD Publishing. DOI: 10.1787/623d1874-en.
- Perez C. (2002). *Technological Revolutions and Financial Capital: The Dynamics of Bubbles and Golden Ages*. Cheltenham; Northampton: Edward Elgar. 198 p.
- Rikap C. (2024). Varieties of Corporate Innovation Systems and Their Interplay with Global and National Systems: Amazon, Facebook, Google and Microsoft's Strategies to Produce and Appropriate Artificial Intelligence. *Review of International Political Economy*. Vol. 31. No. 6. Pp. 1735–1763. DOI: 10.1080/09692290.2024.2365757.
- Roco M. C., Bainbridge W. S. (Eds.) (2002). *Converging Technologies for Improving Human Performance: Nanotechnology, Biotechnology, Information Technology and Cognitive Science*. NSF/DOC-sponsored Report. Arlington, VA: National Science Foundation.

- n. a. (2025). Technology and Innovation Report 2025: Inclusive Artificial Intelligence for Development. *UNCTAD*. Geneva: United Nations. UNCTAD/TIR/2025.
- n. a. (2021). Recommendation on Open Science. *UNESCO*. Paris: UNESCO. DOI: 10.54677/MNMH8546.
- n. a. (2024). Patent Landscape Report: Generative Artificial Intelligence. *WIPO*. Geneva: World Intellectual Property Organization. DOI: 10.34667/tind.49740.

Информация об авторе

Дмитриев Николай Дмитриевич

Заместитель директора по научно-методической работе, Институт ноономики и Нового индустриального развития имени С. Ю. Витте, кандидат экономических наук (197101, РФ, Санкт-Петербург, Большая Монетная ул., 16), доцент Высшей инженерно-экономической школы, заведующий лабораторией «Моделирование и цифровизация социально-экономических систем», Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (195251, РФ, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29)

E-mail: dmitriev_nd@spbstu.ru; dnd@inir.ru

Information about the author

Nikolay D. Dmitriev

Candidate of Economic Sciences, Deputy Director for Scientific and Methodological Work at the S.Y. Witte Institute of Noonomy and New Industrial Development (16 Bolshaya Monetnaya ul., St. Petersburg, 197101, Russia), Assistant Professor at the Graduate School of Industrial Economics, Head of the Modeling and Digitalization of Socio-Economic Systems Laboratory at the Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (29 Politekhnicheskaya ul., St. Petersburg, 195251, Russia),

E-mail: dmitriev_nd@spbstu.ru; dnd@inir.ru

DOI: 10.37930/2782-618X-2026-5-2-98-111

Аднан Акфырат

Турецко-Китайская ассоциация развития бизнеса и дружбы (Стамбул, Турция)

ЕВРАЗИЙСКАЯ ОСЬ МНОГОСТОРОННЕГО ПОРЯДКА: СОТРУДНИЧЕСТВО ТУРЦИИ, РОССИИ И КИТАЯ И СТРОИТЕЛЬСТВО ГЛОБАЛЬНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ

Аннотация: формируется новый международный порядок. Вопрос уже не в том, завершается ли однополярность. Главный вопрос состоит в том, будет ли новая расстановка сил организована через военные блоки и экономическое принуждение или через многостороннее сотрудничество суверенных государств. В статье развивается предложение, представленное на Санкт-Петербургском экономическом конгрессе 2026 года: Турция, Россия и Китай могут создать практическую евразийскую ось для строительства устойчивого многостороннего порядка. Слово «ось» используется здесь в смысле XXI века. Оно не означает закрытый лагерь или иерархию под руководством одной державы. Оно означает стратегическую координацию национальных государств, сохраняющих суверенитет и одновременно наращивающих общие возможности в энергетике, транспорте, промышленности, финансах, технологиях и дипломатии.

Материальная основа такой координации уже существует. Россия обладает энергетической глубиной, оборонным потенциалом, стратегическими сырьевыми ресурсами и евразийским охватом. Китай обладает производственной мощностью, финансовыми возможностями, технологиями и способностью строить инфраструктуру. Турция находится на пересечении Европы, Азии и Африки, располагая выходом к морям, промышленным опытом, транспортными сетями и государственной традицией, способна вести дипломатию между конфликтующими регионами. Их сотрудничество может связать инициативу «Пояс и путь», Средний коридор, Черное море, Каспийский бассейн и западно-азиатские коридоры. Оно может создать более прочные производственные цепочки, снизить зависимость от одностороннего финансового давления и поддержать суверенные решения в Западной Азии, на Кавказе и в Черноморском регионе. В статье утверждается, что многополярность не должна сводиться к простому равновесию соперничающих полюсов. Ее необходимо поднять до уровня многостороннего порядка. Сотрудничество Турции, России и Китая может стать одной из главных линий такого перехода.

Ключевые слова: Турция, Россия, Китай, Евразия, многосторонность, многополярность, инициатива «Пояс и путь», Средний коридор, финансовая диверсификация, Западная Азия, стратегическая автономия

Для цитирования: Акфырат А. (2026). Евразийская ось многостороннего порядка: сотрудничество Турции, России и Китая и строительство глобальной стабильности // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте. Т. 5, № 2, С. 98–111. DOI: 10.37930/2782-618X-2026-5-2-98-111

Adnan Akfırat

Turkish-Chinese Business Development and Friendship Association (Istanbul, Türkiye)

A EURASIAN AXIS FOR A MULTILATERAL ORDER: TÜRKİYE-RUSSIA-CHINA COOPERATION AND THE CONSTRUCTION OF GLOBAL STABILITY

Abstract: A new international order is emerging. The central issue is no longer whether unipolarity is coming to an end. Rather, the key question is whether the new distribution of power will be organized through military blocs and economic coercion, or through multilateral cooperation among sovereign states. This article expands upon a proposal presented at the St. Petersburg Economic Congress 2026, suggesting that Türkiye, Russia, and China can establish a viable Eurasian axis to construct a stable multilateral order. The term “axis” is used here in its twenty-first-century context, implying neither a closed camp nor a hierarchy dominated by a single power. Instead, it signifies strategic coordination among nation-states that preserve their sovereignty while enhancing shared capabilities in energy, transportation, industry, finance, technology, and diplomacy.

The material foundation for such coordination is already in place. Russia possesses energy depth, defense capabilities, strategic raw materials, and a vast Eurasian reach. China offers manufacturing power, financial resources, advanced technologies, and infrastructure-building capacity. Situated at the crossroads of Europe, Asia, and Africa, Türkiye possesses maritime access, industrial expertise, transport networks, and a deep-rooted state tradition, making it uniquely capable of conducting diplomacy across volatile regions. Their cooperation has the potential to interlink the Belt and Road Initiative, the Middle Corridor, the Black Sea, the Caspian Basin, and West Asian corridors. Consequently, it can foster more resilient supply chains, mitigate vulnerability to unilateral financial pressure, and reinforce sovereign solutions in West Asia, the Caucasus, and the Black Sea region. The article argues that multipolarity must transcend a mere balance of competing poles and be elevated to a multilateral order, with Türkiye-Russia-China cooperation serving as a primary driver of this transition.

Keywords: Türkiye, Russia, China, Eurasia, multilateralism; multipolarity; Belt and Road Initiative; Middle Corridor; financial diversification; West Asia; strategic autonomy; sovereign development.

For citation: Akfırat A. (2026). A Eurasian Axis for a Multilateral Order: Türkiye-Russia-China Cooperation and the Construction of Global Stability. *Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works of the S. Y. Witte INID*, Vol. 5, No. 2, pp. 98–111. DOI: 10.37930/2782-618X-2026-5-2-98-111

Адеман·Акфилат

Турция Китай бизнес и дружество ассоциация (Турция, Истанбул)

Многосторонний миропорядок Евразии — Турция-Россия-Китай сотрудничество и глобальная стабильность

Аннотация: Новый мировой порядок формируется. Вопрос уже не в том, закончат ли времена однополярности. Основная проблема заключается в том, что новая сила格局 будет построена на военной группировке и экономической угрозе, или же на многостороннем сотрудничестве между суверенными государствами. В статье более подробно рассматриваются предложения, выдвинутые на Петербургском экономическом форуме 2026 года: Турция, Россия и Китай могут создать осуществимую Евразийскую ось, для построения устойчивого многостороннего порядка. Здесь «ось» — термин 21-го века. Он не означает закрытых лагерей, не означает доминирования одной державы. Он означает стратегическое сотрудничество между суверенными государствами, которые, сохраняя суверенитет, совместно укрепляют возможности в энергетике, транспорте, промышленности, финансах, технологиях и дипломатии.

Такого рода материальная основа уже существует. Россия обладает большими запасами энергии, мощными оборонными возможностями, стратегическими сырьевыми ресурсами и географическим преимуществом в Евразии. Китай обладает производственными возможностями, финансовыми возможностями, технологическими преимуществами и возможностями строительства инфраструктуры. Турция расположена в Европе, Азии и Африке, имеет выход к морю, промышленный опыт, транспортную сеть и национальные традиции, способные в конфликтных регионах проводить дипломатию. Сотрудничество между двумя странами может превратить «Один пояс, один путь», Средний коридор, Черное море, Каспийский бассейн и Западный коридор в единую сеть. Такое сотрудничество может построить более прочную цепочку, снизить зависимость от одностороннего финансового давления и поддержать Запад, Кавказ и Черноморский регион. В статье указывается, что многополюсность не должна быть сведена к простому балансу между конкурентными полюсами, а должна быть поднята на уровень многостороннего порядка. Сотрудничество Турции, России и Китая может стать одним из основных путей этой трансформации.

Ключевые слова: Турция, Россия, Китай, Европа, многосторонность, многополюсность, «Один пояс, один путь», Средний коридор, финансовая диверсификация, Запад, стратегическая независимость.

Ссылка на цитату: Адеман·Акфилат (2026). «Многосторонний миропорядок Евразии — Турция-Россия-Китай сотрудничество и глобальная стабильность//Экономика и общество. Журнал новых исследований в развитии экономики», Vol. 5, No. 2, pp. 98–111. DOI: 10.37930/2782-618X-2026-5-2-98-111

Введение

На наших глазах формируется новый международный порядок. Это не пророчество; это неоспоримый факт нынешней эпохи. Экономический вес сместился на восток и юг, стратегические коридоры стали решающими, энергетическая безопасность вернулась в центр политики, а финансовые механизмы открыто используются как инструменты давления. Эпоха однополярного диктата достигла своего исторического предела. То, что будет после нее, определяется не столько заявлениями и декларациями, сколько государствами, способными создавать новые материальные и институциональные формы сотрудничества. Это будут определять государства, способные строить дороги, порты, трубопроводы, производственные цепочки, платежные системы и дипломатические платформы.

Выдвинутое в статье предложение является довольно прямым. Турция, Россия и Китай могут сформировать одну из наиболее реалистичных осей для построения многостороннего мирового порядка в Евразии. В более развитой форме такое сотрудничество может приобрести характер альянса. Это слово не должно оставаться закрытым в лексиконе XX века. Альянс не обязательно должен означать закрытый военный лагерь, жесткий идеологический блок или подчинение более мелких игроков покровителю. В нынешнем столетии национальные государства вновь становятся главными действующими лицами

в международной политике. Им действительно необходимо создать такие формы разделения власти, которые защищают суверенитет, расширяют экономический потенциал и снижают уязвимость перед внешним давлением. Необходимая форма ясна: совместный рост посредством обмена, без отказа от суверенитета.

Материальная основа прочна. Россия – ключевая держава в энергетике, обороне, производстве стратегического сырья и в евразийском пространстве. Китай – локомотив производства, финансов, технологий и строительства инфраструктуры. Турция – ключевое звено на пересечении Европы, Азии и Африки. Ее географическое положение обеспечивает доступ к Черному морю, Средиземному морю, Балканам, Кавказу, Западной Азии и тюркскому миру. Промышленность, порты, железные дороги, логистические сети и дипломатическая память делают Турцию не просто транзитной страной. Турция может стать центром производства и распределения для всей евразийской экономики в целом.

В данной статье развивается основной тезис доклада, представленного на Санкт-Петербургском экономическом конгрессе в марте 2026 г.: Турция, Россия и Китай могут выступать в качестве стабилизирующего евразийского столпа в формировании нового многополярного мирового порядка. В докладе подчеркивалось, что мировая политика переходит от концентрации к распределению, от гиперглобализации к устойчивости, и от централизации к диверсификации. Также указывалось на стратегическую важность инициативы «Один пояс, один путь», Евразийского экономического союза и Срединного коридора как составляющих возможной евразийской архитектуры координации. Задача теперь состоит в том, чтобы превратить это политическое предложение в связный научный аргумент, не ослабляя при этом его стратегическую силу. Статья затрагивает пробел в нынешней дискуссии о многополярности: материальные и институциональные условия, при которых многополярность может превратиться в многополярный порядок. Существующие дискуссии часто описывают упадок однополярности или подъем новых центров; меньше внимания уделяется конкретным евразийским механизмам, которые могут предотвратить превращение нового баланса в блоковую конфронтацию.

Таким образом, главный вопрос ясен: как организовать многополярность так, чтобы она не превратилась в борьбу между соперничающими полюсами? Многополярность – это факт распределения власти, которая описывает существование нескольких центров. Многополярность – это метод упорядочения, которое определяет, как эти центры взаимодействуют друг с другом. Мир, в котором существует несколько держав, может привести к балансу, а может и к более масштабной войне санкций, коридоров и военных фронтов. Разница зависит от институтов, практики консультаций, экономической взаимозависимости и уважения суверенитета. Сотрудничество между Турцией, Россией и Китаем важно, поскольку оно может способствовать превращению Евразии в одну из главных зон, где многополярность обретает многостороннюю форму.

От многополярности к многосторонней структуре

Многополярность не следует рассматривать как опасность саму по себе. Это исторический результат подъема Азии, роста новых промышленных центров, восстановления национального суверенитета и ослабления модели, основанной на одностороннем господстве. Проблема возникает тогда, когда новые полюса вступают в конфронтацию, а не в координацию. Институты, сформированные при старом балансе сил, все чаще не отражают новое

распределение производства, торговли, населения и стратегической инициативы; новый порядок еще не обзавелся достаточным количеством институтов. Этот разрыв создает опасность войн экономических коридоров, финансовых блокад и региональных конфликтов.

Многостороннее взаимодействие – ответ на эту опасность. Оно основано на суверенном равенстве государств, одном из центральных принципов Устава Организации Объединенных Наций¹. Однако этот принцип не может существовать лишь как формальная фраза. Он должен быть воплощен в институтах, торговых маршрутах, инвестиционных механизмах, энергетических проектах и дипломатических обязательствах. Многосторонний порядок требует материальной основы. Без железных дорог, трубопроводов, портов, платежных систем, банков развития и надежных производственных цепочек дипломатия остается слабой и нестабильной.

Мировая экономика уже указывает в этом направлении. Конференция ООН по торговле и развитию сообщила, что объем мировой торговли достиг рекордных 33 триллионов долларов в 2024 году, при этом развивающиеся экономики и обмены между странами Юга сыграли важную роль в этом росте.² Это не временное изменение торговых показателей. Оно отражает более глубокий исторический сдвиг – производство, спрос, инфраструктура и население больше не сосредоточены в Атлантическом центре. Политическая структура мира должна адаптироваться к этому движению.

Инициативу «Один пояс, один путь» следует рассматривать не только как инфраструктурное направление, но и как поле дипломатических маневров. Активное участие Турции в этой инициативе расширяет ее возможности по интеграции региональных проектов в глобальную дипломатию и позволяет избежать привязки к одному стратегическому направлению [Gökçay, 2019/2020, pp. 43–54]. Коридоры – это не нейтральные линии на карте. Они создают политическое пространство. Они позволяют государствам уменьшить зависимость от одного центра и связать национальное развитие с более широкими региональными проектами.

Та же логика прослеживается и в подъеме региональных блоков и институтов. Нынешняя трансформация не ограничивается изменением числа великих держав; она также требует форм сотрудничества, способных решать общие проблемы за пределами старой институциональной иерархии, возглавляемой Западом [Gao & Durdu, 2025, pp. 47–84]. По этой причине ось Турция-Россия-Китай следует оценивать по ее способности создавать институты, практике консультаций и материальным связям, а не по лексике политики разделения на лагеря XX века.

Ось Турция-Россия-Китай приобретает ценность, поскольку каждая страна вносит свой вклад в решение этой задачи, обладая различными возможностями. Россия обеспечивает энергетический потенциал и стратегическую глубину. Китай – производство, финансы и технологии. Турция – географическую взаимосвязь, промышленный опыт, региональный доступ и дипломатическую инициативу. Однако ни одна из этих возможностей сама по себе не является достаточной. Вместе они могут создать линию стабильности от Восточной Азии до Средиземноморья.

¹ Организация Объединенных Наций. Устав Организации Объединенных Наций. Сан-Франциско, 1945 год URL: <https://www.un.org/en/about-us/un-charter>.

² Конференция ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД). Обзор мировой торговли: март 2025 года Женева, 2025 год. URL: <https://unctad.org/publication/global-trade-update-march-2025>.

Материальная основа евразийской оси

Любое серьезное предложение в международной политике должно начинаться с материальных реалий. Ось Турция-Россия-Китай реалистична, потому что она опирается на взаимодополняющие возможности, а не на желания. Влияние России обусловлено устойчивостью государства, энергетикой, обороной, сырьевыми ресурсами и географическим положением. Она связывает Арктику, Черное море, Каспийское море, Центральную Азию и Восточную Азию. Влияние Китая обусловлено его производственным потенциалом, финансированием инфраструктуры, технологическими возможностями и масштабами внутреннего рынка. Влияние Турции же обусловлено ее положением между континентами, промышленной базой, портами и транспортными путями, а также способностью одновременно взаимодействовать с несколькими политическими регионами.

Экономическая структура самой Турции делает этот вопрос критичным. Статистика внешней торговли согласно TÜİK за декабрь 2024 года показывает, что Китай и Российская Федерация были двумя крупнейшими источниками импорта Турции в 2024 году: Китай – 44,9 млрд долларов, Россия – 44,0 млрд долларов¹. Это не случайная зависимость, созданная одним решением правительства. Она отражает структуру энергоснабжения, промежуточных товаров, промышленных ресурсов и географическое положение Евразии. Хотя банковская политика и в целом политический курс Турции по-прежнему формируются под влиянием западных моделей, ее энергетическая безопасность и обеспечение потребностей промышленности все больше движутся в сторону Евразии.

Результат политики очевиден. Турции нужны евразийские партнеры для обеспечения энергетической безопасности и поставок промышленного сырья, а ее положение между Азией, Европой и Африкой предоставляет Китаю и России важные возможности для производства и сбыта. Турция не должна оставаться пассивным рынком для импортных товаров или маршрутом, используемым другими странами. Она должна стать центром, где встречаются китайские технологии, российское сырье и турецкие производственные мощности.

Такое предложение соответствует долгосрочной стратегии Китая. Инициатива «Один пояс, один путь», Глобальная инициатива развития, Глобальная инициатива безопасности и Глобальная цивилизационная инициатива указывают на попытку построить отношения за пределами старой иерархии международной системы. Их общая лексика – равенство, взаимная выгода и уважение. Независимо от того, согласен ли кто-либо со всеми элементами китайской политики или нет, для данной статьи важно следующее: Китай предлагает инфраструктурные, финансовые и экономические инструменты именно в тот момент, когда многие государства ищут альтернативы санкциям, нравоучениям и зависимости.

Роль России столь же очевидна. Западные санкции подтолкнули Россию к углублению своей ориентации на Азию и Евразию. Иногда это рассматривается как временная реакция на ситуацию в Украине. Такая интерпретация является весьма ограниченной. Географическая и экономическая мощь России всегда была связана с Евразией. Нынешний период ускоряет уже начавшееся движение: энергетические потоки, транспортные коридоры, платежные системы и механизмы безопасности в большей степени движутся в сторону континентальной логики.

¹ Турецкий статистический институт (TÜİK). Статистика внешней торговли, декабрь 2024 года. Пресс-релиз № 53538, 31 января 2025 г. URL: <https://data.tuik.gov.tr/Bulten/Index?p=Foreign-Trade-Statistics-December-2024-53538>.

Турция находится на ключевом перекрестке этого движения. Ее членство в НАТО не отменяет ее евразийских реалий. Напротив, это делает стратегический выбор Турции более наглядным. Турция может оставаться в рамках, установленных атлантической дисциплиной, или же выступать в качестве суверенного центра, открывающего каналы связи между регионами. Второй вариант больше соответствует географическому положению, экономике и республиканским государственным традициям Турции. Турция, углубляющая сотрудничество с Россией и Китаем, не теряет своей международной ценности, а, наоборот, повышает ее.

Энергетика и транспорт: передний край построения нового порядка

Энергетика и транспорт составляют первый эшелон оси Турция-Россия-Китай. Новый порядок нельзя построить одними лишь речами. Для этого нужны пути сообщения. Российские энергетические ресурсы, китайский капитал и технологии, а также турецкие трубопроводы, порты, железные дороги и промышленные зоны могут создать евразийский пояс производства и благосостояния. Этот пояс соединит Черное море со Средиземным морем, Каспийское море со Средним коридором, «Дорогу развития» с инициативой «Один пояс, один путь», а Западную Азию с Европой.

Стратегическое значение этой связи очевидно. Энергетическая нестабильность быстро приводит к инфляции, сбоям в промышленности, социальному давлению и зависимости внешней политики. Нестабильность в транспортной сфере задерживает производство, увеличивает издержки и превращает географическое положение в оружие. Страна, зависящая от одного морского пути, одного финансового центра или принуждения одного альянса, не может действовать свободно. Решение – диверсификация. Диверсификация – это не фрагментация, а условие устойчивости.

Китайский потенциал в области чистой энергетики придает этому сотрудничеству новое измерение. Международное энергетическое агентство сообщает, что инвестиции Китая в чистую энергетику в 2024 году превысили 625 миллиардов долларов, и что Китай достиг своей цели по мощности ветровой и солнечной энергетики к 2030 году на шесть лет раньше¹. Этот потенциал следует рассматривать не только как национальный успех Китая. Это потенциальный ресурс для развития Евразии. Углеводородная база России, потенциал Китая в области возобновляемой энергетики и промышленного производства, а также транзитные и производственные позиции Турции могут создать смешанную энергетическую архитектуру, подходящую для переходного периода.

Инициативы «Один пояс, один путь», Евразийский экономический союз и «Средний коридор» следует рассматривать в совокупности. Это уже не отдельные инициативы; они могут стать единой евразийской архитектурой координации. Для этого необходимы институциональный диалог, упрощение таможенных процедур, инвестиции в порты, модернизация железных дорог, цифровая логистика и политическая воля. Также необходимо избегать ложных выборов. Турции не нужно выбирать между Средним коридором и более широкой евразийской интеграцией. Ценность Среднего коридора возрастает, когда он связан с инициативой «Один пояс, один путь», Каспийским морем, Черным морем, евразийскими сетями России и «Дорогой развития».

¹ Международное энергетическое агентство. Мировые инвестиции в энергетику до 2025 года: Китай. Париж: МЭА, 2025. URL: <https://www.iea.org/reports/world-energy-investment-2025/china>.

Организация тюркских государств добавляет еще один уровень. Лидерство Турции в тюркской интеграции отражает стремление к стратегической автономии; ее сильнейшими инструментами являются многостороннее сотрудничество, энергетические связи и торговля, а главный риск заключается в превращении в пешку в конкуренции великих держав [Du, 2024, pp. 410-428]. По этой причине ОТС не следует рассматривать как инструмент воздействия против России, Китая или Ирана. Ее истинная ценность заключается в соединении тюркского мира с более широкой евразийской архитектурой.

Центральная Азия и Кавказ приобрели новое значение, поскольку энергетические ресурсы, торговые пути и вопросы безопасности теперь пересекаются там более явно, чем раньше. ОТС стала одним из действующих лиц в этом контексте, при этом Срединный коридор и Трансанатолийский газопровод поддерживают торговые и энергетические потоки, а связь ОТС с инициативой «Один пояс, один путь» увеличивает ее экономический вес [Ünver, 2024, pp. 386-397]. Для Турции это означает, что к Центральной Азии нельзя подходить через романтические лозунги или атлантические расчеты. К ней необходимо подходить через производство, транспорт, энергетику и равноправное сотрудничество со всеми соседними державами.

Промышленность и торговля: Турция как центр производства и сбыта

Второй эшелон – это промышленность и торговля. Нынешняя структура глобализации реорганизуется. Цепочки поставок формируются уже не только на основе расчета затрат. Санкции, запреты на технологии, морские риски, цены на энергоносители и геополитическое давление стали частью планирования производства. В этот период у Турции есть шанс выйти за рамки статуса транзитной страны. Она может стать центром производства, переработки, сборки и распределения между Азией, Европой, Африкой и Западной Азией.

Производственный потенциал Китая – это сильнейший промышленный фактор нашего времени. Стратегические ресурсы России остаются незаменимыми в энергетике, металлургии, сельском хозяйстве, оборонной промышленности и передовых отраслях. Турция обладает опытом в обрабатывающей промышленности, таможенными связями с Европой, свободными экономическими зонами, портами, малыми и средними предприятиями, строительным потенциалом и доступом к соседним рынкам. Когда эти три потенциала объединяются, начинает формироваться альтернатива атлантическим цепочкам поставок. Эта альтернатива не требует автаркии. Она требует планового разделения труда, основанного на взаимной выгоде.

Торговый дисбаланс Турции с Китаем следует воспринимать серьезно. Дисбаланс необходимо устранить посредством инвестиций, обмена технологиями, совместного производства, экспортно-ориентированных промышленных зон и доступа на китайский рынок для отдельных турецких секторов, включая туризм. Это единственный серьезный способ превратить торговый дефицит в промышленную возможность.

Позиция Турции приобретает реальный вес только тогда, когда транзит сочетается с производством. Коридор, по которому перевозятся товары, приносит доход; коридор, окруженный промышленностью, создает стратегический потенциал. Если Турция ограничится таможенными спорами и краткосрочным импортным контролем, она упустит более широкие возможности. Если же она свяжет китайские инвестиции, российские комплектующие и турецкое производство, она изменит свое положение в евразийской экономике.

В эту промышленную программу должно быть включено технологическое сотрудничество. Для Турции вывод носит практический характер. Сотрудничество с Китаем должно быть направлено на заводы, оборудование, логистические технологии, квалифицированную рабочую силу и производство продукции с высокой добавленной стоимостью, а не на риторическое восхищение.

Стратегическая автономия не развивается за счет закрытия страны от мира. Она развивается за счет выбора партнерских отношений, которые увеличивают национальный потенциал. В повестку дня сотрудничества Турция-Россия-Китай должны входить совместные научно-исследовательские центры, индустриальные парки, инициативы по стандартизации, программное обеспечение для логистики, железнодорожные технологии, модернизация портов, энергетическое оборудование и гражданские технологии, смежные с оборонной промышленностью. Сотрудничество должно приводить к созданию заводов, лабораторий и квалифицированной рабочей силы, оно не должно оставаться на уровне заявлений.

Финансовый сектор: национальные валюты и сопротивление санкциям

Третий эшелон – это финансы. Долларовая система не исчезла, и было бы несерьезно говорить об ее исчезновении. Тем не менее, ее политический авторитет был подорван использованием ее в качестве оружия. Замораживание резервов, исключение стран из платежных систем, угроза вторичных санкций и использование банковских каналов в качестве инструментов принуждения привели к очевидному результату: многие государства теперь ищут альтернативы.

Та же логика применима и к национальным валютам. Когда доллар становится инструментом в руках одного государства, он частично теряет свои претензии на роль универсального средства обмена. Чем больше финансов используется в качестве оружия, тем больше государств стремятся к торговле в национальной валюте, своповым кредитным линиям, альтернативным платежным системам, использованию золота, цифровых валют и региональным финансовым институтам. Принуждение ускоряет поиск альтернатив.

Финансовая программа уже имеет определенные компоненты: национальные валюты в двусторонней и многосторонней торговле, новые инвестиционные банки, национальные карточные и платежные системы, а также резервные инструменты, помимо доллара и золота [Latifoğlu, 2023, pp. 66–85]. В более широкой дискуссии дедолларизация – это не столько непосредственная замена доллара, сколько процесс диверсификации активов и институциональных экспериментов в постгегемонистском контексте [Gürsan, 2023, pp. 40–59]. Это различие имеет значение. Проблема заключается не в том, чтобы объявить о внезапном крахе доллара; проблема в том, чтобы создать механизмы для действий в случае использования доллара в качестве инструмента политического давления.

Данные структуры официальных валютных резервов МВФ демонстрируют ту же тенденцию в осторожной статистической форме. Доллар США по-прежнему доминирует в мировых резервах, но его доля в четвертом квартале 2025 года составила 56,77 процента, в то время как доля юаня оставалась небольшой, но росла¹. Эти цифры не предвещают скорого исчезновения доллара. Они свидетельствуют о более длительном процессе: государства го-

¹ Международный валютный фонд. Структура официальных валютных резервов (COFER), краткий обзор данных за 4 квартал 2025 года. Вашингтон, округ Колумбия: МВФ, 2026. URL: <https://data.imf.org/>.

товятся к миру, в котором ни одна валюта не сможет монополизировать международное обращение без политических издержек.

Турция, Россия и Китай могут предпринять конкретные шаги. Они могут расширить торговлю в национальной валюте энергоносителями, продуктами питания, машиностроительной продукцией и промежуточными товарами. Они могут наладить совместимость платежных систем между банками и платформами. Они могут укрепить механизмы валютных свопов. Они могут создать инвестиционные гарантии для стратегических проектов. Они могут поддерживать финансирование развития железных дорог, портов, энергетической инфраструктуры и промышленных зон. Цель состоит не в финансовой изоляции. Цель – снизить подверженность одностороннему давлению.

Финансовый суверенитет имеет прямые политические последствия. Государство, опасющееся санкций на каждом шагу, не может свободно действовать в дипломатии. Компания, не способная получать платежи, не может планировать производство. Коридор, который нельзя застраховать или профинансировать, остается только на бумаге. Поэтому финансы являются неотъемлемой частью евразийской оси. Без финансовых инструментов транспортные и энергетические проекты остаются уязвимыми.

Безопасность и дипломатия: от принуждения к равновесию

Четвертый эшелон – это безопасность и дипломатия. Западная Азия, Кавказ и Черное море показывают один и тот же урок: вмешательство не создает порядок. Оно порождает разрушенные государства, вооруженные группировки, волны беженцев, энергетические кризисы и устойчивое недоверие. Регион уже достаточно заплатил за политику смены режимов, сепаратизм, терроризм и внешние манипуляции. Новый порядок в Евразии должен начинаться с суверенитета.

Иранский вопрос наглядно демонстрирует эту проблему. Давление на Иран никогда не ограничивается только Ираном. Оно затрагивает Персидский залив, Ирак, Сирию, Кавказ, Центральную Азию, мировые энергетические рынки и собственную безопасность Турции. Таким образом, политика, направленная на изоляцию или свержение Ирана, рискует дестабилизировать всю региональную систему. Защита суверенитета Ирана не требует согласия со всеми иранскими политическими решениями. Она требует отказа от политики смены режима как метода поддержания международного порядка.

Палестинский вопрос – это второе испытание. Невозможно добиться стабильного урегулирования в Западной Азии, пока Палестине отказывают в государственности, а военная сила рассматривается как замена правосудию. Палестина – это не второстепенный вопрос. Это один из главных моментов, где обнажаются двойные стандарты Запада и возобновляется региональное недовольство. Многосторонний евразийский подход должен защищать справедливое политическое урегулирование, восстановление и право палестинского народа на государственность.

Шанхайская организация сотрудничества служит полезным институциональным ориентиром, поскольку она рассматривает безопасность не только как военное равновесие. Экономическое сотрудничество, культурные связи, энергетические маршруты и защита стратегических торговых линий являются частью одной и той же сферы безопасности; терроризм, сепаратизм и экстремизм предстают как угрозы для путей развития [Şahin, 2020, pp. 24–35]. Такой подход ценен для Евразии. Железная дорога, порт, трубопровод и про-

мышленная зона – все они нуждаются в безопасности. Безопасность в этом смысле – это защита путей развития.

Турция, Россия и Китай располагают различными инструментами для проведения такой политики. Турция имеет прямые границы, военный потенциал, дипломатические каналы и исторические связи с Западной Азией и Кавказом. Россия обладает значительным влиянием в сфере безопасности, энергетическим влиянием и опытом кризисной дипломатии. Китай же имеет экономический масштаб, инфраструктурный потенциал и растущую дипломатическую активность в регионе. Их координация не решит всех конфликтов. Она лишь укрепит силы равновесия против сил принуждения.

Черное море и Кавказ требуют того же метода. Расширение НАТО, ситуация на Украине, санкции, энергетические споры и неурегулированные региональные противоречия сделали оба региона крайне чувствительными. Постоянная милитаризация не является решением. Решение заключается в балансе, который обеспечивает открытость коммуникации, защищает суверенитет региональных государств и предотвращает превращение локальных споров в более широкие конфронтации со стороны внешних игроков. На Турции здесь лежит особая ответственность. Она может быть коридором эскалации или центром баланса.

Цивилизационный плюрализм и новая международная легитимность

Новый порядок также требует нового понимания легитимности. Модернизация не может сводиться к копированию одной политической модели. Турция, Россия и Китай имеют разные политические системы, историческую память и цивилизационный фон. Их сотрудничество приобретает важность именно потому, что оно объединяет различный опыт, не требуя при этом единообразия.

Каждая нация имеет право выбирать свою политическую систему в соответствии со своим историческим контекстом и социальной структурой. Внешние силы не имеют права навязывать режимы под видом демократии. История последних десятилетий это достаточно явно подтверждает. Кампании по смене режимов принесли кровь, крах и зависимость, а не демократию.

Возвышение Глобального Востока расширяет этот вопрос. Восточная Азия, Юго-Восточная Азия, Южная Азия, Центральная Азия, Западная Азия и Северная Азия все больше образуют сложное поле безопасности, политики, экономики и цивилизации; в этом переходе от гегемонии США к многополярности историческое самоопределение, стратегическая автономия и дипломатия соседства стали сильнее [Degang & Yingqi, 2024, pp. 366-385]. Это больше, чем просто дипломатия. Это цивилизационное пробуждение. Государства, которые когда-то рассматривались как объекты западной политики, теперь сами определяют свое место в истории.

Таким образом, ось Турция-Россия-Китай следует рассматривать как часть более широкой плюрализации мировой политики. Она не стирает различия между цивилизациями. Она предоставляет им основу для сотрудничества. Она не требует идеологического единообразия. Она требует уважения суверенитета, равенства и развития. В этом и заключается политический смысл плюралистической легитимности.

То же самое относится к Европе, Африке и Латинской Америке. Укрепление евразийской оси не закрывает мир, оно открывает пространство для других. Европа получает больше возможностей, когда не связана с атлантической конфронтацией. Африка и Латинская

Америка получают больше переговорной силы, когда финансирование инфраструктуры, технологии, энергетика и торговые пути не монополизированы одним центром. Более справедливый порядок начинается тогда, когда у государств есть альтернативы.

На этом этапе обсуждение затрагивает проблему, сформулированную Сергеем Бодруновым в рамках ноономики и ноообщества. Сергей Бодрунов утверждает, что современное технологическое и социально-экономическое развитие выявляет глубокие экономические, социальные, экологические и моральные противоречия, одновременно создавая объективную возможность их преодоления посредством перехода от экономической рациональности к рациональности, основанной на знаниях и культуре [Bodrunov, 2022, pp. 16-29]. Ось Турция-Россия-Китай сама по себе не будет воплощать собой ноономику. Ее значение более ограничено и конкретно: она может способствовать созданию внешних условий для такого более высокого этапа развития путем укрепления энергетической безопасности, промышленного сотрудничества, технологического обмена, финансовой автономии и суверенного планирования. Без этих условий разговоры о новом качестве общественной жизни остаются подверженными санкциям, давлению военных действий и зависимости от старых центров господства.

Программа на предстоящий период

Ось Турция-Россия-Китай должна строиться конкретными шагами. Во-первых, три страны должны создать постоянный консультативный механизм по евразийским коридорам. Инициативы «Один пояс, один путь», «Срединный коридор», «Дорога развития», Черноморский коридор, Каспийский коридор и Евразийский экономический союз следует рассматривать как взаимосвязанные слои единой континентальной архитектуры. Технические комитеты должны работать над вопросами таможни, железнодорожных стандартов, портовой пропускной способности, страхования, логистических данных и промышленных зон.

Во-вторых, необходимо углубить сотрудничество в энергетической сфере, выйдя за рамки краткосрочной торговли. Российские ресурсы, китайские технологии возобновляемой энергетики и электросетей, а также транзитные и производственные мощности Турции могут способствовать развитию трубопроводов, хранилищ, сотрудничества в атомной энергетике, электросетей, солнечной и ветровой энергетики, а также переработке критически важных минералов. Сотрудничество в энергетической сфере должно быть связано с промышленной политикой.

В-третьих, Турцию следует поставить в центр совместного производства. Китайский капитал и технологии, российские стратегические ресурсы и турецкая промышленность могут создать экспортно-ориентированные производственные зоны. Эти зоны должны быть ориентированы на Западную Азию, Африку, Европу и тюркский мир. Цель должна быть ясна: Турция должна стать производственной и распределительной базой, а не просто рынком или коридором.

В-четвертых, финансовое сотрудничество должно быть институционализировано. Торговля в национальной валюте, своповые кредитные линии, альтернативные платежные системы, проектное финансирование и инвестиционные гарантии должны стать обычными инструментами. Евразийский проект не может зависеть от финансовых каналов, которые могут быть перекрыты политическим указом извне.

В-пятых, консультации по вопросам безопасности должны быть сосредоточены на суверенитете и антиинтервенционизме. Западная Азия, Кавказ и Черное море нуждаются в механизмах, предотвращающих терроризм, сепаратизм и внешнее вмешательство. Палестинский вопрос, безопасность Ирана, восстановление Сирии и Ирака, а также стабильность Южного Кавказа должны обсуждаться в рамках одного принципа: региональные проблемы должны решаться путем уважения к государствам и народам, а не путем навязывания режимов.

Эти шаги требуют политической воли. Они также требуют интеллектуальной ясности. Турция должна перестать рассматривать евразийское сотрудничество как тактический инструмент в отношениях с Западом, а воспринимать его как стратегическую ориентацию, основанную на собственных потребностях в развитии и безопасности. Россия и Китай должны видеть в Турции стратегического партнера со своими интересами, а не просто коридор. Отношения должны строиться на равенстве. Без равенства нет прочной оси. Без планирования нет строительства.

Заключение

Новый порядок будет построен теми, кто действует. Многополярность уже существует. Вопрос в том, останется ли она разрозненным балансом конкурирующих центров или превратится в многосторонний порядок, основанный на суверенитете, равенстве и общем развитии. Турция, Россия и Китай обладают потенциалом для реализации второго пути.

Реалистичное решение очевидно. Необходимо связать энергетику и транспорт. Необходимо планировать промышленность и торговлю. Необходимо диверсифицировать финансы. Безопасность должна основываться на суверенитете. Дипломатия должна заменить принуждение. Цивилизованный плюрализм должен быть принят в качестве основы легитимности.

Турция стоит перед стратегическим выбором. Она может остаться в рамках, установленных атлантической дисциплиной, или стать одним из строителей евразийского столетия. Россия и Китай также стоят перед выбором. Они могут сохранить сотрудничество на уровне реакции на давление Запада или помочь создать институты, соответствующие масштабу новой эпохи.

Ось Турция-Россия-Китай – это не фантазия. Ее материальные основы уже видны в торговле, энергетике, транспортных коридорах, финансах и дипломатии. Задача состоит в том, чтобы придать этим основам осознанную политическую форму. Если это будет сделано, Евразия перестанет быть полем давления и станет одним из главных столпов многостороннего порядка. В этом заключается стратегический смысл грядущего периода: не ждать нового порядка, а строить его.

Список источников/References

- Bodrunov S. D. (2022). Scientific and Technological Progress and Transformation of Society: Noonomy and Noosociety. Part 1. *Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works of the S. Y. Witte INID*. Vol. 1. No. 1. Pp. 16-29. DOI: 10.37930/2782-618X-2022-1-1-16-29.
- Degang S., Yingqi Y. (2024). China's Greater Periphery Diplomacy in the New Era of the Emerging «Global East». *BRIQ (Belt & Road Initiative Quarterly)*. Vol. 5. No. 3. Pp. 366-385.

- Du D. (2024). Türkiye's Promotion of the Integration of Turkic States: Context, Practice, and Influence. *BRIQ (Belt & Road Initiative Quarterly)*. Vol. 5. No. 4. Pp. 410-428.
- Gao S., Durdu J. (2025). Reordering the World: Regional Blocs and the Rise of Multipolar Global Governance. *BRIQ (Belt & Road Initiative Quarterly)*. Vol. 7. No. 1. Pp. 47-84.
- Gökçay Ş. E. (2019/2020). Building the New Silk Road in the 21st Century: The Belt and Road Initiative from a Sino-Turkish Perspective. *BRIQ (Belt & Road Initiative Quarterly)*. Vol. 1. No. 1. Pp. 43-54.
- Gürçan E. C. (2023). The Multipolar Challenge: Implications for Dollar Dominance and the Shifting Tides of US Hegemony. *BRIQ (Belt & Road Initiative Quarterly)*. Vol. 5. No. 1. Pp. 40-59.
- Latifoğlu S. (2023). The Shattering Dominance of the US Dollar and the Establishment of a New Financial System. *BRIQ (Belt & Road Initiative Quarterly)*. Vol. 5. No. 1. Pp. 66-85.
- Şahin E. (2020). Re-Envisioning Non-Traditional Security in a Multi-Polarizing World: The Case of the SCO. *BRIQ (Belt & Road Initiative Quarterly)*. Vol. 1. No. 2. Pp. 24-35.
- Ünver O. C. (2024). Organization of Turkic States in the Context of New Asian Geopolitics. *BRIQ (Belt & Road Initiative Quarterly)*. Vol. 5. No. 4. Pp. 386-397.

Информация об авторе

Аднан Акфырат

Главный редактор журнала «BRIQ (Belt & Road Initiative Quarterly)», председатель Турецко-Китайской ассоциации развития бизнеса и дружбы.

E-mail: adnanakfirat@gmail.com

Information about the author

Adnan Akfırat

Chairman of the Board of the “BRIQ (Belt & Road Initiative Quarterly)” journal; Chairman of the Turkish-Chinese Business Development and Friendship Association.

E-mail: adnanakfirat@gmail.com

DOI: 10.37930/2782-618X-2026-5-2-112-127

Е.В. Харитонова

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (Тамбов, Россия)

НЕВОЗМОЖНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ БЕЗ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В ОБЩЕСТВЕ: АРГУМЕНТЫ ИЗ ТЕОРИИ НООНОМИКИ

Аннотация: в статье рассматривается проблема перехода национальных хозяйственных систем к устойчивому экономическому росту в условиях современной турбулентности и фрагментации мировой экономики. На основе современной макроэкономической динамики и прогнозов международных организаций (МВФ, Всемирный банк, ОЭСР), можно сказать, что наблюдается замедление темпов роста мировой экономики и углубление сегментации торговли, где ключевую роль начинают играть не рыночные, а геополитические ценности. Вместе с тем анализ развития национальных хозяйственных систем (1961–2024 гг.) показал, что темпы экономического роста у стран существенно возрастают в периоды, когда развитие технологий сопровождается глубокими преобразованиями общества и непосредственно социальных институтов. Сегодня инновационная система – как на национальном уровне, так и в масштабе всей мировой экономики – не в состоянии обеспечить устойчивое расширенное воспроизводство, оставаясь в рамках исключительно рыночной парадигмы. Ведь инновации, вызванные к жизни развитием технологий и накоплением знаний, вступают в противоречие с устаревшими социальными институтами, ориентированными на экономическую эффективность и максимизацию прибыли. Для реализации потенциала новых технологий (таких как автоматизация, искусственный интеллект) требуется преодоление логики рыночного фундаментализма и переход к новым формам мотивации труда, где творчество и самореализация вытесняют материальное стимулирование. Социальные изменения, таким образом, становятся необходимым условием для развертывания инноваций: они создают соответствующую институциональную среду (новые формы собственности, распределения и управления), позволяющие знаниям стать непосредственной производительной силой. Без трансформации социальной структуры и ценностей технологические прорывы либо блокируются, либо ведут к нарастанию социального неравенства, а не к качественному развитию общества. В итоге делается вывод, что движение к ноообществу предполагает синергию технологических и социальных инноваций.

Ключевые слова: хозяйственные системы, инновационное развитие, устойчивый экономический рост, социальные изменения, механизм «созидательного разрушения», ноономика.

Для цитирования: Харитонова Е.В. (2026). Невозможность современного инновационного развития экономики без социальных изменений в обществе: аргументы из теории ноономики // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте. Т. 5, № 2. С. 112–127. DOI: 10.37930/2782-618X-2026-5-2-112-127

Elena V. Kharitonova

Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russia)

THE IMPOSSIBILITY OF MODERN INNOVATIVE ECONOMIC DEVELOPMENT WITHOUT SOCIAL TRANSFORMATIONS: ARGUMENTS FROM THE THEORY OF NOONOMY

Abstract: The article examines the problem of the transition of national economic systems to sustainable economic growth amid the current turbulence and fragmentation of the global economy. Based on contemporary macroeconomic dynamics and forecasts from international organizations – such as the IMF, World Bank, OECD – it can be observed that global economic growth is slowing, while trade segmentation is deepening, with geopolitical values increasingly taking precedence over market-based ones. At the same time, an analysis of the development of national economic systems (1961–2024) demonstrates that economic growth rates significantly increase during periods when technological advancement is accompanied by profound transformations in society and its social institutions. Today, the innovation system – both at the national level and across the global economy – is no longer capable of ensuring sustainable expanded reproduction while remaining within an exclusively market-based paradigm. This is because innovations driven by technological progress and the accumulation of knowledge come into conflict with outdated social institutions oriented toward economic efficiency and profit maximization. To fully realize the potential of new technologies (such as automation and artificial intelligence), it is necessary to overcome the logic of market fundamentalism and transition to new forms of labor motivation, where creativity and self-realization displace purely material incentives. Social transformations thus become a necessary condition for the deployment of innovation: they create an appropriate institutional environment (new forms of ownership, distribution, and governance) that enables knowledge to become a direct productive force. Without the transformation of social structures and values, technological breakthroughs are either constrained or lead to increasing social inequality rather than qualitative societal development. In conclusion, it is argued that the movement toward a noosociety presupposes a synergy between technological and social innovations.

Keywords: economic systems, innovative development, sustainable economic growth, social transformations, mechanism of “creative destruction”, noonomy.

For citation: Kharitonova E. V. (2026). The Impossibility of Modern Innovative Economic Development Without Social Transformations: Arguments from the Theory of Noonomy. *Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works of the S. Y. Witte INID*, Vol. 5, No. 2, pp. 112–127. DOI: 10.37930/2782-618X-2026-5-2-112-127

Харитонова Е. В.

坦波夫国立大学 (俄罗斯, 坦波夫)

没有社会变革就不可能有当代经济创新发展——其智慧经济理论论据

摘要: 本文探讨了在当今世界经济动荡和碎片化的形势下, 各国经济体系向可持续经济增长转型的问题。根据当代宏观经济动态及国际组织 (国际货币基金组织、世界银行、经济合作与发展组织) 的预测, 可以认为全球经济增长速度正在放缓, 贸易分化日益加深, 对这种现象发挥关键作用的已不再是市场价值, 而是地缘政治价值。同时, 对各国经济体系发展 (1961–2024年) 的分析表明, 当技术发展伴随着社会及社会制度的深刻变革时, 各国的经济增长速度会显著提升。如今, 无论是国家层面还是全球经济层面, 创新体系若仅局限于纯粹的市场范式, 便无法确保可持续的扩大再生产。毕竟, 由技术发展和知识积累催生的创新, 与那些以经济效率和利润最大化为导向的过时社会制度产生了矛盾。要充分发挥新技术 (如自动化、人工智能) 的潜力, 就必须突破市场原教旨主义的思维定式, 转向新的劳动激励形式, 让创造力和自我实现取代物质激励。因此, 社会变革成为推动创新的必要条件: 它们营造了相应的制度环境 (新的所有制、分配和治理形式), 使知识能够直接转化为生产力。如果不进行社会结构和价值观的转型, 技术突破就会要么被阻碍, 要么导致社会不平等加剧, 而非推动社会的优质发展。最终得出结论: 迈向“智慧社会”的过程需要技术创新与社会创新的同步推进。

关键词: 经济体系、创新发展、可持续经济增长、社会变革、“创造性破坏”机制、智慧经济。

引用注释: 哈里托诺娃 Е. В. (2026). 没有社会变革就不可能有当代经济创新发展——其智慧经济理论论据//智慧经济与智慧社会. 维捷新兴工业发展研究所论文选, Vol. 5, No. 2, pp. 112–127. DOI: 10.37930/2782-618X-2026-5-2-112-127

Введение

Тема инноваций и возможностей инновационного развития привлекает все большее внимание мирового научного сообщества и общественности. Не вызывает сомнений, что без расширенного воспроизводства инноваций выход на траекторию устойчивого роста и развития национальных систем хозяйствования и в целом мирового хозяйства невозможно. Только технологический прогресс позволяет выйти за границы имеющихся ресурсных ограничений и перейти на новый уровень социально-экономической действительности. Именно благодаря ему многие пессимистические прогнозы Т. Мальтуса, Э. Хансена, П. Эрлиха, Р. Батры и других известных ученых не сбылись, демонстрируя нередко в определенные периоды просто феноменальный и стремительный рост производственных возможностей и производительных сил национальной и мировой хозяйственной системы. Вместе с тем, возникает вопрос: каковы должны быть условия, чтобы произошел НТП и расширенное воспроизводство инноваций.

Современные исследования развития национальных хозяйственных систем показывают, что переход к инновационному типу воспроизводства предполагает наличие одновременного действия определенных факторов, охватывающих самые различные сферы жизнедеятельности человека. Иными словами, простое наращивание прорывных технологических решений без учета институциональных, культурных, социальных и экологических условий не решает фундаментальные противоречия социально-экономического развития хозяйственных систем, а способно их только усугублять.

В условиях нарастания глобальных вызовов – от замедления экономического роста и стремительного увеличения социально-экономического и когнитивного неравенства до климатического кризиса и технологической безработицы – проблема перехода на траекторию инновационного развития приобретает первостепенное значение для хозяйственных систем, как на национальном, так и мировом уровне.

Стоит отметить, что, несмотря на высокую степень разработанности данной тематики исследований, наблюдается разрыв между пониманием механизма инновационного развития как стимулирующего технический прогресс, но порождающего экономические, социальные, экологические издержки (так называемого механизма «созидательного разрушения») и практическими инструментами их преодоления. Существующие модели либо абсолютизируют рыночную конкуренцию как единственный драйвер инноваций и в целом ограничиваются рамками рыночного фундаментализма, либо предлагают точечные меры, недостаточные для преодоления системных вызовов инновационного развития.

Преодоление этого разрыва требует концептуального пересмотра самой парадигмы. В этой связи целью исследования является обоснование необходимости перехода от традиционной парадигмы инновационного развития, основанной на рыночной конкуренции и извлечении технологической ренты, к трансформационному подходу в инновационной политике, ориентированному на снятие социальных, экологических и когнитивных противоречий, и определение ключевых направлений формирования нового социально-экономического уклада – ноономики.

Материалы и методы

Теоретической базой настоящего исследования послужили работы, посвященные историческим, институциональным, экономическим и социальным аспектам инновационного развития. Среди западных ученых это труды Дж. Мокира (о роли «культуры роста» и институциональных предпосылок инноваций), Ф. Агийона и П. Ховитта (о механизме «созидательного разрушения» и его социальных последствиях), а также Дж. М. Кейнса (о трансформации социальных норм по мере роста благосостояния). Среди отечественных исследований использованы работы С.Д. Бодрунова, развивающие концепцию ноономики как теоретического отражения нового социально-экономического уклада.

В данном исследовании тезис о необходимости руководствоваться в инновационной политике не только технологическим развитием и минимизацией экономических издержек, но и решением социальных и экологических задач, опирается на Программу ОЭСР по трансформационной политике в области науки, технологий и инноваций (2024 г.). Эмпирическую основу исследования составили доклады МВФ, Всемирного банка и ОЭСР, содержащие данные о динамике и прогнозах показателей экономического роста в мире, а также доклад о неравенстве доходов в мире (2026 г.).

Настоящее исследование предпринимает попытку анализа и синтеза вышеперечисленных работ – соединения идей о «культуре роста», механизме «созидательного разрушения», социальных нормах, трансформационном подходе к инновационной политике, эмпирических данных о неравенстве и ноономическом укладе в единую логику обоснования перехода к устойчивому инновационному развитию. Именно отсутствие такого анализа и синтеза в современной научной литературе определяет научную новизну и актуальность данного исследования.

Результаты и обсуждение

От промышленной революции к глобальным современным вызовам: эволюция инновационной парадигмы

Мировой научный консенсус относительно ключевой роли инноваций в экономическом развитии нашел свое яркое выражение в решении Нобелевского комитета в 2025 году, присудившего премию по экономике за «объяснение экономического роста, основанного на инновациях» – первую часть экономическому историку Джоэлю Мокиру, а вторую – Филиппу Агийону и Питеру Ховитту.

Джоэль Мокир, исследуя предпосылки первой промышленной революции и устойчивого экономического роста, показал, что их наступление нельзя считать закономерным и естественным, поскольку оно стало возможным лишь благодаря совпадению целого комплекса факторов. И если до первой промышленной революции развитие характеризовалось единичными инновациями, а экономический рост до 1800 года составлял всего лишь порядка 0,2% в год, то уже после 1800 года инновации воспроизводились непрерывным потоком, и по мере индустриализации стран экономический рост в среднем составлял 2% в год. Другими словами, если ВВП до промышленной революции удваивался за 350 лет, то после 1800 года – всего за 35 лет. Соответственно понимание движущих факторов – необходимое условие для расширенного воспроизводства инноваций и перехода к устойчивому экономическому росту.

Одним из важнейших достижений Джоэля Мокира можно считать детальный анализ факторов, лежащих в основе расширенного воспроизводства инноваций. Ученый выходит за рамки узкоэкономического подхода, трактуя инновации как результат взаимосвязи социальных, политических, культурных и научно-технологических условий. Особое внимание Мокир уделяет роли идей и знаний. Так, устойчивый экономический рост после 1800 года он объясняет уникальным сочетанием научного прогресса, развития технологий и «культуры роста», поощряющей обмен информацией. Ослабление политической централизации, фрагментация власти и межстрановая конкуренция создали рынок идей, обеспечили их распространение и взаимодействие теории с практикой. Именно соединение всех вышеперечисленных факторов обусловило начало промышленной революции в Великобритании [Мокир, 2017; Мокир, 2012]. При этом Мокир подчеркивает, что, например, в Китае или Османской империи промышленный переворот в тот период был невозможен из-за жесткой политической централизации, а в странах Африки препятствием стало низкое качество социально-экономических институтов¹.

Стоит отметить, что другие лауреаты нобелевской премии Филипп Агийон и Питер Ховитт рассмотрели другой аспект проблемы устойчивого экономического роста – как инновации в современной экономике воспроизводятся во времени. Для раскрытия механизма воспроизводства инноваций ученые использовали математическую модель «созидательного разрушения». Сам термин «созидательное разрушение» ввел Йозеф Шумпетер, понимая под ним процесс вытеснения устаревших технологий и неэффективных фирм более совершенными. В основе модели Ф. Агийона и П. Ховитта лежит парадокс: экономический рост ускоряется именно в условиях постоянного обновления – когда одни фирмы исчезают, уступая место другим, новые товары вытесняют старые, а на смену одним рабочим местам

¹ Науменко Н. Революция ума. За что вручили премию Нобеля по экономике в 2025 г. URL: <https://nplus1.ru/blog/2025/10/17/economic-nobel-2025> (дата обращения: 10.02.2026 г.).

приходят другие. Единственным источником долгосрочного роста в этой модели выступает бесконечный цикл: инновация → выход на рынок → разрушение монопольной ренты → следующая инновация¹.

Соответственно, инновация с одной стороны несет за собой созидательное начало, представляя собой нечто новое и креативное, а с другой стороны разрушительное начало – поскольку вытесняет компании, чьи технологии устаревают.

Подобная динамика порождает конфликт интересов между новыми фирмами, стремящимися на рынок, и действующими игроками, которые пытаются защитить свои позиции. Инструментом защиты зачастую становится лоббирование, направленное на ограничение возможностей для входа на рынок. Кроме того, функционирующие фирмы нередко инвестируют в новые технологии меньше, чем это было бы выгодно обществу. Последнее связывают с тем, что компании не хотят терять ресурсы, вложенные в старые технологии, поэтому намеренно ограничивают процессы инвестирования и переход на новые технологии [Aghion, Howitt, 1990].

Вместе с тем массовое внедрение новых технологий нередко ведет к возникновению технологической безработицы, что создает социальное напряжение. Как показывает практика, даже располагая передовыми технологиями, предприятия и государство могут сознательно сдерживать их массовое внедрение, чтобы избежать резкого роста безработицы и дать рынку труда время на адаптацию. Таким образом, государство сталкивается с необходимостью поиска баланса: с одной стороны, стимулировать инновации для роста, а с другой – сглаживать социальные последствия этого процесса, возможно, временно ограничивая скорость технологических преобразований ради долгосрочной стабильности.

Другими словами, модель механизма воспроизводства инноваций Ф. Агийона и П. Ховитта показала неоднозначную нелинейную взаимосвязь между конкуренцией и инновациями, то есть не только слабая, но сильная конкуренция могут способствовать замедлению инноваций.

Таким образом, научные исследования Дж. Мокира, Ф. Агийона и П. Ховитта показывают, что устойчивый экономический рост является результатом непрерывного процесса обновления идей, институтов, технологий. В этой связи необходимо развитие инклюзивных институтов, призванных решать двуединую задачу: с одной стороны, поддерживать конкуренцию, защищать права собственности и обеспечивать вложения в науку, образование и культуру; с другой – достигать баланса между поддержкой функционирующих компаний и допуском на рынок новых игроков.

Эта двуединая задача, стоящая сегодня перед государствами, удивительным образом перекликается с идеями, высказанными задолго до формализации теории «созидательного разрушения». Еще в 1931 г. Дж. М. Кейнс в своем эссе «Экономические возможности наших внуков» попытался заглянуть за горизонт текущего кризиса. Стоит отметить, что данное эссе вышло во время Великой депрессии, в период, который сама возможность дальнейшего экономического роста подвергалась сомнению, предрекались великие вековые стагнации. Такой пессимистический взгляд Дж. М. Кейнс не разделял и указывал, что возникшие противоречия и экономический кризис связан с крайне быстрыми технологическими измене-

¹ Для роста экономики нужны разрушение и хаос. За что дали Нобелевскую премию по экономике в 2025 году. URL: <https://www.banki.ru/news/daytheme/?id=11018541> (дата обращения: 11.02.2026 г.).

ниями, к которым хозяйственная система не успевает адаптироваться [Золотов, 2015]. Ученый достаточно точно предсказал на ближайшие 100 лет экономический рост и повышение благосостояния населения в 4–8 раза [Кейнс, 2009, с. 63]. И вместе с тем Дж. М. Кейнс показал, что дальнейшее социально-экономическое развитие при достижении высокого уровня общественного благосостояния определяется необходимостью значительных социальных изменений, затрагивающих, прежде всего, изменение социальных норм. И действительно если материальные стимулы трудиться при высоком уровне благосостояния перестают действовать, то социальные нормы должны отражать нематериальные стимулы трудиться, созидать нематериальные ценности, формировать другое ощущение времени (настоящее все больше играет роль, чем будущее) [Кейнс, 2009].

Соответственно возрастающее значение приобретают социальные факторы и нерыночные ценности. Последнее подтверждает мировой опыт развития стран со второй половины XX века по настоящее время. Если мы возьмем временной интервал – за период 1961–2024 гг., то среднегодовой темп роста мирового ВВП будет составлять 3,46 %. В рамках этого периода максимальный рост в 6,6 % был достигнут в 1964 г., а минимальное значение (–2,8 %) – в 2020 г.

Вместе с тем можно увидеть, что темпы экономического роста развитых стран существенно возрастают после Второй мировой войны, когда развитие технологий сопровождается глубокими преобразованиями общества и непосредственно социальных институтов. Данный период получил название «Славное тридцатилетие», при котором в США среднегодовой темп роста составил 2,5 %, в Западной Европе – 3,8 %.

На сегодняшний момент, несмотря на устойчивость, проявленную мировой экономикой в условиях череды потрясений (коронавирус, санкции, военные конфликты), ее темпы роста в настоящее время все еще не достигли среднегодового темпа роста мирового ВВП в 3,46 % (рис. 1).

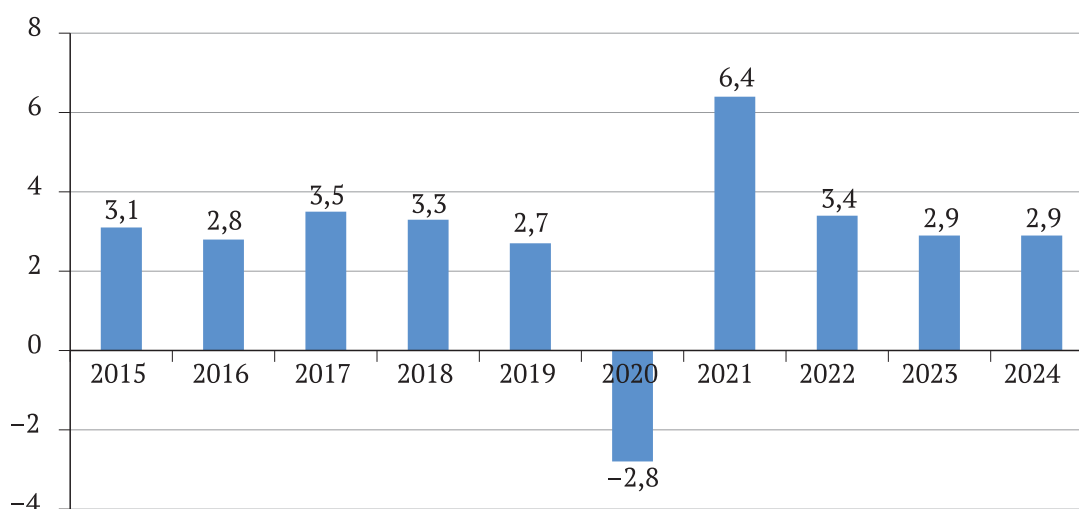

Рис. 1. Годовой рост ВВП в мире, %

Источник: составлено автором по официальным данным¹

¹ Мировой рост ВВП за год. URL: <https://ru.tradingeconomics.com/world/full-year-gdp-growth> (дата обращения: 15.11.2025).

На 2025 г. по разным оценкам МВФ, Всемирного банка, ОЭСР ожидаемое значение роста мирового ВВП варьируется от 2,3 до 3,2 %¹. В целом, до 2027 г. по прогнозам не ожидается какой-то глубокой рецессии, однако большая вероятность замедления экономического роста мировой экономики в среднем на уровне 2,5 %.

Стоит отметить, что последствия пандемии COVID-19 не ограничились ущербом здоровью населения: она подорвала социальную стабильность, финансовую систему и функционирование многих отраслей. На фоне этих потрясений обострившийся геополитический кризис спровоцировал сбои в глобальных цепочках поставок, перестройку торговых потоков и фрагментацию мирового хозяйства. Реакцией на данные процессы стал рост протекционизма, стремление стран к большей хозяйственной автономии, снижение взаимозависимости и, как следствие, разделение мировой экономики на мега-блоки. В последних торговых соглашениях исходят уже не из рыночных ценностей (максимизации прибыли, свободы торговли, предпринимательства и т.д.), а скорее – геополитических ценностей, недобросовестной конкуренции, хищнической стратегии «дешевые ресурсы любой ценой».

Данные тенденции способствовали углублению сегментации мировой торговли и глобальных цепочек стоимости. Наблюдался опережающий рост товарооборота между странами с близкими геополитическими позициями: их взаимная торговля увеличивалась в среднем на 4 % в год быстрее по сравнению с торговлей между геополитически отдаленными государствами. Произошла торговая переориентация: США стали меньше закупать в Китае (снижение с 21,8 % до 13,7 % импорта), но при этом больше – в Мексике (рост до 15,4 %). Аналогичный разрыв углубился между Россией и ЕС. В этих условиях выиграли нейтральные страны-посредники, такие как Мексика, Вьетнам, ОАЭ и Турция. Следует отметить, что разделение торговли на блоки по прогнозам на ближайшую перспективу сохранится, однако странам-посредникам все сложнее будет поддерживать статус нейтралитета².

В итоге, мировая экономическая система функционирует в обстановке нестабильности, высокой степени неопределенности и внутренних противоречий, а векторы социально-экономического развития разных стран при этом существенно расходятся.

Несмотря на вышеперечисленные негативные явления, долгосрочные прогнозы авторитетных международных организаций в отношении мировой экономики остаются достаточно оптимистическими. Так, 15 марта 2024 г. в своем докладе директор-распорядитель МВФ Кристалина Георгиева спрогнозировала два возможных сценария развития мировой экономики на предстоящее столетие – «низкоамбициозный сценарий» и «высокоамбициозный сценарий». При этом и тот и другой сценарий, предполагают положительный экономический рост, при котором уровень жизни населения растёт. В частности, при «низкоамбициозном сценарии» мировой ВВП примерно вырастет в три раза, а уровень жизни в два раза выше по отношению к настоящему моменту времени. При «высокоамбициозном сценарии» мировой ВВП вырастет в 13 раз, а уровень жизни – в девять раз относительно

¹ МВФ: Перспективы развития мировой экономики. Мировая экономика в тени войны. URL: <https://www.imf.org/ru/publications/weo/issues/2026/04/14/world-economic-outlook-april-2026> (дата обращения: 04.04.2026); Всемирный банк: Перспективы мировой экономики на 2026–2027 гг. URL: <https://invexi.org/ru/press/world-bank-global-economic-prospects-for-2026-2027/> (дата обращения: 04.04.2026); Экономический прогноз ОЭСР. URL: https://www.oecd.org/en/publications/oecd-economic-outlook-volume-2025-issue-2_9f653ca1-en.html (дата обращения: 04.04.2026).

² Мониторинг мировой экономики и геополитических рисков. URL: <https://wec.hse.ru/mirror/pubs/share/1021755033.pdf> (дата обращения: 18.02.2026).

сегодня¹. При этом в докладе отмечается необходимость решения проблем экономического неравенства и экологии, которые продолжают нарастать.

Такие однозначные достаточно оптимистические прогнозы будущего развития вызывают сомнения, так как нет конкретно прописанных мер, как мы решим вышеуказанные проблемы, чтобы достичь прогнозных показателей.

В частности, в Докладе о неравенстве доходов в мире 2026 г. показано, что сегодня 10 % богатейших людей мира зарабатывают больше, чем остальные 90 %, а беднейшая половина получает менее 10 % от общего дохода. Владение богатством еще не равномернее: 10% владеют 75 % мирового капитала, в то время как беднейшие 50 % – лишь 2 % (рисунок 2).

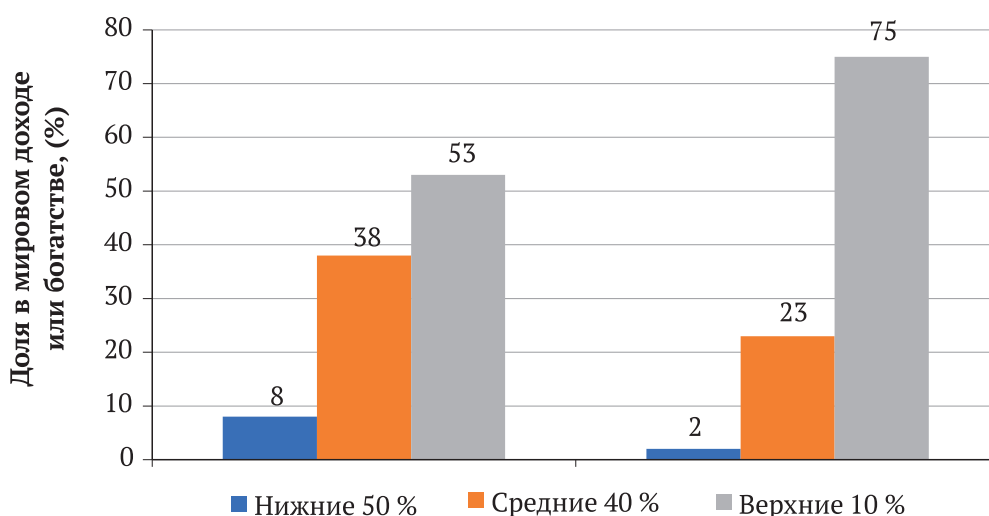

Рис. 2. Доля глобального дохода или богатства на группу населения, 2025 г.

Источник: Доклад о неравенстве в мире (2026 г.)².

При этом 0,001 % богатейших (менее 60 тыс. мультимиллионеров) владеют втрое большим богатством, чем половина населения мира. Их доля выросла с 4 % в 1995 г. до 6 % сегодня, что подчеркивает устойчивый характер неравенства.

К тому же в Докладе о неравенстве доходов в мире 2026 г. отмечается, что климатический кризис представляет собой коллективный вызов, его воздействие и причины распределены крайне неравномерно (рисунок 3).

Так, согласно рисунку 3, беднейшие 50 % населения производят только 3 % выбросов, связанных с частной собственностью на капитал, тогда как на долю 10 % самых богатых приходится 77 %. Концентрация еще выше на уровне верхнего дециля: 1 % наиболее состоятельных людей отвечает за 41 % выбросов в этой категории, что почти вдвое превышает суммарный показатель 90 % наименее обеспеченных. Данное неравенство напрямую коррелирует с уязвимостью: группы с минимальным уровнем выбросов – преимущественно население стран с низкими доходами – подвержены наибольшему климатическому риску.

¹ Георгиева К. Экономические возможности моих внуков. URL: <https://www.imf.org/ru/news/articles/2024/03/08/sp031424-kings-college-cambridge-kristalina-georgieva> (дата обращения: 21.02.2026).

² Доклад о неравенстве в мире (2026 г.). URL: https://wir2026.wid.world/www-site/uploads/2025/12/WIR26_Executive_Summary_Russian.pdf (дата обращения: 15.02.2026).

Напротив, основные виновники выбросов обладают ресурсами для эффективной адаптации и смягчения последствий.

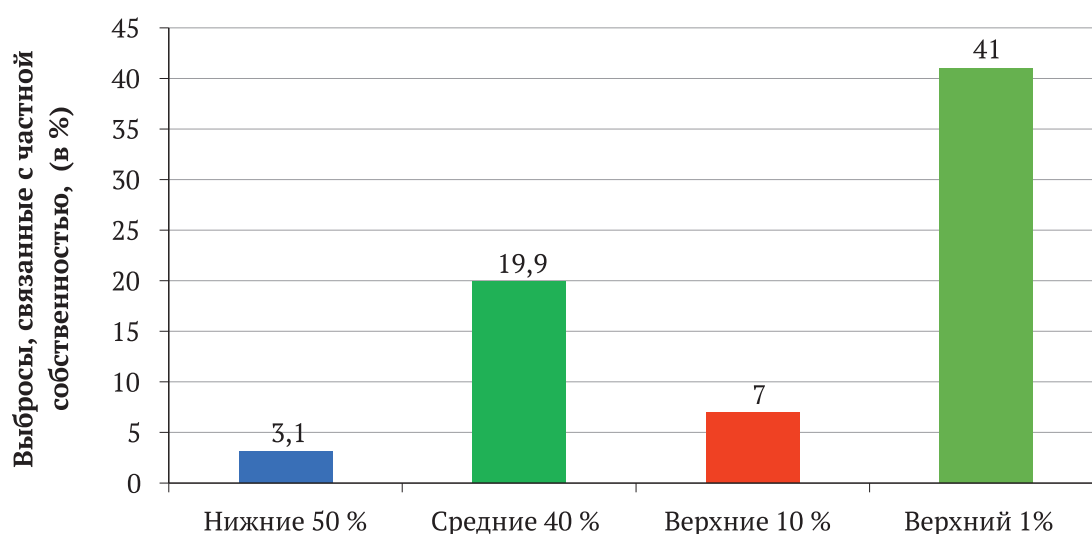

Рис. 3. Выбросы, связанные с частной собственностью, 2022 г.

Источник: Доклад о неравенстве в мире (2026 г.)¹.

Соответственно такая высокая степень неравенства по уровню жизни и благосостоянию населения значительно ограничивает воспроизводство необходимого человеческого капитала, способного к инновациям, а также в целом усиливает социальную и политическую напряженность в обществе.

Таким образом, аналитические данные о росте экономического и климатического неравенства и особенности их взаимосвязи, представленные в Докладе о неравенстве доходов в мире 2026 г. демонстрируют, что «низкоамбициозные» или «высокоамбициозные» сценарии роста недостижимы без кардинальной трансформации механизмов технологического развития. Требуется переход от политики, стимулирующей инновации ради самих инноваций, к политике, где инновации являются инструментом решения социальных и экологических задач, ориентируются на общественные ценностные изменения, предполагают ключевую роль кооперации и партнерства. Именно такая методологическая основа задается в Программе ОЭСР по преобразованию политики в сфере науки, технологий и инноваций, где представлен трансформационный подход к инновационной политике (данные представлены в таблице 1)².

Анализ работ Дж. Мокира, Ф. Агийона, П. Ховитта, Дж. М. Кейнса, доклада о неравенстве доходов в мире и программы ОЭСР по преобразованию политики в сфере науки, технологий и инноваций подводит нас к главному выводу: переход к устойчивому экономическому росту и инновационному развитию требует разрешения фундаментальных противоречий (в частности, социальных, экологических, когнитивных), которые выходят за рамки чисто рыночной парадигмы «созидательного разрушения». Объединяя эти идеи, мы при-

¹ Доклад о неравенстве в мире (2026 г.). URL: https://wir2026.wid.world/www-site/uploads/2025/12/WIR26_Executive_Summary_Russian.pdf (дата обращения: 15.02.2026).

² Программа ОЭСР по преобразованию политики в сфере науки, технологий и инноваций. URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2024/04/oecd-agenda-for-transformative-science-technology-and-innovation-policies_5ced463a/ba2aaf7b-en.pdf (дата обращения: 17.02.2026).

Таблица 1

Сравнительный анализ традиционного и трансформационного подхода
к инновационной политике¹

Традиционный подход	Трансформационный подход
• сфокусирован на производстве знаний, технологий и инноваций для повышения конкурентоспособности и экономического роста; • движущая сила – концепции научного превосходства (основаны на публикационной активности) и экономических эффектов; • ориентирован на начальные стадии инновационного цикла (научные и технологические достижения); • сосредоточен исключительно на создании новизны; • поддерживает конкретные, не связанные между собой управленческие системы; • предполагает узкую линейку инструментов инновационной политики и повышение их эффективности	• направлен на решение экономических и социальных проблем для достижения целей устойчивого развития; • движущая сила – ценности в широком понимании, согласованные с целями трансформации (междисциплинарность, принятие рисков, создание дополнительной социальной или экологической ценности); • более целостный подход, включающий инвестиции в инфраструктуру, создание новых рынков, поддержку связанных навыков и поведения, формирование совместных пространств и новых партнерств; • активно способствует выводу из эксплуатации технологий, наносящих социальный и экологический ущерб; • системный подход, скоординированный на нескольких уровнях управления; • экспериментальный и гибкий портфель инструментов политики на пересечении нескольких тематических областей (например, окружающая среда и безопасность)

ходим к пониманию, что современные технологии требуют не просто «настройки» старых институтов, а формирования принципиально нового социального уклада. Концепция ноономики как раз и претендует на роль теоретического отражения этого уклада, именуемого новым индустриальным обществом второго поколения.

Ноономика как стратегический ответ на цивилизационные вызовы

Концепция ноономики, разрабатываемая под руководством члена-корреспондента РАН С. Д. Бодрунова, исходит из того, что современный этап развития знаменует собой исчерпанность индустриально-капиталистической модели. Ее ключевые противоречия – ресурсное истощение, финансиализация, когнитивное неравенство и кризис классической парадигмы «экономикс» – не могут быть разрешены в рамках действующей системы. Ноономика же представляет собой интеллектуально-креативную парадигму, которая органично вбирает в себя все выделенные нами тенденции и выводит их на новый уровень [Бодрунов, Глазьев, 2023].

Рассмотрим подробнее, в какой мере ноономика отвечает каждому из перечисленных вызовов и тенденций.

¹ ОЭСР призывает к трансформации инновационной политики. URL <https://issek.hse.ru/news/930524717.html> (дата обращения: 17.02.2026).

1. Преодоление парадокса «созидательного разрушения» через солидаризм и кооперацию. Стоит отметить, что в модели Ф. Агийона и П. Ховитта инновация всегда несет двойственное начало (созидание для одних и разрушение для других), а в ноономике данное противоречие может быть преодолено. Основой нового уклада становится солидаризм – кооперация интересов ради общественного блага, осознанное стремление к компромиссу и социальному сотрудничеству [Бодрунов, 2024, с.19]. Последнее не отменяет, на наш взгляд, конкуренцию как таковую, а изменяет ее предмет. Так, в модели Ф. Агийона и П. Ховитта фирмы конкурируют за исключительность (право владеть технологией и изымать ренту), тогда как в ноономике акцент смещается на включенность и креативность. Другими словами, фирмы перестают конкурировать за счет сокрытия знания в целях извлечения монопольной ренты. Они начинают конкурировать за счет способности привлекать таланты и скорости горизонтальной кооперации. И именно последнее определяет в долгосрочном плане значительный экономический эффект, который в итоге капитализируется рынком, но с существенным временным лагом. Вместе с тем в краткосрочном периоде рынок не в состоянии адекватно оценить экономические эффекты от развития горизонтальных связей и их способности к воспроизводству новых знаний, так как существуют проблемы денежной оценки результатов интеллектуального труда, а также не учитывает эффекты, связанные с важнейшими эмерджентными свойствами горизонтальной системы – устойчивостью, адаптивностью, идентичностью – которые определяют функционирование фирмы в долгосрочной перспективе. При этом в условиях конкурентной борьбы менее эффективные горизонтальные сети перестраиваются и адаптируются, без банкротств отдельных узлов (в частности фирм). Сравнительная характеристика двух типов конкуренции представлена в таблице 2.

Таблица 2

Сравнительная характеристика двух типов конкуренции

Конкуренция в индустриально-капиталистической системе	Конкуренция в ноономике
за исключительность	за включенность
сокрытие знания	скорость кооперации
изъятие ренты	привлечение талантов

Источник: составлено автором

В качестве примера нового типа конкуренции может служить феномен открытых инноваций в период пандемии Covid-19. В условиях пандемийного кризиса многие компании и исследовательские центры добровольно отказались от сокрытия знания и извлечения монопольной ренты. Так, вакцина против Covid-19 Oxford-AstraZeneca распространялась на некоммерческой основе, открытые платформы объединили тысячи малых фирм и исследователей без патентных барьеров. При такой конкурентной борьбе выиграли те сети, которые показали максимальную скорость горизонтальной кооперации и привлечения талантов, а не те, кто скрывал данные. Компании с менее эффективными результатами не становились банкротами, а переориентировались, передавая ресурсы и информацию более успешным сетям. Следует отметить, что по окончании острой фазы пандемийного кризиса многие компании вернулись к патентной модели функционирования. Тем не менее, дан-

ный феномен открытых инноваций наглядно показал, что горизонтальная кооперация и солидаризм эффективны, когда общественная цель доминирует над частной выгодой.

Таким образом, если Ф. Агийон и П. Ховитт объяснили механизм ускорения роста через «созидательное разрушение», то ноономика предлагает путь к «созиданию», которое не сопровождается деструктивными социальными последствиями. Последнее предполагает смену предмета конкуренции – переход от извлечения монопольной ренты к приращению общественного интеллектуального капитала.

2. Развитие идей Дж. Мокира: от «культуры роста» к «ноочеловеку». Так, если Дж. Мокир раскрыл важность культуры, поощряющей обмен информацией, то С.Д. Бодрунов в концепции ноономики развивает данный тезис в направлении формирования «ноочеловека» – субъекта смыслов творчества, для которого творчество и развитие становятся высшими ценностями [Бодрунов, 2025, с. 19-20]. Это соответствует тому самому изменению социальных норм и переходу к нематериальным стимулам, о которых писал Дж. М. Кейнс. Процесс социализации общества, выделяемый как один из четырех векторов ноотрансформации, означает, что человек обретает все большую социальную ответственность, а его поведение формируется на основе нравственных ценностей, а не только рыночной выгоды. Таким образом, «культура роста» Дж. Мокира трансформируется в культуру творческой самореализации.

Однако не вызывает сомнений, что экономический рост и повышение благосостояния автоматически не порождают такого «ноочеловека». Исторический опыт последних десятилетий показывает, что освободившееся от нужды время с равным успехом может заполняться как созидательной деятельностью, так и гедонистическим потреблением. Поэтому переход к ноообществу невозможен без целенаправленной культурной и антропологической политики, формирующей соответствующие ценности и модели поведения.

3. Ответ на трансформационный подход ОЭСР: от «экономики знаний» к ноономике. Трансформационный подход ОЭСР требует ориентации на общественные ценности и решение социальных задач. Ноономика же задает логику, в которой их согласование эмерджентно вытекает из самой структуры, а не достигается через дополнительное звено. При этом важнейшее различие проводится между «экономикой знаний» и ноономикой. Экономика знаний все еще капитализирует интеллектуальные продукты, превращая их в товар. Ноономика же знаменует отказ от этой капитализации в пользу открытых экосистем и горизонтального когнитивного сотрудничества. Вводя понятие «кристаллизации ноономики» как сетевой модели, теория показывает, что ядром развития становится само творчество и кооперативное производство смыслов [Бодрунов, 2025, с. 23].

4. Решение проблемы технологической безработицы и экономического неравенства. Острейшая проблема, порождаемая «созидательным разрушением», – технологическая безработица. Ноономика предлагает рассматривать этот процесс не как угрозу, а как высвобождение жизненного времени человека для творческой самореализации. Цифровизация и автоматизация (NBICS-конвергенция) ведет к сокращению механизированного труда, но именно в рамках нового индустриального общества второго поколения (НАО.2) создаются условия для перехода к «немашинизируемой» деятельности – деятельности интеллектуальной, творческой, основанной на уникальных человеческих качествах. Последнее требует модернизации образования и систем переподготовки, формирующих гибкие компетенции и креативные навыки [Бодрунов, 2025, с. 21-22]. О формировании уже сегодня соответству-

ющих институтов свидетельствует принятие 16 июня 2022 года ЕС Рекомендаций о микро-степенях (микроквалификаций) в развитие непрерывного образования и роста занятости. Они призваны гармонизировать процессы разработки и признания микроквалификаций по всему Евросоюзу – как в государственном, так и в частном секторе.

Вместе с тем следует заметить, что сегодня мы видим не только экономическое неравенство, но и когнитивное неравенство. Способность к творчеству, генерации новых смыслов и сложной интеллектуальной деятельности распределена в обществе неравномерно от природы и неравномерно развивается под воздействием социальной среды. В этой связи возникает опасность перехода от классового общества к кастовому (феодалному) обществу, на новом технологическом базисе. Соответственно необходимо обеспечить развитие институтов образования и науки, направленных на снижение когнитивного неравенства, а также создания среды, где каждый сможет найти свой вид творчества (не обязательно только связанного с прорывными технологиями).

5. Диффузия собственности как основа новых производственных отношений. Ноономика учитывает и реальные изменения в структуре собственности – так называемую диффузию собственности. Индивидуальные права собственности трансформируются к гибким и более отчужденным формам владения и пользования (акционерное, ассоциативная форма владения и пользования, государственно-частное партнерство и т.д.). Это создает предпосылки для нового типа хозяйственной мотивации, где владение и пользование перестают быть жестко привязаны к индивидууму, уступая место коллективным и сетевым формам [Бодрунов, 2022, с. 20]. В таких условиях инновации создаются не для извлечения монопольной ренты (как в модели Ф. Агийона и П. Ховитта), а для развития всей экосистемы.

Таким образом, ноономика выступает не просто абстрактной теорией, а стратегическим ответом на глобальные цивилизационные вызовы.

Выводы

Проведенный анализ показал ограниченность традиционной рыночной парадигмы в рамках действующего механизма «созидательного разрушения» Ф. Агийона и П. Ховитта. Инновации в этой модели неизбежно порождают технологическую безработицу, когнитивное и экономическое неравенство, а также экстернальные экологические издержки. Ключевая проблема заключается в том, что конкуренция за монопольную ренту стимулирует сокрытие знаний и блокирует потенциал горизонтальной кооперации. Следовательно, дальнейшее следование логике «созидательного разрушения» без смены целевых ориентиров ведет не к устойчивому развитию, а к воспроизводству системных кризисов. Опираясь на идеи Дж. Мокира и Дж. М. Кейнса, можно утверждать, что одних технологических и институциональных условий недостаточно. «Культура роста», поощряющая обмен информацией, должна быть дополнена целенаправленной культурной и антропологической трансформацией. Требуется переход к политике, где инновации становятся инструментом решения социальных и экологических задач, а не самоцелью.

Концепция ноономики (С.Д. Бодрунов) предлагает именно такой механизм. Она снимает парадокс «созидательного разрушения» через солидаризм и кооперацию, меняя предмет конкуренции: с извлечения монопольной ренты на приращение общественного интеллектуального капитала. Тем самым ноономика объясняет, как организовать «созидание» без деструктивных социальных последствий.

Ноономика предполагает формирование «ноочеловека» – субъекта смыслотворчества, для которого творчество становится высшей ценностью (развитие идей Дж. М. Кейнса и Дж. Мокира). Технологическая безработица переосмысливается как высвобождение времени для немашинизируемой творческой деятельности. Одновременно диффузия собственности создает материальную основу для нового типа хозяйственной мотивации, ориентированной на развитие всей экосистемы, а не на защиту активов.

В исследовании в качестве главного вызова современности показано когнитивное неравенство и угроза нового кастового общества. Без целенаправленного развития институтов образования и науки, направленных на снижение когнитивного неравенства и создание среды для разнообразных форм творчества, технологический прогресс лишь закрепит элитарный доступ к инновационной деятельности.

Таким образом, устойчивый инновационный рост невозможен в рамках индустриально-капиталистической парадигмы, основанной на конкуренции за исключительность. Единственный способ выйти на траекторию устойчивого экономического роста, избежав ловушек неравенства, экологических катастроф и социальных конфликтов – это формирование нового социально-экономического уклада. Переход к нему требует не просто технологических, но целенаправленных культурных, антропологических и институциональных преобразований, ставящих во главу угла солидаризм, кооперацию и приращение общественного интеллектуального капитала.

Список источников

- Бодрунов С.Д. (2025). От экономики – к ноономике (тезисы к вопросу о стратегировании интеллектуально-креативного аспекта (НОО) трансформации общества // Экономическое возрождение России. №1(83). С.5-31. DOI: 10.37930/1990-9780-2025-1-83-5-31.
- Бодрунов С.Д. (2024). Ноономика и ее роль в разрешении проблем современности: теоретические аспекты и практика управления социально-экономическим развитием // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте. Т. 3, № 4. С. 13–21. DOI: 10.37930/2782-618X-2024-3-4-13-21.
- Бодрунов С.Д., Глазьев С.Ю. (2023). Закономерности формирования основ ноономики как грядущего общественного устройства: знать и действовать. СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте; М.: Центркаталог. 340 с.
- Бодрунов С.Д. (2022). Научно-технический прогресс и трансформация общества: ноономика и ноообщество. Часть 1 // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте. Т. 1, № 1. С. 24–42. DOI: 10.37930/2782-618X-2022-1-1-24-42.
- Золотов А.В. (2015). Маркс и Кейнс о сокращении рабочего времени: прогнозы не сбывшиеся, но гениальные // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. №4 (40). С.27–45.
- Кейнс Дж.М. (2009). Экономические возможности наших внуков // Вопросы экономики. № 6. С. 60–67.
- Мокир Дж. (2017). Просвещенная экономика Великобритании и промышленная революция 1700–1850 гг. / пер. с англ. Н. Эдельмана. М.: Институт Гайдара, 792 с.
- Мокир Дж. (2012). Дары Афины. Исторические истоки экономики знаний / пер. с англ. Н. Эдельмана; под ред. М. Ивановой. М.: Иэд. Института Гайдара. 408 с.

Aghion P.M., Howitt P.W. (1990). A Model of Growth Through Creative Destruction // NBER Working Paper. № 3223. DOI: 10.3386/w3223.

References

- Bodrunov S. D. (2025). From Economy to Noonomy (Theses on the Issue of the Intellectual-Creative Aspect Strategy of the Societal (Noo) Transformation). *Economic Revival of Russia*. Vol. 83. No. 1. Pp. 5-31. DOI: 10.37930/1990-9780-2025-1-83-5-31 (In Russ.).
- Bodrunov S. D. (2024). Noonomy and its Role in Resolving the Issues of Modernity: Theoretical Aspects and Practice of Managing Social and Economic Development. *Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works of the S. Y. Witte INID*. Vol. 3. No. 4. Pp. 13-21. DOI: 10.37930/2782-618X-2024-3-4-13-21 (In Russ.).
- Bodrunov S. D., Glazyev S. Y. (2023). *Regularities of the Noonomy Foundations Formation as Future Social Order: To Know and Operate*. St. Petersburg: S. Y. Witte INID; Moscow: Centercatalog. 340 p. (In Russ.).
- Bodrunov S. D. (2022). Scientific and Technological Progress and Transformation of Society: Noonomy and Noosociety. Part 1. *Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works of the S. Y. Witte INID*. Vol. 1. No. 1. Pp. 24-42. DOI: 10.37930/2782-618X-2022-1-1-24-42 (In Russ.).
- Zolotov A. V. (2015). K. Marx and J. M. Keynes About the Reduction of Working Time: Failed, but Brilliant Forecasts. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. Social Sciences*. Vol. 40. No. 4. Pp. 27-45. (In Russ.).
- Keynes J. M. (2009). Economic Possibilities for Our Grandchildren. *Problems of Economics*. No. 6. Pp. 60–67. (In Russ.).
- Mokyr J. (2017). *The Enlightened Economy: Britain and the Industrial Revolution, 1700-1850*. Translation from English by N. Edelman. Moscow: Gaidar Institute. 792 p. (In Russ.).
- Mokyr J. (2012). *The Gifts of Athena: Historical Origins of the Knowledge Economy*. Translation from English by N. Edelman. Moscow: Gaidar Institute. 408 p. (In Russ.).
- Aghion P.M., Howitt P. W. A. (1990). Model of Growth Through Creative Destruction. *NBER Working Paper*. No. 3223. DOI: 10.3386/w3223.

Информация об авторе

Харитонова Елена Владимировна

доцент кафедры экономики и управления ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», кандидат экономических наук, доцент (392000, РФ, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33)

E-mail: lena538639@yandex.ru

Information about the author

Elena V. Kharitonova

Assistant Professor at the Department of Economics and Management, Derzhavin Tambov State University, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor (33 Internatsionalnaya ul., Tambov, 392000, Russia)

E-mail: lena538639@yandex.ru

НООНОМИКА РАСШИРЯЕТ МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРИСУТСТВИЕ: ВСТРЕЧИ С ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ КНР

В рамках Российско-Китайского круглого стола «Проблемы экономической модернизации и различные аспекты совмещения траекторий развития России и Китая», состоявшегося 21 мая 2026 года в Конгресс-холле ВЭО России, прошла рабочая встреча директора ИНИР имени С.Ю. Витте, президента ВЭО России, члена-корреспондента РАН С.Д. Бодрунова с профессором Чен Эньфу, председателем Всемирной ассоциации политической экономики, академиком Китайской академии общественных наук. В переговорах также принял участие генеральный секретарь Всемирной ассоциации политической экономики, профессор Шанхайского финансово-экономического университета Дин Сяоцинъ.

В ходе встречи стороны обсудили перспективы развития российско-китайского научно-сотрудничества в области новых теорий общественного развития, приоритетное положение среди которых занимает концепция ноономики. Китайские коллеги отметили значимость теории ноономики, разработанной С.Д. Бодруновым, для понимания современного социально-экономического развития и выразили заинтересованность в ее дальнейшем изучении и продвижении в Китае.

По итогам переговоров была достигнута договоренность об открытии Центра ноономики на базе Шанхайского финансово-экономического университета. Кроме того, академик Чен Эньфу и профессор Дин Сяоцинъ вступили во Всемирную Ассоциацию Ноономики, что создает дополнительные институциональные возможности для расширения международного научного диалога.

Отдельное внимание было уделено организации совместных научно-образовательных мероприятий. В частности, стороны рассматривают возможность объединения форматов ежегодной конференции Всемирной ассоциации политической экономии (WAPE) и Московского политэкономического конгресса (МПЭК).

Достигнутые договоренности открывают новые перспективы российско-китайского взаимодействия в сфере исследования теории ноономики, политической экономии и альтернативных стратегий общественного развития.

На полях Московского академического экономического форума (МАЭФ) состоялась рабочая встреча С.Д. Бодрунова с профессором Ван Вэнем – директором Института финансовых исследований «Чунъян» и Школы глобального лидерства Китайского народного университета, сопредседателем Экспертно-делового совета ВЭО России по развитию российско-китайского сотрудничества.

В ходе переговоров стороны обсудили перспективы институционализации международного сотрудничества – была достигнута договоренность об открытии филиала Всемирной Ассоциации Ноономики на базе Китайского народного университета. Объявление о создании нового центра планируется сделать в рамках Тяньчжоуского форума (10-11 октября 2026 г., Пекин).

Отдельное внимание было уделено развитию сотрудничества в области образования. С.Д. Бодрунов и Ван Вэнь договорились о проведении цикла лекций по теории ноономики в рамках программы PhD «Глобальное лидерство» Китайского народного университета, что позволит представить основные положения концепции ноономики обучающимся программы из более чем 20-ти стран мира и вовлечь молодых исследователей в научный диалог по вопросам трансформации современного общества и нового индустриального развития.

РАБОЧАЯ ВСТРЕЧА С.Д. БОДРУНОВА С ГЕНЕРАЛЬНЫМ ДИРЕКТОРОМ ОФИСА НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ ЛАОССКОЙ НАРОДНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ПРОФЕССОРОМ КЕЙСОНОМ ЧАНСИНА

27 мая 2026 года в Москве состоялась рабочая встреча директора Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте, профессора, члена-корреспондента РАН С.Д. Бодрунова с генеральным директором Офиса Национальной академии Лаосской Народно-Демократической Республики профессором Кейсоном Чансина.

Стороны обсудили вопросы развития совместной деятельности, подготовки научной конференции и чтения курса лекций по теории ноономики в Лаосской Народно-Демократической Республике. По итогам переговоров был согласован пакет мероприятий, направленных на продвижение теории ноономики в странах Юго-Восточной Азии на период до 2029 года.

РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЙ КРУГЛЫЙ СТОЛ

21 мая т.г. в Конгресс-холле ВЭО России состоялся круглый стол на тему «Проблемы экономической модернизации и различные аспекты совмещения траекторий развития России и Китая». В мероприятии приняли участие ведущие ученые и эксперты из России и Китая, делегация посольства КНР в России.

Открывая мероприятие, президент ВЭО России, директор ИНИР им. С.Ю. Витте, член-корреспондент РАН **С.Д. Бодрунов** выразил признательность Посольству КНР в России за внимание к работе по укреплению научных связей между российскими и китайскими учеными и подчеркнул, что Россия и Китай ведут постоянный поиск новых форм сотрудничества и точек соприкосновения — в экономике, социальной и научно-экспертной сфере и др.

Полномочный министр Посольства КНР в РФ госпожа **Чан Сюйхун** от имени посла КНР в РФ Чжан Ханьхуэя поблагодарила Вольное экономическое общество России за организацию российско-китайского круглого стола и рассказала о динамике и результатах торгово-экономического сотрудничества двух стран. По мнению госпожи Чан Сюйхун, достижения в этой сфере стали возможны, в том числе, благодаря совместной работе российских и китайских ученых и экспертов.

«Третий год подряд товарооборот России и Китая превышает отметку в 200 млрд долларов. Ожидается, что по итогам этого года он достигнет 250 млрд долларов. При этом в структуре нашей торговли происходит качественный скачок. Растет доля машиностроительной и высокотехнологичной продукции. Увеличиваются объемы товаров с высокой добавленной стоимостью — это и биомедицинская, и авиакосмическая продукция. Это свидетельствует о том, что китайско-российское торгово-экономическое сотрудничество давно вышло за рамки простого товарного обмена и смещается в сторону совместных разработок, кооперационного производства, стыковки наших стратегий. Все эти достижения стали возможны благодаря нашему руководству, а также результатам общих усилий различных министерств, ведомств, экспертов и ученых обеих стран», — считает полномочный министр Посольства КНР в РФ.

Госпожа Чан Сюйхун полагает, что Россия и Китай должны создавать новые точки роста в двусторонней торговле.

«Экономики России и Китая обладают высокой степенью взаимодополняемости. Нам необходимо сохранять положительную динамику сотрудничества, активно расширять его в таких передовых областях, как искусственный интеллект и цифровая экономика. Мы должны создавать новые точки роста в двусторонней торговле и способствовать повышению качества и уровня нашего торгово-экономического взаимодействия», — сказала полномочный министр Посольства КНР в РФ.

С основным докладом выступил профессор **Чен Эньфу**, председатель Всемирной ассоциации политической экономии (WAPE), академик Китайской академии общественных наук.

Ученый отметил важность углубления взаимодействия между Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС) и Китаем, сопряжения планов развития ЕАЭС и инициативы «Один пояс, один путь».

Профессор Чен Эньфу указал на необходимость развития сотрудничества России и Китая в финансовой сфере, в том числе в области расчетов в национальных валютах, и под-

черкнул, что гегемония доллара представляет серьезную опасность не только для России и Китая, но и для всего мирового сообщества.

«Наши страны и народы должны объединиться и противостоять новому империализму, неоколониализму и всем формам гегемонии. Это станет импульсом для развития наших экономик, повышения уровня образования и качества жизни населения», — полагает ученый.

Научный руководитель Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН, академик РАН, член Президиума ВЭО России **В.А. Крюков** посвятил свое выступление вопросам научно-технического сотрудничества двух стран и перехода к кооперации при производстве продуктов с повышенной добавленной стоимостью.

По мнению ученого, следует связать центры экономической активности на востоке России и на территории Китая, наладить устойчивые и регулярные поставки сырья, материалов и оборудования и перейти к технологической кооперации при производстве новых видов продукции.

Ученый отметил, что для России представляет большой интерес опыт формирования в Китае интегрированных проектов, которые охватывают всю цепочку создания дополнительной стоимости.

Заместитель директора Института проблем нефти и газа РАН, член-корреспондент РАН, член Правления ВЭО России **В.И. Богоявленский** отметил большой потенциал для расширения сотрудничества России и Китая в области освоения ресурсов нефти и газа: Россия является надежным поставщиком нефти и газа на растущий рынок КНР. Китай, в свою очередь, может поставлять нашей стране оборудование для нефтегазового бурения, что, конечно, не отменяет необходимость развивать собственные технологии.

«Китай развивается так активно, что испытывает нехватку в углеводородах. Это залог серьезного сотрудничества между нашими странами. Россия с каждым годом наращивает поставки углеводородов в Китай», — сказал Василий Богоявленский.

Заместитель директора по научной работе ИМЭМО РАН **А.В. Ломанов** согласился: Китай заинтересован в надежном поставщике углеводородов и развитии транспортных коридоров, обе страны — в формировании производственных альянсов с дружественными странами, что открывает новые возможности для углубления двустороннего сотрудничества.

Главный директор по финансовым исследованиям «Института энергетики и финансов», член Правления ВЭО России **М.В. Ершов** отметил необходимость проработки вопросов, связанных с альтернативными механизмами расчетов между Россией и Китаем.

«Важно решать вопросы с платежами — они должны быть своевременными и проходить без сбоев. Нужно искать альтернативные механизмы, решения, которые позволят избежать проблем, связанных с риском вторичных санкций для тех банков и структур, которые участвуют в платежах. Речь идет в том числе о цифровых валютах Центральных банков России и Китая, валютах стран БРИКС», — сказал Михаил Ершов.

Заместитель директора научно-исследовательского института «Инновационные финансовые инструменты и технологии» Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова **М.А. Минченков** полагает, что для дедолларизации расчетов нужны новые финансовые инструменты и работа над созданием единой расчетно-клиринговой системы.

«Народный Банк Китая планирует размещать на территории КНР стейблкоины, обеспеченные реальными активами. В России была утверждена концепция токенизации активов

реального сектора экономики. Это позволяет нашим странам двигаться к созданию единого инструмента расчетно-клирингового характера для взаимодействия. Мы предлагаем создать систему распределенных биржевых площадок, которые могут производить котировку стейблкоинов, обеспеченных реальными активами, в национальных валютах», — сказал Михаил Минченков.

Участники круглого стола обсудили вопросы расширения российско-китайского сотрудничества в научно-экспертной сфере.

Профессор Шанхайского финансово-экономического университета, генеральный секретарь Всемирной ассоциации политической экономии **Дин Сяоцин** отметил значительный вклад российских ученых в развитие экономической теории, выделив теорию ноономики, автором которой является президент ВЭО России Сергей Бодронов, и рассказал о планах создать на базе Шанхайского финансово-экономического университета совместный российско-китайский исследовательский центр совместно с Университетом идей Си Цзиньпина и Институтом нового индустриального развития имени С.Ю. Витте.

Профессор Чен Эньфу также отметил важность новых теорий общественного развития, в частности концепции ноономики.

«Мы в Китае планируем активно развивать теорию ноономики вместе с Сергеем Бодроновым и нашими китайскими коллегами», — подчеркнул ученый.

На круглом столе были представлены издания российских и китайских ученых, которые вызвали большой интерес у научно-экспертного сообщества. В частности, была презентована монография профессора Чен Эньфу «Мировая обстановка и китайская экономика в новую эпоху», опубликованная на русском языке.

Ход и итоги круглого стола освещали, ТАСС и другие СМИ.

Х МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПОЛИТЭКОНОМИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС ИМЕНИ А.В. БУЗГАЛИНА

28-29 мая 2026 г. на площадке экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова состоялся X Международный политэкономический конгресс имени А.В. Бузгалина (МПЭК) на тему «Политическая экономия в исследовании современных вызовов для России: от технологического суверенитета к опережающему развитию».

Соорганизаторами МПЭК выступили Институт нового индустриального развития имени С.Ю. Витте и экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова при поддержке Вольного экономического общества России, Всемирной политэкономической ассоциации (WAPE) и журнала «Вопросы политической экономии».

Мероприятие собрало более 200 участников из разных регионов России, а также зарубежных стран (Азербайджан, Белоруссия, Бразилия, Великобритания, Венгрия, Греция, Италия, Канада, Китай, Лаос, Польша, США, Франция, Япония), что позволило осуществить широкий обмен академическим опытом и результатами научных разработок в рамках современной политической экономии, а также других смежных исследовательских традиций в экономической теории.

С приветственным словом выступили **С.Д. Бодронов** (член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, Президент Вольного экономического общества России, директор Института нового индустриального развития имени С.Ю. Витте), **А.А. Аузан** (доктор экономических наук, профессор, декан экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова), **А.П. Козырев** (кандидат философских наук, доцент, исполняющий обязанности декана философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова), **О.Н. Смолин** (академик

РАО, доктор философских наук, первый заместитель председателя Комитета по науке и высшему образованию Государственной Думы ФС РФ), отметив все большую актуальность методологии и теории политической экономии в условиях современных глобальных геополитических и социально-экономических вызовов.

В рамках своего пленарного доклада «Ноопереход: трансформация дихотомии «рынок – план» в триаду «планирование – стратегирование – глобальное управление» **С.Д. Бодрунов** выделил назревшие материальные предпосылки ускорения формирования нового индустриального общества второго поколения с последующим продвижением к ноо-обществу, которые связаны со стремительным распространением знаниеемких составляющих материального производства и творческого труда. Вместе с тем изживающая свой век не-олиберальная модель привела к формированию глубоких противоречий, выражающихся в стагнации социально-экономического развития, загрязнении окружающей среды и усилении геополитической напряженности. Современный мир находится на развилке истории, где одним направлением развития может стать взаимовыгодное и взаимоуважительное сотрудничество стран, создание предпосылок для гармоничного развития человека и общества, а другой чреват утратой общественного контроля над новыми технологиями, регулярными военными конфликтами и вырождением человеческой цивилизации. В этих условиях требуется более сложная и гибкая управленческая система, основанная на принципах стратегирования и координации проектов развития между странами. Как было отмечено в докладе, современный Китай предлагает миру именно такой перспективный проект в виде Инициативы глобального управления, представленной Си Цзиньпином в 2025 г.

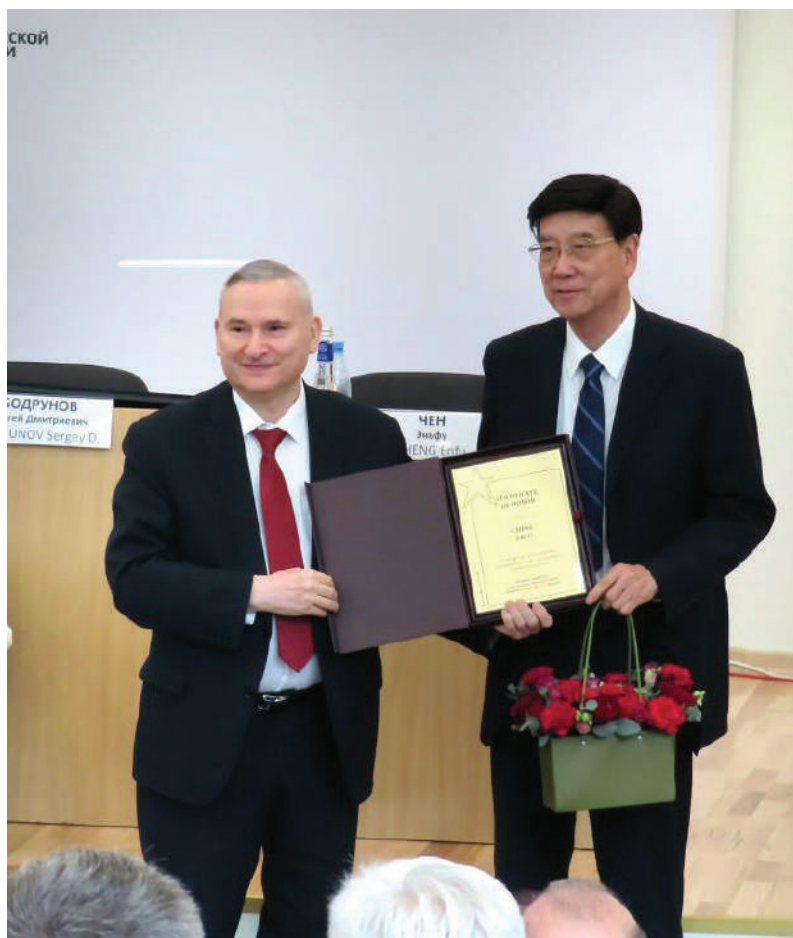
Пленарный доклад академика **Чен Эньфу** (президент Всемирной ассоциации политической экономии (WAPE), директор Института марксистских исследований Шанхайского

университета финансов и экономики, член Академического совета Китайской академии общественных наук) был посвящен основным направлениям развития современной политической экономии. Во-первых, происходящем углублении исследований теории живого труда в эпоху интеллектуальной экономики, что помогает прояснить взаимосвязь данных, технологий и труда, увидеть новые формы эксплуатации, ограничить неконтролируемую экспансию платформенного капитала, защитить права и интересы работников, обеспечить теоретическую основу для реформы системы прав собственности и распределения в эпоху интеллектуальной экономики. Во-вторых, современная политическая экономия не может замыкаться в рамках одной теоретической парадигмы. Она должна активно интегрировать такие современные прикладные экономические дисциплины, как финансы (включая государственные и корпоративные финансы), денежно-кредитную систему и международную экономику, для расширения теоретического кругозора и повышения объяснительной силы реальности, а также построения систематизированной и актуальной теоретической системы современной политической экономии. В-третьих, исследование институциональных причин медленного экономического роста, обусловленных частным монополистическим капиталом при капитализме. В-четвертых, формирование школ и объединение сил в современной политической экономии для усиления координации, создании союзов и равноправном сотрудничестве. Всемирная политэкономическая ассоциация (WAPE) и международный академический журнал «World Review of Political Economy», созданные 20 лет назад, являются платформами для объединения левых академических сил. В заключении профессор Чен Энфу выразил надежду, что российские экономисты, выступающие против неолиберализма, будут играть более значительную роль в данном направлении.

В пленарном заседании МПЭК с докладами также выступили российские ученые: **Ю.Г. Лаврикова**, д.э.н., доцент, директор Института экономики Уральского отделения РАН, **А.А. Шабунова**, д.э.н., доцент, директор Вологодского научного центра РАН, **Г.Б. Клейнер**, член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор, руководитель научного направления «Мезоэкономика, микроэкономика, корпоративная экономика» Центрального экономико-математического института РАН, **Е.Б. Ленчук**, д.э.н., руководитель научного направления «Экономическая политика» Института экономики РАН, **А.Ю. Протасов**, к.э.н., доцент, заведующий кафедрой экономической теории экономического факультета и истории экономической мысли Санкт-Петербургского государственного университета, **А.А. Пороховский**, д.э.н., профессор, научный руководитель кафедры политической экономии экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, **А.И. Колганов**, д.э.н., профессор, заведующий лабораторией сравнительного исследования социально-экономических систем экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, главный редактор журнала «Вопросы политической экономии», **Л.А. Карасева**, д.э.н., профессор, профессор кафедры экономической теории Института экономики и управления Тверского государственного университета, **С.А. Толкачев**, д.э.н., профессор, профессор кафедры экономической теории факультета международных экономических отношений Финансового университета при Правительстве РФ, **Хубиев К.А.**, д.э.н., профессор, профессор кафедры политической экономии экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, а также зарубежные ученые: **Радика Десаи**, соруководитель Исследовательской группы по геополитической экономии, профессор Университета Манитобы, приглашенный профессор Лондонской школы экономики (Канада, Великобритания), **Чансина Кэйсон**, генеральный директор

Аппарата управления Национальной академии политики и государственного управления (Лаос), **Дин Сяоцин**, генеральный секретарь Всемирной политэкономической ассоциации (WAPЕ) (Китай), **Алан Фриман**, соруководитель Исследовательской группы по геополитической экономике Университета Манитобы, профессор Университета Гринвича (Канада, Великобритания), **Ставрос Мавродис**, профессор департамента социальной политики Университета Пантейон (Греция), **Элен Клеман-Питио**, почетный профессор экономического факультета Государственного университета Сержи-Понтуаз (Франция).

В рамках специального мероприятия **Бранко Миланович**, лауреат премии Леонтьева, старший научный сотрудник Центра Стоуна по изучению социально-экономического неравенства Городского университета Нью-Йорка, приглашенный профессор Международного института неравенства Лондонской школы экономики и политических наук, бывший ведущий экономист исследовательского отдела Всемирного банка, провел лекцию на тему «Великая глобальная трансформация: США, Китай и перестройка экономического мирового порядка». В лекции было показано, что глобальный неолиберализм переживает системный кризис, ведущий к формированию более плутократических и популистских политических режимов. В настоящее время наблюдается крупнейшее изменение структуры доходов населения мира со времен промышленной революции вследствие растущей экономической мощи Азии и эрозии среднего класса в странах Запада, что дает основу для формирования нового мирового порядка вкупе с ростом геополитической напряженности.

Дипломами Программного комитета МПЭК за вклад в развитие теории и методологии политической экономии, преподавание и просительскую деятельность в области политической экономии, были награждены ученые политэкономы из России, Китая, Канады.

В рамках 12 секционных заседаний было проведено комплексное обсуждение вопросов развития теории и методологии политической экономии в исследовании новых вызовов общества, социально-экономических предпосылок и последствий современного научно-технического прогресса, факторов ускоренного социально-экономического развития России и обеспечения технологического суверенитета, потенциала и пределов движения к многополярному миру и ряду других актуальных тем. Особое внимание было уделено проблематике включения курсов политической экономии в структуру учебных планов в вузах и совершенствования их содержания. В рамках дискуссий сохранилась академическая преемственность с результатами обсуждений на прошлых конгрессах, и была заложена основа для плодотворной работы в будущем.

19-Й ЕЖЕГОДНЫЙ ФОРУМ ВСЕМИРНОЙ АССОЦИАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

5-7 августа 2026 г. состоится 19-й ежегодный Форум Всемирной ассоциации политической экономики (WAPE).

Тема Форума: «Богатство народов в эпоху многополярности», посвященное 250-й годовщине публикации «Исследование о природе и причинах богатства народов» Адама Смита.

Место проведения – Старый Королевский военно-морской колледж в Гринвиче, Лондон (Великобритания).

На Форуме будут рассмотрены следующие темы:

- значимость Адама Смита для современной экономической мысли;
- связь Маркса и его последователей со Смитом;
- геополитическая экономия эпохи капитала;
- политическая экономия развития;
- развитие производительных сил в многополярном мире;
- современные производительные силы, искусственный интеллект, ноономика и креативная экономика;
- негативные последствия использования доллара США в качестве мировой валюты и стейблкоинов, привязанных к доллару США;
- значение и влияние недавних политических инициатив Китая (например, Инициатива глобального управления);
- роль социализма в политической экономии и геополитэкономии капитализма;
- развивающаяся роль таких организаций и структур, как БРИКС и ШОС;
- роль региональных блоков и институтов в формировании многополярного управления;
- экологический вызов и ресурсная политика в многополярном мире;
- изменения в трудовых отношениях и производственных системах в условиях многополярности;
- международные производственные сети;
- средства к существованию в мире и «черта бедности» для американского народа;
- современные формы гегемонизма, империализма, колониализма и расизма;
- поддержание целостности и развитие марксистской политической экономии посредством международного сотрудничества;
- исследования международных школ инновационного марксизма;
- макроэкономическое моделирование.

В работе Форума примет участие российская делегация во главе с исполнительным директором ИНИР им. С.Ю. Витте, член-корреспондентом РАН, Advisor Всемирной ассоциации политической экономики С.Д. Бодруновым.

Для сведения:

Всемирная ассоциация политической экономики (WAPE) – это международная научная организация, зарегистрированная в Париже и основанная экономистами-марксистами и связанными с ними организациями по всему миру. Миссия WAPE заключается в использовании современной марксистской политической экономики для анализа и изучения мировой экономики, выявления законов ее развития и разработки политических мер по содействию экономическому и социальному прогрессу на национальном и глобальном уровнях. За период с 2006 по 2025 гг. состоялось восемнадцать форумов WAPE, которые проходили в Шанхае (Китай), Симане (Япония), Пекине (Китай), Париже (Франция), Сучжоу (Китай), Амхерсте (США), Мехико (Мексика), Флорианополисе (Бразилия), Ханое (Вьетнам), Йоханнесбурге (ЮАР), Патиале (Индия), Москве (Россия), Берлине (Германия), Виннипеге (Канада), Шанхае (Китай), Фучжоу (Китай), Афинах (Греция), Стамбуле (Турция). Участниками прошлых форумов WAPE были представители более 50 стран Азии, Австралии, Африки, Европы, Северной и Южной Америки.

Председатель Всемирной ассоциации политической экономики (WAPE) – директор Института марксистских исследований Шанхайского университета финансов и экономики, член Академического совета Китайской академии общественных наук, профессор Чен Эньфу.

В этом году на Юбилейном X Международном политэкономическом конгрессе имени А.В. Бузгалина, проходившем при поддержке ИНИР им. С.Ю. Витте в МГУ имени М.В. Ломоносова, профессору Чен Эньфу был вручен Почетный диплом Программного комитета конгресса «За выдающийся вклад в развитие политической экономики».

Global Transformations of the 21st Century: The Future of Humans, Markets and Capital

USA: Apple Academic Press Inc, 2026

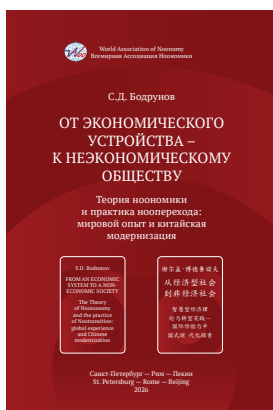
В американском издательстве Apple Academic Press* издана книга «Глобальные трансформации XXI века: будущее человека, рынка и капитала».

Научный редактор издания – профессор С.Д. Бодрунов.

В книге представлены исследования ученых из разных стран мира по актуальным вопросам социально-экономического развития. В книге объясняется методология применения ноономики не только с целью анализа современной социально-экономической системы, но и для выстраивания прогноза в связи с ее трансформацией и развитием в долгосрочной перспективе, при этом акцент делается на том, что именно знания, а не научно-технический прогресс как таковой, являются глубинной движущей силой, способствуют развитию человечества, общества и цивилизации. В то же время, согласно теории, долгосрочное развитие общества должно носить гуманистический характер и содержание, поэтому наряду с социально-экономическими преобразованиями следует ожидать изменений самих людей.

Издание стало результатом научной дискуссии, состоявшейся на международном теоретическом семинаре ИНИР им. С.Ю. Витте «Глобальные трансформации XXI века: будущее человека, рынка и капитала» с участием экономистов из России, Турции, Канады, США, Китая, Греции, Хорватии, Великобритании.

* с 2012 года Apple Academic Press состоит в эксклюзивном партнерстве по совместному изданию книг с международной компанией Taylor & Francis, которая осуществляет распространение и маркетинг всех изданий AAP Taylor & Francis Group – одно из старейших и крупнейших в мире академических издательств, основанное в Великобритании в 1798 г. Сегодня издательство ежегодно публикует более 2500 рецензируемых журналов и свыше 8000 новых книг. Издательство имеет представительства более чем в 15 странах и признано одним из ключевых глобальных игроков в сфере цифровых книг и открытого доступа, выпуская передовую литературу как по гуманитарным дисциплинам, так и по направлениям STEM и медицине.

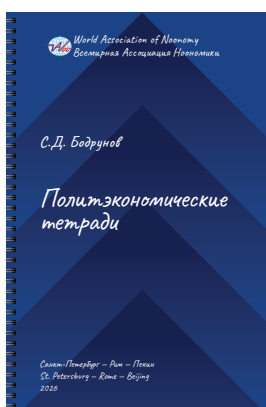
От экономического устройства – к неэкономическому обществу. Теория ноономики и практика нооперехода: мировой опыт и китайская модернизация

Бодрунов С.Д.

Сб. науч. трудов. – СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2026. – 336 с.

Книга включает краткую выборку из авторских материалов профессора С.Д. Бодрунова. Цель настоящей работы состоит в том, чтобы не только изложить базовые положения теории ноономики и концепции нооперехода, но и продемонстрировать практические подходы к их реализации, выстраиваемые на основе ноопринципов. Таким образом, каждый читатель сможет ознакомиться как с мировыми социально-экономическими тенденциями и трендами, так и с методологией выстраивания национальных, региональных и глобальных путей и направлений общественного развития. В особом фокусе находятся развивающиеся страны и государства, прошедшие длительный период трансформации, такие как Китай, Россия, Бразилия, Мексика и т.п. Все они находятся в поисках собственной «колеи», оставаясь при этом в рамках единой траектории ноодвижения, ведь ноо-общество есть плод коллективных, совместных усилий, знаниеконцентрации и знаниеприложения.

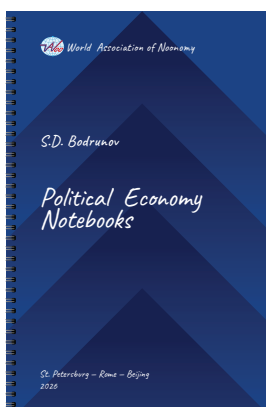
Материалы в книге представлены на русском, английском и китайском языках.

Политэкономические тетради

Бодрунов С.Д.

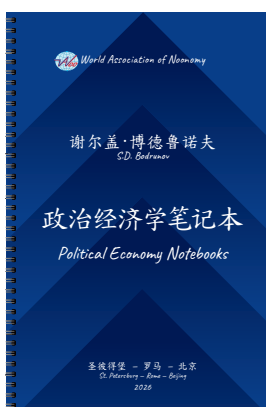
Сб. науч. трудов / Редактор-составитель А.И. Колганов. – СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2026. – 416 с.

Political Economy Notebooks

S.D. Bodrunov

Collection of Research Papers / Compiling Editor A.I. Kolganov. – SPb: S.Y. Witte INID 2026. – 384 pages.

谢尔盖·博德鲁诺夫 政治经济学笔记 / 学术著作集 / 编者科尔加诺夫— 圣彼得堡: 维捷新兴工业发展研究所, 2026. — 256.

В книге собраны публикации С.Д. Бодрунова, в которых проблемы современных трендов развития человеческой цивилизации рассматриваются с использованием теоретического и методологического арсенала политической экономии. Развивая теорию ноономики, С.Д. Бодрунов опирается на политическую экономию, как способ понимания тех социально-экономических противоречий, которые ведут к нарастанию глобальных проблем, и в тоже время создают предпосылки для перехода на новую ступень развития. Здесь представлены плоды работы автора более, чем за десять лет, сгруппированные по тематическим линиям исследования. При этом политико-экономический взгляд представлен в контексте более широкого, комплексного подхода к изучению развития общества.

Книга предназначена для ученых и преподавателей, аспирантов и студентов в области общественных наук.

Материалы изданы на русском, английском и китайском языках.

Научное издание

НООНОМИКА И НОООБЩЕСТВО

АЛЬМАНАХ ТРУДОВ ИНИР им. С.Ю. ВИТТЕ

Том 5, №2 2026 Vol 5, No.2

Noonomy and Noosociety.

Almanac of Scientific Works of the S.Y. Witte INID

В журнале используются материалы Института ноономики и Нового индустриального развития им. С.Ю. Витте, которые докладывались на научных семинарах и конференциях ИНИР им. С.Ю. Витте, и представляют собой концентрированную подборку публикаций по концепции нового индустриального общества второй генерации и теории ноономики, развиваемых ИНИР им. С.Ю. Витте совместно с российским и международным научным сообществом

Адрес редакции и издателя:

197101, Санкт-Петербург, ул. Б. Монетная, д.16
Тел.: +7 (812) 313-82-68, e-mail: noonomy@inir.ru

Подписано к печати 06.06.2026 г.

Дата выхода в свет 20.06.2026 г.

Формат 60×84/8. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 16,74.

Тираж 1000 экз. Заказ 19

Свободная цена

Общество с ограниченной ответственностью «Медиа Гранд»,
152900, Ярославская область, г. Рыбинск, ул. Орджоникидзе, 57